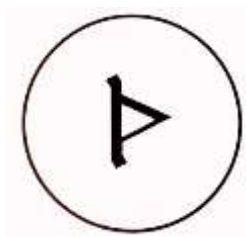

eISSN 2522–9125

pISSN 2524–0471

SOCIAL COMMUNICATIONS: THEORY AND PRACTICE

Scientific semiannual magazine

Volume 10

(January – June)

Kyiv – 2020

СОЦІАЛЬНІ КОМУНІКАЦІЇ: ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА

Науковий піврічний журнал

Том 10

(січень – червень)

Київ – 2020

UDC 316.28 : 316.77(075.8) + 007 : 304 : 001 + 002 + 004 + 004.9 + 01 + 02 + 08 + 070 + 659
C 12
LBC 83.56я73

**The Ministry of Justice of Ukraine adopted a decision on state registration
The journal "Social Communications: Theory and Practice" (Order No. 277/5 from 02/01/2016)
Certificate Ser. KB No. 21875-17775 P dated 01.02.2016**

REFERENCES

Trischuk Olga Vladimirovna - Doctor of Social Communications, Professor
(*National Technical University of Ukraine, Kyiv Polytechnic Institute, Kyiv, Ukraine*);
Zrazhevskaya Nina Ivanivna - Doctor of Social Communications, Professor
(*Borys Hrinchenko University of Kyiv, Ukraine*).

EDITORIAL BOARD

O. Kholod – Acad. IASPE, Dr., Prof. (Ukraine) – scientific editor;
G. Kholod – PhD, Prof. (Ukraine) – scientific and literary editor;

A. Bartoshek – Dr., Prof. (Poland); **M. Butyrina** – Dr., Prof. (Ukraine); **V. Vladimirov** – Dr., Prof. (Ukraine); **V. Halych** – Dr., Prof. (Ukraine);
L. Gorodenko – Dr., Prof. (Ukraine); **O. Goroshko** – Dr., Prof. (Ukraine); **O. Gryadiushko** – PhD., As. Prof. (Belarus); **R. Dvivedi** – Dr., Prof. (India); **H. Elbeshausen** – PhD., As. Prof. (Denmark); **N. Zrazhevskaya** – Dr., Prof. (Ukraine); **Kuchyukov H.** - Dr., Prof. (Germany);
V. Ihanaeva – Dr., Prof. (Ukraine); **O. Synowiec** – PhD., As. Prof. (Poland); **Y. Finkler** – Dr., Prof. (Ukraine); **Chromi Y.** – PhD., As. Prof. (Czech Republic); **O. Chekmishev** – Dr., Prof. (Ukraine); **N. Yablonovskaya** – Dr., Prof. (Ukraine).

C 72 Social Communications: Theory and Practice (2020). Scientific semiannual magazine. Vol. 10, Kyiv, 2020, 185.

Volume 10 of the periodical scientific journal contains the results of research by specialists in social communications, presented by authors from Denmark, Russia, Serbia and Ukraine.

Research concerns the theory and history of social communications, the theory and history of journalism, library science, applied social communication technologies, social communication in pedagogy and teaching methods.

The materials will be of interest to social communication specialists, psychologists, political scientists, philologists, sociologists and philosophers.

UDC 316.28 : 316.77(075.8) + 007 : 304 : 001 + 002 + 004 + 004.9 + 01 + 02 + 08 + 070 + 659
C 12
LBC 83.56я73

**The editors of the magazine are not responsible for the accuracy of the links
and do not always share the views of the authors.**

© REC "SUCCESSFUL" (Research and Education Centre "SUCCESSFUL"), 2020.

© Limited Liability Company «Research and Production Enterprise «Interservice», 2020.

УДК 316.28 : 316.77(075.8) + 007 : 304 : 001 + 002 + 004 + 004.9 + 01 + 02 + 08 + 070 + 659
К 12
ББК 83.56я73

Міністерством юстиції України прийнято рішення про державну реєстрацію журналу «Соціальні комунікації: теорія і практика» (наказ № 277/5 від 01.02.2016) Свідоцтво сер. КВ № 21875-17775 Р від 01.02.2016

РЕЦЕНЗЕНТИ

Трищук Ольга Володимирівна – доктор наук із соціальних комунікацій, професор (Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут», м. Київ, Україна)
Зражевська Ніна Іванівна – доктор наук із соціальних комунікацій, професор (Київський університет імені Бориса Грінченка, м. Київ, Україна)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Холод О.М. – акад. МАНПО, д-р філол. н., проф. (Україна) – науковий редактор;
Холод Г.Я. – канд. філол. н., проф. (Україна) – науковий і літературний редактор;

Бартошек А. – д-р соц. н., проф. (Польща); **Бутиріна М.В.** – д-р н. соц. ком., проф. (Україна); **Владимиров В.М.** – д-р філол. н., проф. (Україна); **Галич В.М.** – д-р філол. н., проф. (Україна); **Городенко Л.М.** – д-р н. соц. ком., проф. (Україна); **Горошко О.І.** – д-р соц. н., д-р філол. н., проф. (Україна); **Грядюшко О.О.** – канд. філол. н., доц. (Білорусь); **Двіведі Р.** – д-р, проф. (Індія); **Ельбесхаузен Х.** – д-р філос. у галузі культурології, почесн. проф. (Данія); **Зражевська Н.І.** – д-р н. соц. ком., проф. (Україна); **Кучуков Х.** – д-р пед. н., проф. (Німеччина); **Ільганасва В.О.** – д-р іст. н., проф. (Україна); **Синовець О.** – д-р філос. у галузі соц. і соц. ком. (Польща); **Фінклер Ю.Е.** – д-р філол. н., канд. соц. н., проф. (Україна); **Хроми Я.** – д-р філос. у галузі медієзнавства (Чехія); **Чекмишев О.В.** – д-р н. соц. ком., проф. (Україна); **Яблоновська Н.В.** – д-р філол. н., проф. (Україна).

С 72 Соціальні комунікації: теорія та практика (2020). Науковий піврічний журнал. Том 10. 185.

Том 10 періодичного наукового журналу містить результати досліджень фахівців із соціальних комунікацій, презентовані авторами Данії, Росії, Сербії й України.

Дослідження стосуються теорії та історії соціальних комунікацій, теорії та історії журналістики, бібліотекознавства, прикладних соціально-комунікаційних технологій, соціальних комунікацій у педагогіці й методиці викладання.

Матеріали будуть цікавими для фахівців із соціальних комунікацій, психологів, політологів, філологів, соціологів та філософів.

УДК 316.28 : 316.77(075.8) + 007 : 304 : 001 + 002 + 004 + 01 + 02 + 08 + 070 + 659
К 12
ББК 83.56я73

Редакція журналу не несе відповідальність за достовірність посилань і не завжди поділяє точку зору авторів.

© ГО «НОЦ «УСПІШНИЙ»» (Громадська організація «Науково-освітній центр «УСПІШНИЙ»), 2020.
© Товариство з обмеженою відповідальністю «Науково-виробниче підприємство «Інтерсервіс», 2020.

CONTENT

Pages

**THEORY AND HISTORY
SOCIAL COMMUNICATIONS**

- The Skills of Integration Librarians** (*in English*). 9
Dr Bo Skøtt, Associate Professor Department of Design and Communication University of Southern Denmark (Kolding, Denmark).
- The Media in the Function of Safety Prevention** (*in Serbian*). 24
*PhD Mile Rakic, Institute for Political Studies (Belgrade, Serbia),
 PhD Ljubo Pejanovic, Faculty of Law and Business Studies PhD Lazar Vrkatic (Novi Sad, Serbia).*
- Quantum Chronos Method in Researches of Remote Communication**
 (or Analysis of Remote Communication Processes Within the Space-time
 Continuum) (*in Russian*). 33
Dr Alexander Kholod, Doctor of Philology, professor, academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Vasil Stefanik Carpathian National University, Department of Journalism (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

THEORY AND HISTORY OF JOURNALISM

- Specifics of the interview in the newspaper "Kinokurer" (1992)** (*in Ukrainian*) 68
PhD Ganna Kholod, Candidate of Philological Sciences, Professor Department of Journalism, Institute of Design, Architecture and Journalism (Kyiv, Ukraine).

**APPLICABLE
SOCIO-COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

- SOCIAL AND COMMUNICATION PROJECT INITIATIVES FOR PEOPLE WITH
DISABILITIES IN UKRAINE** (*in English*). 79
*Dr Anastasiia Bessarab, Doctor of Science in Social Communications, Associate Professor, Professor of Special Pedagogy and Special Psychology Department, Municipal Institution of Higher Education «Khortytsia National Educational Rehabilitation Academy» of Zaporizhzhia Regional Council (Zaporizhia, Ukraine);
 PhD Tetiana Hyrina, Candidate of Sciences in Social Communications, Associate Professor, Docent of Journalism, Ukrainian Philology and Culture Department, University of the State Fiscal Service of Ukraine, (Irpın, Ukraine);
 PhD Irina Antonenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Docent of Special Pedagogy and Special Psychology Department, Municipal Institution of Higher Education «Khortytsia National Educational Rehabilitation Academy» of Zaporizhzhia Regional Council, (Zaporizhia, Ukraine);
 Dr Yana Zoska, Doctor of Social Sciences, Professor, Professor at Sociology and Social Work Department, Classical Private University (Zaporizhzhia, Ukraine).*

- Visualization as an Important Means of Effective Communication in the Learning Process** (*in Ukrainian*). 93
Dr Galina Degtyareva, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor of Documentation and Ukrainian Language, Zhukovsky National Aerospace University Kharkiv Aviation Institute, Head of the Department of Methods of Teaching Languages and Literature Kharkiv Higher Educational Institution "Kharkiv Academy of Continuing Education" (Ukraine, Kharkiv).
- Patient Libraries - From the Rise and Decline of an Institutional Arrangement** (*in German*). 111
PhD Hans Elbeshausen, Associate Professor University of Copenhagen, Department of Communication (Copenhagen S. Denmark).
- The Effectiveness of Content on the Pages of Publishers in the Social Network Facebook: an Analysis of the Functionality of the Internet Service** (*in Ukrainian*). 124
Dr Victoria Kovpak, Associate Professor, Doctor of Science in Social Communications, Professor at the Department of Communication, Advertising and Public Relations at the Faculty of Journalism, Zaporizhzhya National University (Zaporozhye, Ukraine).
- Social and communication practices on counteracting mental trauma in a paradigm "Consciousness - Information - Energy - Matter"** (*in Russian*). 139
Dr Vasily Krutov, Honorary Academician of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Doctor of Law, Professor (Kiev, Ukraine).
- Communicative Competencies in the Development of Teachers of Professional Education Research Potential: Foreign Experience** (*in Russian*). 156
Dr Irina Kurdyumova, Leading researcher Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia);
Dr Vladimir Myasnikov, Academician of the Russian Academy of Education, Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia);
PhD Tatyana Shaposhnikova, Senior researcher Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia).
- Social Media Humor During Critical Situations in the System of Adaptive Responses** (*in Russian*). 170
PhD Tetyana KHRABAN, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages of the Military Institute of Telecommunications and Informatization (Kyiv, Ukraine)
PhD Yevgeny STEPANENKO, Head of the Military Institute of Telecommunications and Informatization (Kyiv, Ukraine).
- Requirements for the Publication of Articles for the Scientific Journal «Social Communications: Theory and Practice».** 180

ЗМІСТ

Стор.

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ
СОЦІАЛЬНИХ КОМУНІКАЦІЙ

Навички інтеграції бібліотекарів (англійською мовою) 9
Д-р Бо Скотт, доцент кафедри дизайну та комунікацій, Університет Південної Данії (м. Колдінг, Данія).

Роль ЗМІ у запобіганні безпеці (сербською мовою) 24
*Д-р Міле Ракич, Інститут політичних досліджень (Белград, Сербія);
 Д-р Любо Пеянович, юридичний факультет, університет імені доктора Лазара Вркатича (м. Нови-Сад, Сербія).*

Метод квантового хроноса в дослідженнях віддаленої комунікації
(або аналіз процесу дистанційованої комунікації в межах просторово-часового континууму)(російською мовою) 33
Олександр Холод, доктор філологічних наук, професор кафедри журналістики, академік Міжнародної академії наук педагогічної освіти, Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника (м. Івано-Франківськ, Україна).

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ
ЖУРНАЛІСТИКИ

Специфіка інтерв'ю в газеті «Кінокур'єр» (1992 рік) (українською мовою) 68
Ганна Холод, кандидат філологічних наук, професор кафедри реклами та зв'язків із громадськістю, Інститут дизайну, архітектури та журналістики, Міжрегіональна академія управління персоналом (м. Київ, Україна).

ПРИКЛАДНІ
СОЦІАЛЬНО-КОМУНІКАЦІЙНІ ТЕХНОЛОГІЇ

Соціальні та комунікаційні ініціативи проекту для людей з інвалідністю в Україні (англійською мовою) 79
*Анастасія Бессараб, доктор наук із соціальних комунікацій, доцент, професор кафедри спеціальної педагогіки та спеціальної психології, КЗВО «Хортицька національна навчально-реабілітаційна академія» ЗОР (м. Запоріжжя, Україна);
 Тетяна Гиріна, кандидат наук із соціальних комунікацій, доцент, доцент кафедри журналістики, української словесності та культури, Університет державної фіскальної служби України (м. Ірпінь, Україна);
 Ірина Антоненко, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри спеціальної педагогіки та спеціальної психології, КЗВО «Хортицька національна навчально-реабілітаційна академія» ЗОР (м. Запоріжжя, Україна);
 Яна Зоська, доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри соціології та соціальної роботи, Класичний приватний університет (м. Запоріжжя, Україна).*

Візуалізація як важливий засіб ефективної комунікації**в процесі навчання** (українською мовою)

93

Галина Дегтярєва, доктор педагогічних наук, доктор філософії (PhD), доцент кафедри документознавства та української мови, Національний аерокосмічний університет імені М. С. Жуковського «Харківський авіаційний інститут», завідувач кафедри методики навчання мов і літератури, Комунальний вищий навчальний заклад «Харківська академія неперервної освіти» (м. Харків, Україна).

Бібліотеки пацієнтів – піднесення та падіння інституційного устрою

(німецькою мовою)

111

Ханс Ельбесхаузен, доцент кафедри комунікацій, Копенгагенський університет (м. Копенгаген, Данія).

Ефективність контенту на сторінках видавництв**у соціальній мережі Facebook: аналіз засобами функціоналу інтернет-****сервісу** (українською мовою)

124

Вікторія Ковпак, доцент, доктор наук із соціальних комунікацій, професор кафедри теорії комунікації, реклами та зв'язків із громадськістю факультету журналістики, Запорізький національний університет (м. Запоріжжя, Україна).

Соціально-комунікаційні практики з протидії психічних травм**у парадигмі «Свідомість – Інформація – Енергія – Матерія»**

(російською мовою)

139

Василь Крутов, доктор юридичних наук, професор, почесний академік Національної академії педагогічних наук України (м. Київ, Україна).

Комунікативні компетенції в розвитку наукового потенціалу**педагогів професійної освіти: зарубіжний досвід** (російською мовою)

156

Ірина Курдюмова, доктор педагогічних наук, провідний науковий співробітник, Центр порівняльно-педагогічних досліджень (м. Москва, Росія);

Володимир М'ясников, доктор педагогічних наук, академік Російської академії освіти, Центр порівняльно-педагогічних досліджень (м. Москва, Росія);

Тетяна Шапошникова, кандидат технічних наук, старший науковий співробітник, Центр порівняльно-педагогічних досліджень (м. Москва, Росія).

Гумор соціальних мереж під час критичних ситуацій**у системі адаптивних реакцій** (російською мовою)

170

Тетяна Храбан, кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов, Військовий інститут телекомунікацій та інформатизації (м. Київ, Україна);

Євген Степаненко, кандидат технічних наук, начальник Військового інституту телекомунікацій та інформатизації (м. Київ, Україна).

Вимоги до оформлення статей для публікації**в науковому журналі «Соціальні комунікації: теорія і практика»**

180

THEORY AND HISTORY OF SOCIAL COMMUNICATIONS

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ СОЦІАЛЬНИХ КОМУНІКАЦІЙ

UDC 007: 304: 01 + 02 + 655 + 659.4 + 004.9

THE SKILLS OF INTEGRATION LIBRARIANS

Bo Skøtt,

Doctor of Philology, Associate Professor, library and information science,

E-mail: skott@sdu.dk,

<https://orcid.org/0000-0001-9383-9291>

ResearcherID: AAD-5598-2019

University of Southern Denmark, Kolding,

Department of Design and Communication,

Universitetsparken 1, 6000 Kolding,

Denmark.

ANNOTATION

Introduction: *The starting point for this article is the assumption that librarians who participate in integration activities not only activate their institutional values and LIS skills (Schreiber & Elbeshausen, 2006) but are also always personally involved. In a study conducted in spring 2019, I demonstrated how a major change in Danish society's administrative structures again directed the public libraries' focus toward rationalisation and efficiency processes and reshaped the relationship between the librarian and the public. Consequently, the reform led to larger but fewer library units, digitisation and higher levels of self-service. This contrasts with the focus on integration work that preceded 2008. However, integration work has not disappeared but exists in a transformed edition.*

Methods: *This article is based on two different approaches: a study of different theoretical perspectives on librarians' skills, as well as two semi-structured interviews (Brinkmann, 2013; King & Horrocks, 2012, pp. 35, 49-53). The first interview was conducted with an integration librarian mid-January 2019 and represents the main empirical findings. The second one was conducted in a series of interviews with asylum seekers at the end of July 2018. The latter interview function as a supplement. Ten research and dissemination articles on the evolution of the librarian profession concerning integration were verified and reviewed. I use these articles' theoretical and practical observations to substantiate the analytical model I developed in the spring of 2019 – and apply it to analyses of the above-mentioned interview.*

Findings: *In my model, the librarians' skills are placed in a field of tension between the librarian as generalist and specialist (horizontal axis) and between the librarian's professional skills (vertical axis). The analysis shows that the integration librarian is professional and uses both her generalist*

and specialist skills when involved in integration activities, e.g. facilitating individuals or communities by applying search and dissemination skills. Furthermore, the analyses show a deep, personal commitment. The integration librarian's professionalism systematically ensures equal treatment of individuals, while personal involvement means a commitment far beyond the LIS domain.

Conclusion: *My study shows that the integration librarian is professionally involved in integration activities and uses both generalist and specialist skills to assist individuals and communities of other ethnic origins in their everyday life. Additionally, the integration librarian evinces a deep sense of personal engagement – with the benefits and challenges this entails.*

Key words: *Public libraries, integration, qualification, competence, skills*

Introduction

Scandinavian public libraries have always facilitated groups in the community that were thought to need special attention. Therefore, Danish librarians have a long tradition of engaging in various forms of inclusion processes, regarding social, cultural and linguistic minorities. At the same time, various stakeholders – e.g. cultural politicians, public opinion makers, and librarians – have always discussed who these groups were, what their specific needs were and what services would be appropriate. Thus, various types of best practices (e.g. Jansen, 2016; Naficy, 2009; Refuge for Integration, 2001), projects regarding either practical service (e.g. Ward, 2003; Hickok, 2005) or the development of various library policies in the field (e.g. Tirimanne, 2001) have been reported in the literature, while only a few discuss what personal skills (professional, psychosocial as well as private) are useful or needed by librarians to ensure successful results. One of the few examples of the latter is offered by Fiona Blackburn, who conducted a study in 2015, stating that:

The requirement for capacities and aptitudes beyond technical skill and facility with established library systems and practice is clear. Gomez (2000) described weeding a foreign language collection by drawing on the knowledge of a speaker who was not library trained and discusses the need for flexibility in library systems... (Blackburn, 2015, p. 178).

In this article I seek to challenge this question: how do librarians empirically relate to challenges that require skills not part of a library professional's curriculum? And which personal skills are activated by the integration librarian in their target group-oriented culture work with ethnic minorities? What interests me is both how my respondent articulates specific skills and how she speaks about the underlying motives as justification for her actions. At the same time, the article is an attempt to revisit the representative role, which many articles attribute to public librarians. Within Cultural Studies, it has long been recognized how it is people and not cultures that act, yet librarians are still often referred to as representatives of the mother institution in their meeting with the public. Of course, librarians represent their institutions and a professional community as well, but they are also always individuals with personal approaches to and interpretations of how their professional roles may be fulfilled in practice.

Methodological considerations

My research question stems from two statements I encountered while collecting empirical data for two other projects. The first statement was expressed during a survey of asylum seekers' experience of integration activities provided by public libraries at two reception centres in Denmark. The second statement appeared during a study of how integration activities in Denmark have changed over the past 10–15 years. Even though the two statements are taken out of their contexts, they still point to personal skills as necessary and important.

The first statement was made by respondent 050718, an Egyptian asylum seeker at a reception centre in southern Denmark. In July 2018, I conducted interviews with six asylum seekers who stayed at two different reception centres. The purpose of the study was to investigate how asylum

seekers perceive and use the library service provided by those two centres (Skøtt, 2019). When asked what the significance of the librarian in charge being of Arab origin and speaking different Arabic languages was, respondent 050718 replied:

In fact it is also a very good idea that administration brought him because if you brought for example (a) Danish one the people can't contact with him so it is helping people (in a) very, very good way, (a) respect[ful] way [...] as he treat me, as he help me. [I] trust the relation (Respondent 050718, line 574–578)

The second statement was made by a librarian of Danish origin who had been involved with integration activities in public libraries for 15 years and who, when questioned about whether she had ever lacked certain qualifications, replied:

[yes] Arabic! That I could speak Arabic! Yes, well but again so what?! [...] no, I haven't. I am an old librarian for children. Maybe this is a skill anyway because there [you build] relations... (Respondent 150119, line 445–448)

This statement emerged during an interview as part of a pilot study of how librarians view their roles and functions concerning the public library's integration activities (Skøtt, 2019).

Both interviews were conducted as semi-structural interviews (Brinkmann, 2013; King & Horrocks, 2012, pp. 35, 49–53). While conducting semi-structural interviews, the interviewer utilizes an interview protocol as a guide in order to get answers to questions defined in advance as crucial to the answering of the research question. As the term indicates, the semi-structural interview allows the respondents to improvise and pursue their narratives while responding, thus enfolding their answers with backgrounds or motives the respondents themselves consider essential. In this context, the ambition is to use parts of the two interviews to get a snapshot of how personal skills are activated, e.g. in contrast to the historical approach frequently used by other studies (e.g. Weisbjerg & Elbeshausen, 2006, pp. 141–175). Accordingly, the focus of this study is on the librarian's statements. This respondent's responses were transcribed in full and analysed based on the model in Model 1.0 (see below). The respondent's different statements were read and clustered into four different groups corresponding to the model's different quadrants. Subsequently, appropriate citations and illustrative references were selected and reproduced in prose in the final analysis.

In this study, the six interviews with three asylum seekers from two different reception centres in Denmark serve solely as a supplement.

The interesting thing about the asylum seeker's and the librarian's statements, respectively, is their emphasis on personal skills as important to the integration work in public libraries. Despite their disagreement, they both highlight this point (cf. Tirimanne, 2001, p. 71). Because the empirical material used in the present context has been collected in conjunction with other studies, there are differences in the way the interviews were conducted. Therefore, the interviews are supplemented with several research and dissemination articles on the development of the librarian profession, with emphasis on the target group-oriented culture work. These studies are used, among other things, to substantiate the analytical model and the analysis of the integration librarian's replies.

Theory

Two concepts become central when I seek to map the librarians' prerequisites to be part of the integration work: qualifications and competences. I have chosen to apply a process analytic perspective in this study, even though others exist, e.g. neo-Weberian power-related perspectives or modern organisational theoretical perspectives (Weisbjerg & Elbeshausen, 2006, pp. 143–146). In a process analytic perspective, qualifications refer to the acquisition of knowledge and abilities enabling the employee to perform new work functions and processes, e.g. through peripheral legitimate participation (Lave & Wenger, 1991). These qualifications may consist of formal

knowledge, acquired through study or educational programs, which end with a professional assessment of the student's learning processes:

Qualification is achieved when a competent body determines that an individual's learning has reached a specified standard of knowledge, skills and wider competences. The standard of learning outcomes is confirmed by means of an assessment process or the successful completion of a course of study. Learning and assessment for a qualification can take place through a programme of study and/or workplace experience. A qualification confers official recognition of value in the labour market and further education and training. A qualification can be a legal entitlement to practice a trade (Toward a European qualifications framework for lifelong learning, 2005, p. 12).

Compared to work tasks where the employee may fulfil his or her function by: '... following predetermined routines and instructions, she can manage with qualifications' (DFS, 2019). However, in larger and more complex task solutions, where the employee is required to make different kinds of situational assessments, the development of competences becomes necessary. Hence, competences are more than just the sum of an employee's different qualifications. Competences include the ability to solve various specific work tasks, and issues in practice, including the ability to understand, develop and reflect on work methods, evaluate the results of different kinds of task solutions for future corrections, and the abductive application of solutions from one professional field to another. Thus, the concept of competence also embraces informal personal assessments:

Competence includes: i) cognitive competence involving the use of theory and concepts, as well as informal tacit knowledge gained experientially; ii) functional competence (skills or know-how), those things that a person should be able to do when they are functioning in a given area of work, learning or social activity; iii) personal competence involving knowing how to conduct oneself in a specific situation; and iv) ethical competence involving the possession of certain personal and professional values (Toward a European qualifications framework for lifelong learning, 2005, p. 11)

Different degrees of formalisation may be identified in the acquisition of qualifications and competences. Some qualifications and competencies are acquired through formal teaching activities, while others are acquired through non-formal learning processes. Still others are experienced through informal socialization processes (Jarvis, 2010, pp. 38-66). I am aware of the different meanings of the two concepts, but instead of distinguishing between them I will use the overarching term 'skills', as containing both meanings.

Skills in a library context

In previous studies, I have argued how the librarian profession should be considered using a four-winged model, illustrating various degrees of LIS professional and personal skills. Model 1.0 was initially established on the base of activities, referred to as 'cultural dissemination' in a Scandinavian context. In this article, the model will be used tentatively in the analysis of librarians' skills. Initially, I will briefly describe how the model emerged, and substantiate the depiction with theoretical perspectives on librarians' skills in the integration work. The original discussion can be found in Skøtt 2018 (pp. 120–138).

'Cultural dissemination' may be defined as a specific library professional term referring to communicative processes, containing elements of e.g. learning, enlightenment, communication, and information (Gudiksen, 2005). However, the term is not well defined and different stakeholders use the term differently and disagree on its content. Culture dissemination was initially defined from a functionalist communication view emphasising the librarian's communication skills as a sender and thus her ability to formulate a message (Hvenegaard Rasmussen, 2016, p. 79 ff.). The sender's perspective required specialisation: the more professional the librarian became, the greater the chance to pinpoint and articulate a message that target groups would understand and act upon.

During the 1960s, an awareness of the public as an actively co-creative and meaning-producing entity emerged, and theories based on the recipient's reception were established (Hvenegaard Rasmussen, 2016, p. 117 ff.). Simultaneously, the cultural and political perspective changed, increasingly recognising different subcultures' existence within the borders of the nation-state as valuable. This relativization of the culture concept motivated librarians to facilitate the identity construction and self-narratives of different target groups. And this way, the library skills were generalized. Firstly, from a recipient perspective and later as actual user involvement (Hvenegaard-Rasmussen, 2016, pp. 151 ff). Increasingly, the librarian became able to negotiate with different citizens, in different subject areas, and at different levels.

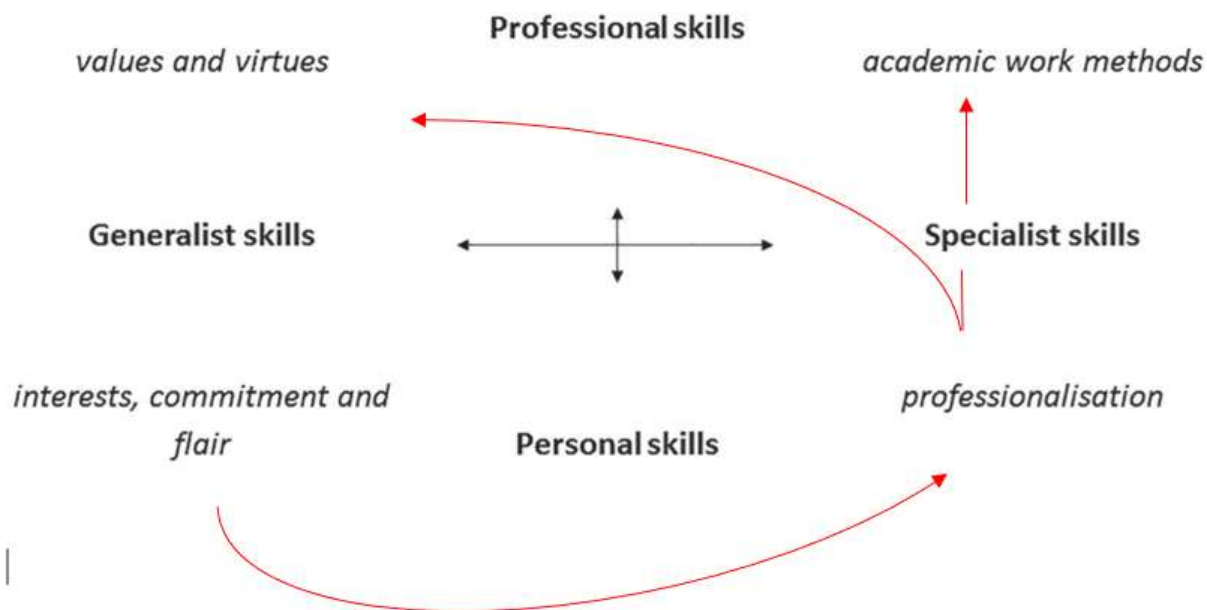
Based on the development of the culture concept dissemination and discussions of the librarian profession, I chose to work with four concepts of skills: personal skills versus professional skills (cf. Bilodeau & Carson, 2015) and specialist skills versus generalist skills (cf. Petrinic & Urquhart, 2007). I also chose to extend my model and define the quadrants that lie between the two sets of opposite concepts with terms matching 'Toward a European qualifications framework for lifelong learning' (2005, p. 11) as follows;

interest, commitment, and flair are situated in the lower left quadrant and is equivalent to *personal competences*

professionalisation is situated in the lower right quadrant and is equivalent to *functionalistic competences*

academic work methods are situated in the upper right quadrant and is equivalent to *cognitive competences*, and

values and virtues are situated in the upper left quadrant and is equivalent to *ethic competences*.

Model 1.0 'Library staff skills in practice' (Skøtt, 2018, p. 134)

'Library staff skills in practice' as analysis model

The horizontal axis

The horizontal axis illustrates a spectrum of different stances librarians may take between generalist and specialist positions. The horizontal axis refers both to an organisation's external distinction between research and public libraries (e.g. Petrinic & Urquhart, 2007) and to an organization internal distinction between librarians and other professional groups (Bilodeau and Carson, 2015, p. 44). Compared to subject specialists and their specialized problem-solving, the

public librarians are generalists because they disseminate professional knowledge on a general level and involve themselves in artistic and cultural activities of a more expressive nature. (e.g. Dare, 2015). Unlike subject specialists, whose positions and job titles depend on formal professional skills obtained within other subject domains, the public librarians' task portfolio is broader, and they do not necessarily hold deeply specialized professional knowledge, extending beyond the library and information science. Public librarians' specialist skills relate to information retrieval, information organization, and dissemination, carried out independently of insight into other professional domains. (Bilodeau & Carson, 2015, p 38).

Internally in public libraries, generalist skills may be considered as a specialisation within the library and information science. Here, the relationship between specialist and generalist skills relates to the degree of interdisciplinarity and the interdependence of employees; generalists have a high degree of substitutability, while specialists have a low degree. Hence, the end of the librarians' employment monopoly by the recruitment of non-librarian professionals may be regarded as a desire to increase specialisation in public libraries, too.

The vertical axis

However, in this context the vertical axis is the most interesting, because of my focus on personal skills. The two statements initially motivating this study may be placed in a tension field between professional and personal skills, illustrating how the fluctuation between the professional and the personal reappears within the library domain. As mentioned, professional skills may be general or specific, but as expressions of knowledge, characterising a certain domain, professional qualifications must include some standards of what every employee should know and be able to do. These standards include e.g. general values and virtues, and specific academic working methods constituting a common professional foundation, which members of the domain in general acknowledge and recognize as a starting point for practice. Simultaneously, these norms define the border with unqualified laypeople. Therefore, professional qualifications relate to the formal level of knowledge and abilities that educational institutions provide their graduates with and guarantee by issuing diplomas. (cf. Jarvis, 2010, pp. 38–66; Schreiber, 2006, pp. 15–46). This does not mean that e.g. LIS students do not acquire informal or social skills throughout their studies. It merely indicates how it is the formal professional qualifications that are subjected to professional evaluation, not the informal or social ones.

In contrast to formal professional qualifications, personal qualifications refer to interest, commitment, and flair, as well as to the informal socialization into professional domains. Interest, commitment, and flair precede the employee's professional training, while informal socialisation refers to the acquisition of tacit knowledge. Here, the employee may experience a practice scenario based upon personal interest and professional skills, but in a way that allows the employee to develop her individual understanding of the profession. Thus, personal qualifications refer to the conjunction with professional qualifications, and constitute the link between abstract and theoretical knowledge, and the pursuit of this knowledge in practice.

Any attempt to define concepts contains sliding transitions between these categories. Therefore, it can be difficult to clearly define when e.g. an information search belongs to a professional generalist's competences and when it belongs to a professional specialist's competences – and whether the personal interests consist of a desire to find out and know, master technology or to help the public with their information needs. At the same time, certain concepts are subject to a historical dynamic, allowing former informal personal qualifications to become considered a formal necessity, e.g. the ability to create social relationships. Despite these reservations, model 1.0 will be used in the analysis of the interview I conducted with respondent 150119 on January 15, 2019.

Analysis

Model 1.0 can be regarded as a static categorization of various competencies that library staff have developed in practice, and that are necessary to be able to act in a public library domain. But

the model may also be read as a process model (the red arrows), with personal interest, commitment and flair (lower left quadrant) as a starting point, made subject to professionalisation through professional education and work in libraries or other information businesses (lower right quadrant). This formal and informal professionalization leads to the recognition of academic working methods elements of the field (upper right square) and its more general virtues and values (upper left square). When analysed using model 1.0 as a process model, personal interest, commitment, and flair become the basis for professionalisation, because personal qualifications, as mentioned, have become an indispensable complement to professional qualifications with the emergence of late modern society (cf. Blackburn, 2009, p. 181).

Personal qualifications: interests, commitment, and flair

If I consider respondent 150119's statements from a point of view based on interests, commitment, and flair, it is especially her engagement that comes to mind. When interviewed, the respondent had been an integration librarian for approximately 15 years. Her engagement was kick-started by the arrival of a contingent of Arabic boys challenging the library staff and the public as they transformed the library space into a veritable youth centre. The respondent described how she was tasked with being present together with the boys, and how she actively began to engage in negotiations with them on how the library could be used, e.g. regarding the computers. At that time, the library made ten computers available to the public. Nine computers were available for free use, but the tenth had to be used for information retrieval only. Once the other computers were occupied, the unfortunate youngsters who had arrived too late to use one of the nine free computers had to negotiate with the respondent what the tenth computer could be used for. The respondent used this contact to satisfy a human desire to understand and interact, while at the same time she conveyed good (library) behaviours, e.g. concerning noise, tidying up or language use. In other words, it became respondent 150119's task to be the one: '... who had the index finger raised!' (respondent 150119, line 21) whenever necessary. This function was aimed not only at young people but became extended to include (especially) fathers from other parts of the world who went to the library to look after their children – but also to meet like-minded people, read newspapers, etc. When the children's play became annoying to staff members or the public it was the fathers who had to be called to order (Respondent 150119, line 484–490).

It was this task with the Arabic boys that made the respondent assume the role of the one who took care of: '... those who did not feel so good, those [...] who did not do so well!' (Respondent 150119, lines 53–54). This included Danish children and young people. For the past 15 years, the respondent had worked in various constellations of colleagues but: '... have never met one who turned on, [to the task] as much as I did.' (respondent 150119, line 163). The respondent was perfectly conscious of how personal skills determined her function as an integration librarian in practice but otherwise found it difficult to put into words exactly what she did to ensure the responsiveness of the various groups of youngsters: '... I think it depends a lot on what I do and who I know [...]. (It's) very much my [solutions], what I do, what I want, and I never say no ... ' (Respondent 150119, line 401–407).

The personal involvement of the respondent extended far into her private sphere. Thus, the respondent described how her phone was never off, and how she e.g. had answered a Danish male's queries about language stimulating materials for his Thai spouse on a Friday evening after working hours. Or how a personal interest in football had become the gateway to some of certain young peoples' otherwise semi-closed circles. The slightly more conservatively raised Arabic boys in particular were astonished by a – in their eyes – mature, female librarian's knowledge of football, how she had an opinion on which player best contested which positions on various teams, and how she was willing to discuss it (Respondent 150119, lines 509–524).

However, the respondent would not engage in all kinds of involvement over the years (see also Naficy, 2009, pp. 165–166). In connection with a municipal project, the respondent was asked to visit mothers and children in their homes – and had declined:

I'm not supposed to be the one coming [from the municipality] into people's homes. [I had] another colleague who was willing to do that. She had no scruples about it, [...] but I can't. When I help down here, I don't want to know people's [personal] stories (Respondent 150119, line 192–194).

Personal skills have ensured a commitment far beyond what the professional and formal frameworks surrounding the respondent's education and employment conditions entailed. What seems to have motivated the respondent is precisely how personal skills could come into play in education and/or socialisation processes: '... well, I think it is fun to have 70–100 ambassadors down the assembly hall, where we just convey our services and they are just amazed...' (respondent 150119, lines 419–421).

Personal skills: professionalisation

In a process analytic perspective, professionalisation consists of the transformation of certain personal interests, commitment, and flair into a professional context in which they may be consciously expressed and applied. At the time of the interview, the respondent was still employed on equal terms with her colleagues, as a regular librarian participating in dissemination, counselling and facilitation activities. The organisational framework was somewhat fixed and allowed the respondent to spend 5-6 hours per week on integration-related activities. These hours covered, e.g. maintenance of websites, purchasing of literature and other materials, planning and carrying out events, networking activities, meetings, and of course interaction with the public. One of the key professional skills, explicitly articulated by the respondent was 'relation competence'; the ability to create, enter, and maintain social relationships with other people regardless of age, nationality, and ethnicity. Relation competence is something that can be practiced and refined but you must be socially attuned to people in advance. The respondent's decision to become a librarian was perhaps a coincidence – she could have pursued a career as schoolteacher or family therapist instead – but the point is that it was her personal interests that became decisive for her further career. Although her library education allowed her to hold such a position, the respondent had never worked either as e.g. a system administrator nor as a business librarian, but believed her relation competence had been refined by her past as a child librarian: '... the ability to say 'no' [...] I think is (important) because otherwise, you may easily become intimidated' (respondent 150119, lines 447–449).

Other personal competences transformed into professional skills that were mentioned in addition to her dissemination activities were 'good planning skills' and thorough preparation of e.g. events, including the ability to anticipate possible complications, to improvise and have a plan B, in case something did not progress according to plan. This skill was expressed in the respondent's network functions as coordinator and member of various municipal and local networks. In one context, the respondent worked as the coordinator for a network consisting of: '... the Job Centre, the Social Benefit Office, the Language Centre, the Nordby [The northern city] project, the Learning Centre [city name] (and) what was previously called the Family Department ...' (Respondent 150119, lines 290–293). This network was a municipal network made up of various stakeholders working with integration and served as the basis for coordination, idea generation, and exchange of experience. Citizens of other ethnic origins did not participate directly. However, the network organized dialogue meetings in collaboration with the local cultural history museum and with the participation of Arabic women, local companies, and employees of cultural institutions to get people into work.

The respondent was also involved in these types of practical endeavours. In both cases, the respondent's thorough preparation became an asset. The respondent herself believed her planning skills probably had their origin in her personal experiences in raising a child with socio-psychological challenges, and again displayed how personal experiences had been transformed into valuable library skills (Respondent 150119, lines 463–470).

When asked directly, the respondent mentioned two types of skills that she had missed throughout her career. The linguistic barrier had been an obstacle to interacting with the Arab

communities, which correlates with what respondent 050718 mentioned, in the second study (the appropriateness of having Arab or Arabic-speaking librarians). Another challenge had been conflict management. The respondent had neither received instruction nor training to defuse escalating situations. However, this lack had been most pronounced in the work with young Danes (cf. Tirimanne, 2001, p. 71).

Professional skills: academic working methods

Respondent 150119 did not unequivocally define the academic features of her working methods but articulated which practical library professional work methods underpinned the day-to-day operations of the library. Throughout history, the public library has evolved into a domain in which the institution's societal obligations are defined in various legal terms (Acts regarding library service, 2001). Those obligations are still reflected in the visions, strategies, and missions of late modern public libraries e.g. in the task of supporting a democratic community by providing knowledge and culture. This obligation is interpreted as applicable to all – individuals as well as communities. The 'Danish Library Centre for Integration' under 'The Royal Library' has developed a service (literature repositories in foreign languages) to build and maintain collections within various language areas. These repositories are accessible for public libraries as depots when they lack the finances or the expertise to build physical collections themselves (Royal Danish Library, (wd.); see also Hickok, 2005). The respondent and her co-workers made particular use of these, in the work of providing books, audiobooks, digital books, and films for children and adults from different language areas:

And we are the ones who move quickly [...] we order what depots we can from there and I can say that our collection is better than the one they have in Aarhus [...] so we boast a bit about it. (...) We have a nice collection [...]. So, we can pretty much boast about it because it is ok. It's just not our own. There are constant shifts (Respondent 150119, lines 528–543).

The procurement of materials in foreign languages was a way of ensuring a proper and up-to-date service was provided to the target groups. Because these were materials in languages from areas with different publishing traditions, from areas affected by conflict and embargo, or because the target groups are socialized to other kinds of library use, the material collections were largely physical. However, one area was especially prioritised because it served several different purposes; '... we do a lot [to acquire] Danish language training materials, [...]. We have just made supplements, but it is for the sake of another target group, namely people [Danes] with dyslexia!' (Respondent 150119, lines 545–547).

The key concepts regarding working methods are efficiency and rational workflows, which no longer apply exclusively to the physical collection (cf. Hickok, 2005, p. 249). During the 15 years since the respondent received this task, the public libraries have undergone a digital transformation, which has resulted in the provision of various digital resources to be used, also by ethnic minorities, e.g. websites containing free Danish language courses for children and adults, as well as easy-to-read material. Accordingly, part of respondent 150119's work became the development and maintenance of a blog with digital resources, targeted integration activities (line 565–575).

The respondent's statements indicated a specific conception of academic working methods as subject to her pragmatic applicability; theories and methods were of no interest except for her use in practice and their consequences according to the target groups. This attitude became apparent in the respondent's retelling of a project, aiming at employing people of different ethnic origin, showing various psychosocial, cultural or linguistic challenges – and which partially failed. Like many other events referred to by the respondent, this project was a joint venture project between the municipal, private businesses and NGOs, and as such depending on interaction:

[...] but we did not get them into work [...]. If we had measured on soft values, we would have succeeded. We got 18 students from what is called DU1, that is, the poorest to speak Danish [...], the worst [in terms of] psyche and health [who had] major post-traumatic stress, [...] women who had never imagined they would have to work. [We got them] to smile and laugh, be safe with

us, look us in the eyes when we spoke. And we got all the women to shake hands because we just did so. We hugged and said hello (Respondent 1501119, lines 74–88)

Professional skills: Values and virtues

Not surprisingly, some of the general task solutions and functions described by the respondent refer to various general library virtues and values, as the basis for the public library's *raison d'être*. The three most significant values were the library's commitment to facilitating:

- 1) the everyday lives of ordinary people;
- 2) various forms of literacies, including reading pleasure; and
- 3) democratic participation in community processes.

These three values are considered as general values because they do not only target people of another ethnic origin alone but apply to the public in general; and because other institutions support similar processes (e.g. primary schools). An example of how the library facilitated the everyday life of ordinary people was related to the issue of self-help. The respondent regularly experienced how people of other ethnic origin needed help to communicate with the public authorities and to buy or sell items via the Internet (also cf. Naficy, 2009, pp. 163–164). In these cases, the respondent guided the citizen to appropriate websites where they could serve themselves and explained the principles of this self-service – without becoming directly involved:

We have a place on our websites, which we refer to when you need help [...] beyond our services. We hate to say no. As a principle here, we never say no. We say: but you can go here [...]. We refer to other websites. (Respondent 150119, line 212–215).

Another example, demonstrating how literacy was facilitated, was respondent 150119's emphasis on various forms of reading comprehension campaigns, reading aloud as language and pronunciation exercises, the training of writing and wording skills, etc. (cf. Reinholdt Hansen, 2017). The respondent stated how:

I was the one who showed them the good places on the web, made sure they did not copy-paste, [taught them about] source criticism, all such things. [...] And I was the one who found good books for them and [...] read along with them, because I found how a lot of these kids were good at reading [but they] didn't know what the words meant ... (Respondent 150119, line 228–232).

The unwillingness to say no, and the desire to help people as far as possible, may also be interpreted as a personal competence which here was transformed into a library professional value. For integration purposes, literacies relate to all, children as well as adolescents and adults who are about to acquire the Danish language, but the task is not limited to people of other ethnic origins. In general, services aim at target language improvements in public libraries are focused on specific target groups, such as young people, students or pupils, or people of all ages with reading or writing disabilities (Respondent 150119, lines 275–279 and 545–547).

One final example shows how the library facilitated democratic participation through user-driven involvement. Through her network-oriented approach, my respondent had recently acquired ten respondents for an interview and a photo exhibition on refugees' journeys from their home countries to Denmark. Here they could tell their own stories, which proved challenging for some of them: '... mega fun, but also a little transboundary for some of them, because they had to dig into stories, which they had probably repressed...' (Respondent 150119, line 121–123).

Neither democratic participation nor user-driven innovation can be considered integration activities, only aimed at people of other ethnic origin but represents a general orientation towards more user involvement in both organizational and dissemination activities. (Haagen & Kulturministeriet, 2008; also cf. 'Reach Out: Naviger i brugerinddragelse og brugerdrevet innovation.' 2012).

Discussion

As mentioned above, it is the relationship between interest, commitment, and flair, and professionalisation that I find interesting, as a starting point for identifying the use of personal skills in public libraries' integration activities. When my respondent exclaimed 'I just do it ...'

(Respondent 150119, lines 633 and 637) in response to my questions about whether she used concepts and strategies, and e.g. defined people of different ethnic origin as library 'ambassadors', she in fact referred to librarians as predominantly professional practitioners who manage to put different sets of formal, non-formal, and informal skills in play, both in recognisable and in new situations (as abductive practices). The respondent's interest in the target groups and their inclusion in Danish society is thus not solely based on a legal obligation and her employment, but also on a combination of specific organisational needs and individual skills.

Formal professional skills

The library's professional desire, to meet the wants and needs of different target groups, is professionalised through the objectification and standardization of solution models, why it makes sense to designate one or few employees to the tasks, e.g. as integration librarians. Various responses in the interview show how the respondent's actions are both targeted and focused, and always initiated based on professional opinion. The ability to create social relationships is an example of such a skill, vital to dissemination activities, the practical interaction with the public, and in reference interviews. Therefore, it is included in the formal education of student librarians (the curriculum).

The interesting thing about the respondent's statement is how it shows her extremely fine sense of what library work means and how far the librarian may get involved personally, e.g. when she rejects both her own and other librarians' involvement in asylum application processes or appeal cases. According to the respondent, some librarians did assist in such processes, however, not in the library system in which she had employment. The problem is that of librarians lacking the right combination of personal and professional skills. They showed personal commitment but lacked the professional insight to be able to advise properly, and thus ran the risk of erroneous or incomplete problem-solving. Errors and deficiencies in application procedures or appeals cases can potentially have very far-reaching and serious consequences for the parties involved. Naficy puts it this way:

On the one hand, we want to help the customer, and on the other hand, we need to be cautious and avoid assisting users with filling out forms, which could be interpreted as counselling. The latter carries legal responsibilities (and therefore liabilities) and, therefore, is to be avoided by library staff. (Naficy, 2009, p. 166).

This sense of the extent to which professional skills and personal commitment reach characterizes the professional librarian.

Non-formal common skills

As the analysis shows, the theoretical distinction between 'interest, commitment, and flair' and 'professionalisation' is associated with certain practical difficulties. Many of the professional skills emphasized by the respondent have a personal pendant, e.g. relation skills, and planning abilities. However, the interesting point is to define the interaction between personal and professional skills – and not necessarily to decide what came first. The respondent's strong relating skills, including the ability to immerse herself within a limited subject area valued by the target group (football), and the willingness to enter into equal negotiations with the target group's members, shows how she unfolds her dissemination skills in a field between personal engagement and a professional position. When needed, the respondent can show her personal side – but without losing her professionalism (the raised index finger).

The same goes for her planning skills, which have equivalents in the respondent's private sphere. This skill was refined and targeted during professionalisation and could subsequently be unfolded in professional practice. Again, the distinction between the different analytical categories becomes arbitrary: can the quotation, regarding 18 students from DU1 (Respondent 150119, lines 74-88), not also be interpreted as an example of how the respondent's involvement unfolds? The answer is: yes – but the passage may also be interpreted as an illustrative example of how both personal and professional skills work together and are being used in integration activities. The quotation points to professional practice with a unique purpose; to provide people with

employment. Despite the project's failure, the respondent, as project manager and participant, manages to improvise and create value for the participants. Security and presence are some of the basic emotions participants must necessarily develop in their ambitions to create a new life in Denmark. Based on the above, I would argue that attention to informal experiences of being human, must be added to the librarians acquisition of formal skills (e.g. Blackburn, 2009) and non-formal skills (e.g. Bilodeau & Carson 2015).

Informal personal skills

Respondent 150119's problem-solving went far beyond what are commonly defined as librarian tasks. Currently, the librarian's formal education includes neither conflict management, intercultural training, education for various kinds of psychosocial problem-solving, or the like. Such skills must be experienced prior to the education, through practice when needed, and with the help of peer training (cf. Bilodeau and Carson, 2015) – or as a personal flair. It became clear from the interview how the respondent had never received any kind of professional training in these areas but excelled in her actions despite this (Respondent 150119, lines 500-508). An example of how this commitment is expressed was the respondent's willingness to share her interest in football with the adolescents. It is not football but football as a common interest that enables an equal dialogue. In such a dialogue, different people from different backgrounds may meet and create new social relationships in appreciative ways. The common interest thus becomes a catalyst, creating a basis for interaction and participation, while the topic becomes secondary. However, sharing personal interests and experiences with other people requires a willingness to invest oneself and put one's own opinions and ways of thinking at stake – and thus does not form part of formal or non-formal library practices.

The personal commitment combined with changing teams around the integration work (with respondent 150119 as the only recurring figure) leads to an organisational accumulation of knowledge, centred on one or a few employees, who thereby constitute a significant resource for the institution concerned. Such a centralisation provides a unique opportunity to reach the target groups serviced, and to address one of the major public library challenges:

Library programs have attempted to meet the needs of minority and underserved communities by providing reading programs, language classes, bilingual story hour, and bookmobiles. However, these programs have often been created for diverse populations with little or no input from cultural and ethnic groups served (Overall, 2009, p. 79).

However, in a more general organisational view, the public libraries' service to different target groups become highly dependent on the persistent interests and commitment of these small teams. The target group-oriented culture work becomes vulnerable to structural, social or organisational changes because the organisational memory is concentrated on few employees. Additionally, there is the risk of operational imbalances e.g. concerning personal preferences (as librarians) or geography (e.g. between urban and rural areas).

Conclusion

As a starting point for this study, I set out to investigate which personal skills the integration librarian activates in the target group-oriented culture work aimed at ethnic minorities. I note how the answer depends on what perspective the questioner seeks. From a practical perspective it is possible to identify several skills, which the respondent explicitly mentions in connection with her involvement in integration activities, e.g. formal library professional skills such as information retrieval, dissemination skills, building collections, and access to knowledge and literature in foreign languages. These skills refer to activities, which serve as reference points for the respondent's professional collaboration with the target groups. But also, more non-formal skills such as relation competence, and good planning skills were mentioned as necessary. Such abilities and talents have a personal origin but may be refined through exposure to practical work situations, where solutions require such skills. And finally, a need was identified for informal skills, which

were particularly evident in the respondent's willingness to engage in dialogue with refugees and asylum seekers on their terms and based on their interests – e.g. football.

However, from a process-analytical perspective, it is possible to identify a more theoretical answer. Professionalisation of various social functions takes place through objectification and standardisation of solutions. For the same reason, library professional skills are formal skills, evaluated by peers as they are considered as a starting point for professionalisation, while at the same time ensuring the profession's social status and thus widely recognised by the library professional domain. As mentioned initially, librarians represent both an institution and a professional community, but simultaneously they also always represent themselves as individuals with personal approaches on how to fulfil their professional roles in practice. And because the public is not a passive receiving mass but must be regarded as comprised of many different actors actively involved in constructions of meaning, the interesting endeavour in this study is to define the interaction between the librarian's personal and professional skills. This interaction is created in a dialogue between e.g. citizen and librarian, where the citizen has many different interests and needs, while the librarian has her personal experiences and professional skills available. And to reach a common understanding of the nature of the need expressed and of how (and to what extent) the librarian may address these needs, a common agreement must be established between the parties regarding how the library is a safe place to express such needs – especially in the integration process. And this is what the librarian's equal dialogue can be used for when she shows her willingness to put her own personal (and subjective) attitudes at stake. The common interest is precisely the catalyst, creating a common basis for interaction regardless of the nature of the topic.

Literature

- Acts regarding library service* (2001) Edited by Ellen Warrer Bertelsen. The Danish National Library Authority. Retrieved November 18, 2019 from https://slks.dk/fileadmin/publikationer/publikationer_engelske/andre/Act_regarding_library_services.pdf
- Balling, G. (2011). *Det er i mødet, det sker: om kulturpolitik og kulturformidling med børn i centrum* [It happens in the meeting: about cultural policy and cultural dissemination with children in the center]. *Idunn*. Retrieved November 6, 2019 from <http://www.idunn.no/ts/nkt/2011/01-02/art04>
- Bibliotekscenter for integration [Library Center for Integration]. (W.D.) Royal Danish Library. Retrieved November 18, 2019 from <https://www.statsbiblioteket.dk/sbci>
- Blackburn, F. (2015). 'Cultural Competence is for Everyone': Cultural Competence in the United States Library and Information Sector. Is It Relevant to Australian Libraries? *Australian Academic & Research Libraries*. Vol. 46, No. 3, 176–193. Routledge. Retrieved November 18, 2019 from <http://dx.doi.org/10.1080/00048623.2015.1063800>
- Brinkmann, S. (2013). *Qualitative Interviewing*: Oxford University Press, Incorporated.
- Dare, K. (2015). Adventures in Cultural Competence: A First-Time Task Force Chair Reflects on a Year of Learning. *Young Adult Library Services*, No. 1541–4302. American Library Association.
- Drotner, K. (2006). Formidlingens kunst: formidlingsformer og børnekultur. *Når børn møder kultur*. [The art of dissemination: forms of dissemination and children's culture. When children meet culture]. (pp. 8–15). København Børnekulturens netværk
- Gudiksen, J. (2005). Formidling: En karakteristik af forskellige formidlingsforståelser og deres kommunikationsteoretiske og forskningstypologiske grundlag. [Dissemination: A characteristic of different understandings of dissemination and their communicational, theoretical and research typological basis]. *Dansk biblioteksforskning*, 31–40.

- Hvenegaard Rasmussen, C. (2016). *Formidlingsstrategier: en grundbog om kulturinstitutioners formidling*. [Dissemination strategies: a textbook on cultural institutions' dissemination practices]. Frederiksberg: Samfundslitteratur.
- Haagen, J., & Kulturministeriet. (2008). *Reach out!: inspiration til brugerinddragelse og innovation i kulturens verden: rapport fra Kulturministeriets tværgående projektgruppe*. [Reach out!: inspiration for user involvement and innovation in the world of culture: report from the Ministry of Culture's interdisciplinary project group.] Kbh.: Kulturministeriet. Retrieved November 18, 2019 from <https://kum.dk/kulturpolitik/kultur-og-erhverv/brugerinddragelse/>
- Hickok, J. (2005) ESL (English as a Second Language) Web Sites, *Journal of Library Administration*, 43:3-4, 247-262, DOI: 10.1300/J111v43n03_18
- Ingemann, B., & Fleming, L. (2003). *Faglig formidling: praksis og konsekvenser*. [Professional dissemination: practices and consequences]. Frederiksberg: Roskilde Universitetsforlag.
- Jansen, G. (2016/01/27) Bibliotheksarbeit mit Flüchtlingen im internationalen Vergleich: Plädoyer für einen grenzüberschreitenden Wissensaustausch. [Library work with refugees in international comparison: A plea for a cross-border exchange of knowledge]. BuB: Forum Bibliothek und Information. Berufsverband Information Bibliothek
- Jarvis, P. (2010). *Adult education and lifelong learning: theory and practice* (4 ed.). Abingdon: Routledge.
- King, N., & Horrocks, C. (2012). *Interviews in Qualitative Research* SAGE Publications Ltd.
- Lave, J., & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Naficy, H. (2009). Centering Essential Immigrant Help on the Library Web site: The American Place (TAP) at Hartford Public Library, *Public Library Quarterly*, 28:2, 162–175. Retrieved November 6, 2019 from <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/01616840902892440>
- Overall, P.M. (2009). Cultural Competence: A Conceptual Framework for Library and Information Science Professionals. *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*, Vol. 79, No. 2 (April 2009), pp. 175–204. The University of Chicago Press. Retrieved November 6, 2019 from <https://www.jstor.org/stable/10.1086/597080>
- Petricic, T., & Urquhart, C. (2007) The education and training needs of health librarians: The generalist versus specialist dilemma. *Health Information & Libraries Journal* 24(3) 167–176. October 2007. DOI: 10.1111/j.1471-1842.2007.00717
- Reach Out: Naviger i brugerinddragelse og brugerdrevet innovation. [Reach Out: Navigate in user engagement and user-driven innovation]. (2012). Retrieved November 6, 2019 from http://www.cko.dk/sites/default/files/reach_out_inspirationskatalog_1.pdf
- Reinholdt Hansen, S. (2017). *Børns læsning 2017: en kvantitativ undersøgelse af børns læse- og medievaner i fritiden*. [Children's reading 2017: A quantitative study of children's reading and media habits in their leisure time]. Kbh.: Tænketanken Fremtidens Biblioteker.
- Royal Danish Library (w.d.) For Libraries: Shared services. Retrieved November 6, 2019 from <http://en.statsbiblioteket.dk/for-libraries>
- Schreiber, T. (2006). Bibliotekarprofessionen siden 1960'erne. [The librarian profession since the 1960s]. In *Bibliotekarerne: en profession i et felt af viden, kommunikation og teknologi* [Librarians: a profession in a field of knowledge, communication and technology] (pp. 15–47). Edited by Trine Schreiber & Hans Elbeshausen (Ed.). Frederiksberg: Forlaget Samfundslitteratur.
- Schreiber, T., & Elbeshausen, H. (2006). *Bibliotekarerne: en profession i et felt af viden, kommunikation og teknologi*. [The Librarians: A profession in a field of knowledge, communication and technology]. Frederiksberg. Samfundslitteratur.

- Skøtt, B. (2018) Facilitating participation: Redefinition of library competence in a networked world. In 'Network learning in a networked world'. Edited by Nina Bonnerup Dohn & Jens Jørgen Hansen. Routledge.
- Skøtt, B. (2019) Newcomers at the library: A library perspective on the integration of new citizens. Information Research vol. 24 no. 4, December 2019. Retrieved January 15, 2020 from <http://www.informationr.net/ir/24-4/colis/colis2019.html>
- Tirimanne, N (2001). The ethics of information provision: a case for refugees. Journal of Information Ethics; October 2001; 10, 2; Library & Information Science Abstracts (LISA), pg. 67.
- Toward a European qualifications' framework for lifelong learning (2005/7/8) Commission staff working document. Council of the European Union. Retrieved November 6, 2019 from http://www.encore-edu.org/ENCoRE-documents/consultation_eqf_en.pdf
- Ward, P. (2003). Diversity matters 3: the Quality Leaders Project – youth programme. Library Management; 0, 2003; 24, 6/7; Library & Information Science Abstracts (LISA) pg. 362-366. Retrieved November 6, 2019 from <http://www.emeraldinsight.com/0143-5124.htm>.
- Weisbjerg, B., & Elbeshausen, H. (2006). Ildsjælenes professionalisering. [The Professionalisation of the Enthusiasts]. In *Bibliotekarerne: en profession i et felt af viden, kommunikation og teknologi* [Librarians: a profession in a field of knowledge, communication and technology]. Edited by T. Schreiber & Hans Elbeshausen (pp. 141–175). Frederiksberg: Samfundslitteratur.

Submitted to the editorial office – 18.11. 2019

Reviewed – 07.01.2020

Accepted for printing – 30.01.2020

Подано до редакції – 18.11.2019

Рецензовано – 07.01.2020

Прийнято до друку – 30.01.2020

УДК 007 : 304 : 070

МЕДИЈИ У ФУНКЦИЈИ БЕЗБЕДНОСНЕ ПРЕВЕНТИВЕ

Др Миле Ракић,
Институт за политичке студије,
Београд (Србија)

Др Љубо Пејановић,
Правни факултет,
Универзитет “Др Лазар Вркатић”,
Нови Сад (Србија)

THE MEDIA IN THE FUNCTION OF SAFETY PREVENTION

PhD Mile Rakic,
Institute for Political Studies, Belgrade

PhD Ljubo Pejanovic,
Faculty of Law and Business Studies PhD Lazar Vrkatic, Novi Sad

ANNOTATION

The text discusses the possibility of using publicly available information and news in the media as a possible source for security prevention. The daily availability of different news and information in the field of security differently affects the perception of individuals as well as citizens and their attitudes. The National Security System needs the support of citizens, which is most often achieved by informing them about certain activities in the field of security. With the development of the mass media and the significant influence of public opinion on decision-making in the field of security policy, the need for information exchange between citizens and security entities has increased. The availability of certain news and information to the public also enables security institutions to undertake timely and optimal activities. The basic method used is content analysis to investigate the need for security institutions to respond to specific news and information in the media.

In that sense, it is necessary to consider the relations between security prevention and media information in order to address the issue of national security, security of citizens, their property, etc. present as concrete and professional information as possible from professional authors that would have to pass a kind of filter and which could be responded to by professional security services without significantly violating freedom of information. Otherwise, information for purely marketing reasons can influence citizens regarding the threat to their personal or national security, which can cause an (in) adequate reaction of citizens contrary to the state policy of national security development. Also, if the information is published for marketing reasons, the interest and participation of the competent state security services seems unnecessary.

Keywords: national security, security prevention, mass media, information.

УВОД

Могућности угрожавања безбедности једне државе на свим нивоима су веома расковрне. Најкомплекснија угрожавања су проузрокована услед деловања природе али и услед људског деловања, намерног или случајног. Недвосмислено се данас може закључити да угрожавање и перцепција могућег угрожавања безбедности ма које државе и њених грађана није коначна. Ова чињеница појму угрожавања безбедности даје атрибут комплексности угрожавања. Оно што се може сматрати извесним стандардом код

угрожавања безбедности јесте угрожавање људи. Човек је свесна особа и најчешће многобројне активности чини свесно, па тако и оне које се третирају као угрожавајуће. При вршењу одређених угрожавајућих активности, које чине свесно или несвесно, неретко унапред наговештавају могућност да ће те радње спровести у дело. Услед постојања заиста огромне палете безбедносних ризика, претњи, изазова, нивоа, облика и извора угрожавања безбедности, константно је присутан проблем адекватне и правовремене реакције на таква угрожавања, односно на проблематику конципирања и изградње савремене безбедности и њене функционалности а примарно безбедносне превентиве.

Република Србија је данас изложена покушају десуверенизације од спољњег угрожавајућег фактора, а “способност сваке државе да се заштити од спољњег и унутрашњег непријатеља пре свега зависи од њене моћи, да би њена моћ превасходно била лимитиран нивоом и врстама њене суверености”.¹ У том контексту “национална безбедност, један од најзначајнијих услова опстанка сваке државе, али у савременим условима светске глобализације национална безбедност није и довољан услов њеног опстанка. Недостатак реалне моћи државе ствара стање и услове за анархију и општу криминализацију друштва, самим тим за разарање државе изнутра”.² Такође, Република Србија се данас уз велике потешкоће залаже да оствари добре односе са државама ЕУ, али и са војно најјачим државама света. Посебно је тешко собзиром на комплексност политичких, војних и економских односа међу државама света настојећи да буде и даље неутрална. “Суштина неутралног статуса представља намеру једне државе да избегне тренутне или потенцијалне сукобе”³, па у том контексту треба посматрати и активности актуелне власти у Србији.

За сваку државу или регион, уосталом као и за сваку особу посебно, може се закључити да има одређену осетљивост према угрожавању њене безбедности. О различитим облицима и појавама угрожавању данас се најбрже сазнаје путем масмедија У извесном смислу може се казати да медији данс у импозантној мери креирају свакодневну реалност па тако и ону која се односи на стање безбедности државе и њених грађана. У Републици Србији постоје закони и правилници који се односе на услове коришћења средстава јавног информисања. Управо настојање да се одређене вести и информације коректно износе од стране свих корисника средстава јавног информисања може се третирати као настојање да се елиминише или знатно ограничи присуство “непопуларних садржаја” који могу негативно утицати на перцепцију грађана или одређених група грађана на стање безбедности и др. Чињеница је да законско регулисање јавног информисања је непопуларна али и неостварива у потпуности. Ипак постоје и они који управо раде супротно од пожељног и прихватљивог коришћења и приступа средствима јавног информисања. Овакве нестандартне случајеве је могуће третирати и са аспекта безбедности јер неретко откривају или наговештавају одређене активности а које могу бити интересантне за безбедносну превентиву и безбедност схваћену у њеном најширем појмовном одређењу.

МАС-МЕДИЈИ И ПЕРЦЕПЦИЈА НАСИЉА

Утицај медија на грађане, са аспекта безбедности, па тако и безбедносне превентиве је емпиријски тешко мерљив, али је сасвим сигурно да тај утицај доприноси креирању перцепције безбедности код грађана. У том смислу држава кроз “правила о јавном информисању обезбеђују и штите изношење, примање и размену информација, идеја и мишљења путем медија у циљу унапређивања вредности демократског друштва, спречавања

¹ Горан Будак, Миле Ракић Одрживост институционалних капацитета Републике Србије у условима глобализације, Српска политичка мисао 3/2015 ИПС, Београд 2015. стр. 224.

² Исто

³ Миле Ракић Хатица Бериша, Однос Руске федерације, САД и НАТО према војној неутралности Републике Србије, Српска политичка мисао, бр. 2/2016, ИПС, Београд, 2016. стр. 271

сукоба и очувања мира, истинитог, благовременог, веродостојног и потпуног информисања и омогућавања слободног развоја личности”.⁴

У масмедијском информисању, не ретко, се ствара слика да у Републици Србији има много оружја, да се не зна тачан број истога, његово порекло, његова врста и сл. али се објављује и много других информација, фотографија, видео записа итд. који могу утицати на сензибилитет грађана Србије према насиљу па тако и према националној безбедности и службама безбедности на свим нивоима. Чињеница је да се масмедијско извештавање може користити за различите облике пропаганде или антипропаганде за или против политичке власти у земљи, против одређене политичке личности итд. са различитим намерама и циљевима у различитом временском периоду и са различитим интензитетом. На овом месту примаран је однос медија према националној безбедности и личној безбедности грађана и њиховом доприносу и утицају на стање стабилне безбедности. Индикативно је да у контексту стабилне безбедности тј. мира и “у савременој науци и политичкој публицистици постоје различите концепције о миру, контроверзна становишта у теорији, али и идеолошке злоупотребе и мистификације овог појма Глобално и грубо, могао би се направити један преглед типологија различитих концепција и дефиниција о миру, у распону од технолошких, филозофских, антрополошких, социолошких, политолошких, аксиолошких, еколошких, од локалних и регионалних, па све до планетарно-глобалистичких”.⁵ Међутим, селективне, а неретко и неселективне јавно објављене вести и информације могу бити од значаја за безбедносну превентиву па тако и за националну безбедност. Количина таквих информација, квалитет, време објављивања, средство, начин, место објављивања итд. могу знатно утицати на перцепцију стања, у овом случају, националне безбедности код грађана Републике Србије. Ова чињеница је индикативна и са аспекта перцепције стања националне безбедности Републике Србије од стране суседних и др. држава света. Многе информације значајне за безбедност државе се добијају управо путем масмедија. Нарочито интересантне информације су оне које се односе на могућност угрожавања безбедности, информације из области привреде, политике итд.

Са аспекта безбедности присутне су информације о постојању личног оружја код грађана које није регистровано, не зна се његово порекло, оружја које је забрањено за грађане, оружја које користе особе које га не би смеле поседовати итд. Овакве информације додатно иритирају јавно јер се заступају и ставови да су то разлози појаве повећаног броја криминалних радњи, нарочито оних најтежих облика са трагичним исходима. Дакле, намерно или не, утиче се на перцепцију грађана о стању личне и националне безбедности, о стручности и способности субјеката безбедности, па и саме власти у земљи у борби против злоупотребе оружја. Нестручним, намерним или случајним објављивањем оваквих информација пренебрегава се чињеница да оружје не убија само од себе, да се у стварном животу дешавају и случајна повређивања или самоповређивања, односно информисање може допринети погрешној перцепцији стања безбедности и потребе и могућности одржања стабилног стања безбедности у земљи. Неко мора да употреби то оружје са одређеним намерама или циљевима да би исто имало одређени учинак. Грађани су осетљиви на насиље а нарочито оно које је извршено или се може извршити употребом ватреног оружја од стране лица која нелегално поседују оружје, која из здравствених разлога не би смела да поседују оружје и сл. На перцепцију насиља данас утичу многобројни фактори. Перцепција обима насиља ствара се и на основу виртуелног (измишљеног) насиља које је присутно у видеоигрицама, на филмовима, преносима са одређених спортских такмичења, научним емисијама итд.

⁴ Закон о јавном информисању медијима, “Службени гласник Републике Србије”, бр. 83/2014, 50/2015 и 12/2016 – аутентично тумачење.

⁵ Љубиша Р Митровић Геополитичка транзиција Балкана – социолошки огледи, Нови Сад, Прометеј, 2014.год. стр. 157

Међутим, на перцепцију стања безбедности могу утицати и подаци о ефикасности откривања и санкционисања починитеља кривичних дела, социјални статус становништва, да ли се ради о периоду стања нестабилне безбедности, времену уочи или после рата итд. У таквим ситуацијама је сасвим другачија перцепција стања безбедности, реакција на количину присутног оружја итд. Данас, у време стабилног стања безбедности у Србији се актуелизује питање количине присутног оружја код грађана може се третирати са неколико аспеката. Најчешће се ради о неселективном и некритичком конзумирању медијских информација од стране грађана и спорости реаговања или занемаривања оваквих информација од стране државних, а нарочито безбедносних институција које би требало да се баве одређеним садржајима медијских информација у превентивном смислу. Чињеница је и да се тираж појединих штампаних издања или гледаност одређених ТВ програма може повећати информисањем о темама везаних за националну безбедност, личну безбедност грађана њихове имовине итд.

МАС-МЕДИЈИ У ФУНКЦИЈИ БЕЗБЕДНОСНЕ ПРЕВЕНТИВЕ

Безбедносна превентива код нас није јасно и законски потпуно одређен појам али се може закључити да “превенција у себи садржи укупност планских, осмишљених и организационо предузетих мера којима се настоји потпуно или делимично уклонити или барем смањити непосредни или посредни настанак и утицај нежељених (угрожавајућих) дела и појава. Безбедносна превентива представља сложену друштвено-историјску појаву и друштвену делатност, која се манифестује у разним аспектима”⁶. Оно што је карактеристично за безбедносну превентиву јесте чињеница да с “безбедносна превентива „ставља се у функцију“ тек по добијању верификоване тј. валидне информације о безбедносној процени. Безбедносна превентива се гради и усваја на основу анализе добијених резултата безбедносном проценом...безбедносна превентива се континуирано предузима (остварује и спроводи), увек је актуелна и у директној је зависности од безбедносне процене тј. степена и обима угрожавања безбедности, као и могућности супротстављања истом”.

Недвосмислено се може закључити да је верни пратилац развоја човека и друштва насиље и развој оружја. Данас је тешко предвидети и прецизно дефинисати куда води развој савременог наоружања и сврху његовог развоја. Ово тим пре јер је познато да употребом већ постојећег оружја човечанство би се могло уништити неколико пута. На овако сурову и упозоравајућу истину могуће је наићи у многобројним масмедијским информацијама, вестима, научним радовима итд. За становништво сваке државе, па тако и Републике Србије, од највећег значаја је угрожавање личне и националне безбедности које се догађа у реалном времену. О овом угрожавању грађани сазнају кроз лично искуство или путем мас-медија. Овом приликом под небезбедносшћу ћемо подразумевати “све унутрашње или спољашње изворе угрожавања од момента њиховог настанка за све време њиховог трајања и након њиховог нестанка, услед којих настају директне или индиректне последице које доводе до промене начина и стила живота човека, државе или друштва и њихове међусобне корелације”.⁷

Осетљивост грађана на угрожавање личне безбедности је нарочито велико када се ради о насиљу које се догодило уз примену ватреног оружја. Управо појавом ватреног оружја еволуира схватање о проблемима безбедности, као стања неопходног за цивилизован развој човека, и свим облицима његовог друштвенополитичког организовања на свим нивоима. Информисање јавности, о насиљу уопште, има узајамног утицаја на став грађана о безбедности али и према интересовању за одређене мас-медије. Ово у крајњем случају утиче на перцепцију безбедности од стране грађана. Такође, корелацију између мас-медија и

⁶ Миле Ракић, Безбедносна превентива, Институт за политичке студије, Београд, 2006. година, стр. 29

⁷ Исто

грађана могуће је посматрати и кроз разне економске односе као нпр. повећање или смањење продаје одређених новина, часописа и др. Свакако је значајно посматрати тај однос и кроз могућност утицаја на грађане па тако и на извор информација од интереса за безбедност добијених из мас-медија.

ОДНОС МАС-МЕДИЈА И БЕЗБЕДНОСНЕ ПРЕВЕНТИВЕ

Улога и моћ мас-медија је, у политичко-безбедносном смислу данас у Републици Србији као и у другим државама света, веома велика. “када бих морао да одлучим да ли да имамо новине или да имамо новине али не и владу, без оклевања бих се определио за ово друго” написао је Томас Џеферсон 1878.године. Дакле у време када је америчку штампу чинило свега неколико десетина новина и које су биле страначки оријентисане.

У том контексту могуће је посматрати однос мас-медија и националне безбедности и безбедносне превентиве, Међутим, тај однос (корелацију) неопходно је посматрати кроз више аспеката.

Један аспект је појединачна тј. самостална улога самих мас-медија у којој се тежиште безбедносне превентиве ставља на коришћење мас-медија као новог реалног извора информација и података. У овом случају може се говорити са аспекта доприноса истих усавршавања безбедносне превентиве у смислу потребе проналажења адекватне методологије, технике и стручног кадра за рад са информацијама доступних јавности а објављених у мас-медијима. Ово свакако доприноси модернизацији безбедносне превентиве и афирмацији исте као битног сегмента националне безбедности, али и њеног места у корпусу наука о безбедности. Несумњиво је да би се тако много обимније и квалитетније допринело самом развоју безбедносне политике у земљи, региону и шире. Ово тим пре јер би и мас-медији морали одговорније да се односе према насиљу са много више валидних информација чију (зло)употребу би било могуће адекватно и санкционисати. Дакле, неби се више могло уопште или би се знатно смањила могућност објављивања разних претњи насиљем, па и оног уз примену ватреног оружја, било да се ради о појединачном или већем броју случајева. Због квалитетнијег, стручнијег (професионалнијег) и озбиљнијег приступа у објављивању појединих садржаја и информација било би могуће знатно лакше и брже одвојити садржаје интересантне за безбедносну превентиву, провера истих и по потреби деловање државних органа и институција. Важно је истаћи да се не ради о ограничењу тзв. медијске слободе само би се могле озбиљније приступати релевантним информацијама и садржајима који су већ по својој природи требали бити рецензирани, проверени итд. од самих аутора. Таквих претећих објава је било у многим медијима, који су нажалост имали и своју реализацију са трагичним исходима у којима су страдали људи или је причињена велика материјална штета.

Други аспект се може објаснити кроз чињеницу да сами мас-медији несумњиво остављају јак утицај на конзументе. Познато је да се преко мас-медија може утицати на став мањег или већег броја грађана по појединим питањима па и на њихов став који се односи на многа питања која су од значаја за државу, њену националну безбедност, државну политику и др. На могућност медијског утицаја у мањем или већем обиму утиче низ фактора. Нарочито значајан фактор је тзв. слобода медијског информисања, доступност самих мас-медија, тематика која се у њима саопштава, стручност кадра, образованост самог грађанина, у чијем власништву су медији итд.

Медије у савременим демократским државама, не би требало схватати као део државног апарата, али исти могу допринети утицају или на одлучивање по неким питањима која представљају део државне политике, указивати на одређену проблематику итд. Могуће је у недемократским државама говорити и о извесној злоупотреби мас-медија, о медијима који доприносе угрожавању безбедности државе и стварању ванредне ситуације у земљи итд. У овом случају под ванредном ситуацијом подразумева се могућност настанка или настанак

негативне појаве као извор ванредне ситуације условљене настанком угрожавајућих фактора који представљају или узрокују претњу по безбедност људских живота, материјалних добара и других вредности са којима располаже угрожено друштво. Ванредну ситуацију узрокују појаве и активности, на пример нападом на представнике власти, уништењем објеката, убиством људи, угрожавањем здравља људи и животне средине”⁸.

Могућност и потреба да се мас-медији у извесном смислу “прате”, односно анализирају објављене информације у њима, од стране надлежних државних служби може се наћи у чињеници да у свету као и код нас, све више сазрева свест о потреби стварања безбедног друштва за дужи период. Изградња унутрашње и спољашње безбедности нема алтернативу, а при томе нарочито до изражаја долази потреба за још бржим стварањем и организовањем безбедносне превентиве на свим нивоима и у свим сегментима развоја и живота друштва. Такође, “министарство унутрашњих послова у настанку ванредне ситуације одазива се у складу свог делокруга и надлежности у заштити и спасавању, угрожених људи или материјалних вредности по задацима из своје надлежности”.⁹ У том контексту у Србији су нарочито индикативне све чешће информације о малолетничком насиљу. Чињеница је да “јединствен систем безбедности подразумева скуп више самосталних и равноправних субјеката, организованих на спречавању сузбијању и елиминисању свих негативних појава које представљају претњу по безбедност људи, материјалне вредности и систем безбедности, и које подразумевају одређене ризике и последице”.¹⁰ Дакле када је реч о аспекту односа безбедносне превентиве и мас-медија јасно је да је релативно велика кохезија информација и потребе реаговања на њих. Ова реакција надлежних, пре свега, државних субјеката безбедности сама по себи не значи утицај или покушај креирања информација или мешања у уређивачку политику јер свака информација од значаја за безбедност је примарно значајна за безбедносну превентиву. Безбедносна превентива је у функцији безбедности и треба превентивно да спречи настанак могућности настанка угрожавања безбедности при чему се сасвим разложно и оправдано морају узети све релевантне информације до којих је могуће доћи на легалан начин. Овај начин је посебно актуелан и значајан када је реч о специфичним информацијама од значаја за безбедност схваћену у њеном најширем појмовном одређењу.

Иако је готово немогуће у потпуности и емпиријски сагледати утицај медија на безбедносну превентиву, националну безбедност државе, безбедност грађана у њој, могуће је навести неколико битних чињеница у том односу.

Неопходно је да мас медији доприносе позитивној перцепцији о безбедносној превентиви, личној и националној безбедности.

Објективним информисањем о стању безбедности и безбедносним појавама, од стране медија, могуће је превентивно деловање надлежних државних органа и институција на прву појаву могућег угрожавања личне или националне безбедности.

Због објективности и стручности информисања по питањима угрожавања безбедности и стању националне безбедности државе, медији би били у директној функцији развоја личне и националне безбедности у држави и стања стабилне безбедности у држави и изван ње.

Медији који тенденциозно и нестручно извештавају о појавама угрожавања безбедности би вероватно остали без подршке јавности и државних служби и институција безбедности.

Објективним и стручним информисањем о безбедности била би остварена боља корелација грађана, медија и безбедносне превентиве.

⁸ Љубо Пејановић Душко Вејновић Миле Ракић, Заштитна функција безбедности у ванредним ситуацијама, Бања Лука, 2018, год. Стр. 168-169

⁹ Исто стр. 105

¹⁰ Љубо Пејановић Миле Ракић, Интегрисано безбедносно спречавање и сузбијање малолетничког насиља у Републици Српској и Републици Србији, ЦИВИТАС часопис за друштвена истраживања бр.6/2011, ФППС „др Лазар Врратић“, Нови Сад, 2011. год. стр. 51.

Широј јавности правовремено би биле доступне информације које се односе на безбедност у виду потребе предузимања одређених мера и поступака у заштити или спречавању настанка појава угрожавања безбедности итд.

Неопходно је имати на уму да је у одређеним случајевима, претњи и угрожавања безбедности грађана или државе, тешко благовремено активирати факторе који ефикасно и благовремено доприносе настанку штетних последица. Неопходно је имати узајамно поверење у добијене информације од стране мас-медија како би се могле предузети превентивне активности из сфере безбедности у циљу спречавања угрожавања личне безбедности грађана или националне безбедности државе што у одређеним ситуацијама реално не зависи ни од медија нити грађана нити државе.

ЗАКЉУЧАК

Јасно је да се, на достигнутом степену развоја и стања безбедности, не може остварити апсолутно стабилна заштита и безбедност грађана и државе, па самим тим је немогуће потпуно контролисати насиље од стране грађана и према грађанима. Тешко је и веровати да ће се то моћи остварити у блиској будућности. Можда ће апсолутна контрола производње и пролиферације оружја бити изводљива када оружје буде толико софистицирано да исто неће моћи да користе чак ни они који су у његовом непосредном контакту. Уосталом, верни пратилац човековог развоја је развој оружја и насиље. Дакле сукоби као и сарадња стални су пратилац друштвеног живота, интегрални део социјалне динамике.

Извештавање и сазнања о насиљу и стању безбедности путем мас-медија веома је распрострањено и има своје ефекте на кориснике тих информација. Оно што се код мас-медија не може на адекватан начин подвести под апсолутно корисну сарадњу у смислу развоја националне безбедности настаје из више разлога међу којима је, свакако разлог, немогућности контроле мас-медија и информација изнетих у њима везаних за стање безбедности. Ово је нарочито немогуће у демократским државама у којима је успостављена тзв. “слобода медијског информисања”. Међутим, национална безбедност нема алтернативу, а данас је она емпиријски изражено веома скупа, па је неопходна улога безбедносне превентиве која би на адекватан начин пратила информације из мас-медија од значаја за безбедност, али путем истих и пласирала потребне информације, што би имало велики значај за допринос личној и националној безбедности. Остварила би се боља и стручнија информисаност и пренос информација из сфере националне безбедности и безбедности грађана, као њеног сегмента.

У том смислу неопходно је сагледавати односе безбедносне превентиве и медијског информисања у циљу да се по питању националне безбедности, безбедности грађана, њихове имовине итд. износе што конкретније и стручније информације од стручних аутора које би морале проћи својеврсни филтер и на које би се моогло реаговати од стране стручних служби безбедности а да се битно не нарушава слобода информисања. У супротном информисањем из чисто маркетиншких разлога може се утицати на грађане по питању угрожености њихове личне или националне безбедности што може изазвати и (не)адекватну реакцију грађана супротну државној политици развоја националне безбедности. Такође, ако се информације објављују из маркетиншких разлога чини се непотребним интересовање и учешће надлежних државних служби безбедности. Такво непрофесионално информисање мас-медија, не само код нас, није ретко. Службе безбедности се у вези таквог непрофесионалног објављивања информација ретко ангажују што је за последицу, у протеклом периоду, за последицу имало и ефеката угрожавања личне безбедности грађана.

Моћ и утицај медијског информисања предмет су многих екстензивних наука, па тако и наука о безбедности па тако и безбедносне превентиве. С друге стране, савремена безбедност већ одавно признаје медије као значајне канале утицаја за остварење стања националне

безбедности, што треба да буде пракса и код нас, а нарочито са аспекта безбедносне превентиве.

Литература

- Буцак Горан, Ракић Миле (2015). Одрживост институционалних капацитета Републике Србије у условима глобализације. *Српска политичка мисао* бр. 3, ИПС, Београд, 224.
- Ракић Миле Бериша Хатица (2016). Однос Руске федерације, САД и НАТО према војној неутралности Републике Србије. *Српска политичка мисао*, бр. 2, ИПС, Београд, 271.
- Закон о јавном информисању медијима (2014–2016). *Службени гласник Републике Србије*, бр. 83/2014, 50/2015 и 12/2016 – аутентично тумачење.
- Митровић Р Љубиша (2014). *Геополитичка транзиција Балкана – социолошки огледи*, Нови Сад, Прометеј, 157.
- Миле Ракић (2006). *Безбедносна превентива*, Институт за политичке студије, Београд, 29.
- Пејановић Љубо, Вејновић Душко, Ракић Миле (2018). *Заштитна функција безбедности у ванредним ситуацијама*, Универзитет модерних знаности, Факултет за сигурносне студије, Мостар, Европски дефендологија центар, Вања Лука, 168–169.
- Пејановић Љубо, Вејновић Душко, Ракић Миле (2018). *Заштитна функција безбедности у ванредним ситуацијама*, Универзитет модерних знаности, Факултет за сигурносне студије, Мостар, Европски дефендологија центар, Вања Лука, 105.
- Пејановић Љубо, Ракић Миле (2011). Интегрисано безбедносно спречавање и сузбијање малолетничког насиља у Републици Српској и Републици Србији, *ЦИВИТАС часопис за друштвена истраживања*, бр. 6, ФППС Др Лазар Вркатић, Нови Сад, 51.

Reference

- Буцак, Goran & Rakić, Mile (2015). Odrzhivost institucionalnih kapaciteta Republike Srbije u uslovima globalizacije. *Srpska politichka misao [Serbian political thought]*, br. 3, IPS, Belgrade, 224 (In Serbian).
- Rakić, Mile & Berisha, Hatica (2016). Odnos Ruske federacije, SAD i NATO prema vojnoj neutralnosti Republike Srbije. *Srpska politichka misao [Serbian political thought]*, br. 2, IPS, Belgrade, 271.
- Zakon o javnom informisanju medijima (2014–2016). *Sluzhbeni glasnik Republike Srbije [Official Gazette of the Republic of Serbia]*, br. 83/2014, 50/2015 i 12/2016 (autentichno tumacheње).
- Mitrović, R. Ljubisha (2014). *Geopolitichka tranzicija Balkana – socioloski ogledi [Geopolitical transition of the Balkans – sociological views]*, Novi Sad, Prometej, 157.
- Rakić, Mile (2006). *Bezbednosna preventive [Security prevention]*, Institut za politichke studije, Belgrade, 29.
- Pejanović, Ljubo & Vejnović, Dushko & Rakić, Mile (2018). *Zashtitna funkcija bezbednosti u vanrednim situacijama [Emergency safety protective function]*, Univerzitet modernih znanosti, Fakultet za sigurnosne studije, Mostar, Evropski defendologija centar, Вања Лука, 168–169.
- Pejanović, Ljubo & Vejnović, Dushko & Rakić, Mile (2018). *Zashtitna funkcija bezbednosti u vanrednim situacijama [Emergency safety protective function]*, Univerzitet modernih znanosti, Fakultet za sigurnosne studije, Mostar, Evropski defendologija centar, Вања Лука, 105.
- Pejanović, Ljubo & Rakić, Mile (2011). Integrisano bezbednosno sprechavanje i suzbijanje maloletnichkog nasilja u Republici Srpskoj i Republici Srbiji, *CIVITAS chasopis za drushtvena istrazhivања [CIVITAS Social Research Journal]*, br. 6, FPPS Dr Lazar Vrkatic, Novi Sad, 51.

МЕДИЈИ У ФУНКЦИЈИ БЕЗБЕДНОСНЕ ПРЕВЕНТИВЕ

Др Миле Ракић,
Институт за политичке студије,
Београд (Србија)

Др Љубо Пејановић,
Правни факултет,
Универзитет “Др Лазар Вркатић”,
Нови Сад (Србија)

АНОТАЦИЈА

Текст тематизује могућност коришћења јавно објављених информација и вести у мас-медијима као могући извор за безбедносну превентиву. Свакодневна доступност различитих вести и информација из области безбедности различито утиче на перцепцију индивидуе али и грађане и њихове ставове. Националном Систему безбедности неопходна је подршка грађана која се најчешће остварује информисањем о одређеним активностима у сфери безбедности. Развојем масовних медија и значајним утицајем јавног мњења на одлучивање у сфери политике безбедности, повећана је потреба за разменом информација између грађана и субјеката безбедности. Доступност одређених вести и информација у јавности омогућава и безбедносним институцијама да предузимају правовремене и оптималне активности. Основна коришћена метода је анализа садржаја са циљем истраживања потребе одговора институција безбедности на одређене вести и информације у мас-медијима. У том смислу неопходно је сагледавати односе безбедносне превентиве и медијског информисања у циљу да се по питању националне безбедности, безбедности грађана, њихове имовине итд. изнесе што конкретније и стручније информације од стручних аутора које би морале проћи својеврсни филтер и на које би се моогло реаговати од стране стручних служби безбедности а да се битно не нарушава слобода информисања. У супротном информисањем из чисто маркетинских разлога може се утицати на грађане по питању угрожености њихове личне или националне безбедности што може изазвати и (не)адекватну реакцију грађана супротну државној политици развоја националне безбедности. Такође, ако се информације објављују из маркетинских разлога чини се непотребним интересовање и учешће надлежних државних служби безбедности. Такво непрофесионално информисање мас-медија, не само код нас, није ретко.

Кључне речи: национална безбедност, безбедносна превентива, медији, информације.

АНОТАЦИЈА

У тексту розглядається можливість використання публічно оприлюдненої інформації та новин в засобах масової інформації в якості можливого джерела для запобігання небезпеці. Щоденна присутність різних новин та інформації в галузі безпеки по-різному впливає на сприйняття людини, а також громадян та їх відносини. Система національної безпеки потребує підтримки громадян, яка найчастіше досягається шляхом інформування про певні дії в сфері безпеки. Із розвитком засобів масової інформації та завдяки значному впливу громадської думки на прийняття рішень в області політики безпеки зростає потреба в обміні інформацією між громадянами й органами безпеки. Доступність певних новин і інформації для громадськості дозволяє органам безпеки робити своєчасні й оптимальні дії. Основний використовуваний метод – це контент-аналіз із метою вивчення потреби органів безпеки в реагуванні на певні новини та інформацію в засобах масової інформації. У цьому сенсі необхідно враховувати взаємозв'язок між запобіганням небезпеці й інформацією ЗМІ, щоб вирішувати питання національної безпеки, безпеки громадян, їхньої власності тощо та подати якомога більше конкретну й фахову інформацію від професійних авторів, яка повинна пройти свого роду фільтр і на яку можуть відповісти професійні служби безпеки без істотного порушення свободи інформації. В іншому випадку інформація маркетингового характеру може вплинути на громадян щодо загрози їх особистій або національній безпеці, що може спровокувати (не) адекватну реакцію громадян, що суперечить державній політиці розвитку національної безпеки. Крім того, якщо інформація публікується в маркетингових цілях, зацікавленість і участь компетентних державних служб безпеки здаються непотрібними.

Ключові слова: національна безпека, запобігання небезпеці, засоби масової інформації, інформація.

Подано до редакції – 20.10.2019

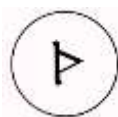
Рецензовано – 12.01.20

Прийнято до друку – 13.01.20

Submitted to the editor – 20.10.2019

Reviewed – 12.01.2020

Accepted for printing – 13.01.2020

УДК 070 : 304 : 001

Quantum Chronos Method in Researches Of Remote Communication (or Analysis of Remote Communication Processes Within the Space-time Continuum)

Alexander Kholod,*Doctor of Philology, professor, academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education,**E-mail: akholod@ukr.net,**<https://orcid.org/0000-0002-6851-0176>**ResearcherID: AAD-5598-2019**Vasil Stefanik Carpathian National University,**Department of Journalism**st. Shevchenko, 57, Ivano-Frankivsk,**Ukraine, 76000.***ANNOTATION**

Problem. The article is devoted to the theoretical justification of the application of the method of quantum chronos, which is proposed as a method of monistic idealism for studying the processes of distance communication within the space-time continuum.

Methodology. The author is formed to the method of monistic idealism, thereby abstracting from materialistic approaches in the interpretation of the primacy of spirit or matter. As a methodology, the concept of quantum infinity (quántum infinitum), expressed by the formula "Unity is equal to the union of Being, entailing the union of the identity of Consciousness and Event; Information follows from such an identity". In addition, the hypothetical-deductive, analysis, synthesis, abstraction and generalization methods that the author needed to create an original approach and justify the feasibility of introducing the quantum chronos method into scientific use were chosen as the basic ones. Among the special scientific methods used in the study were the methodological principles of quantum mechanics (V. Heisenbergs uncertainty principle, N. Bohrs principle of complementarity, the concept of superposition).

The methods of studying the processes of communication in the works of philosophers M. McLuhan, C. Popper, sociologist M. Castells, specialists in quantum mechanics, quantum physics, quantum psychology K. Blood, A. Goswami, V. Krutov, R. Penrose, and researchers of quantum psycholinguistics V. Krutova, A. Cold. The subject of the study was the quantum chronos method in studies of distant communication, or the analysis of distance communication processes within the space-time continuum. The aim of the study was to describe the method of quantum chronos in studies of distant communication, its justification and proof of expediency.

Conclusion. The method of quantum chronos in studies of distant communication was described and justified, and it was proved advisable to use it in the study of remote communication processes in the space-time continuum. It was also found that the study of these processes could not be valid when applying such materialistic methods: historical or chronological method; systemic method, linguistic and ethnolinguistic, psycho- and sociolinguistic analysis, discursive analysis. The stated research task can be "completed" by the method of quantum chronos, based on a triune platform, consisting of the ideas of monistic idealism, the principles and concepts of quantum mechanics, and the proposed Unity formula.

Keywords: quantum chronos method, distance communication, space-time continuum.

Метод квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации (или анализ процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума)

Александр Холод,

*доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук
педагогического образования,
кафедра журналистики,*

Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника

Вступление

Проблема изучения состоит в отсутствии знаний о том, что называем методом квантового хроноса и каким образом он трактуется в свете принципов квантовой механики [Концепции современного естествознания, 2019; Дирак, 1979]¹¹. Сегодня также неизвестным является ответ на вопрос о том, каким образом предлагаемый нами метод квантового хроноса является функциональным для анализа процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума. История изучения анализируемой нами проблемы, к сожалению, ограничена, поскольку до нашего исследования в научном обиходе не использовался термин «метод квантового хроноса». Невзирая на методологическую лагуну, попытки изучения коммуникации (в виде письменных иконических и буквенных сообщений), «отодвинутых» от исследователя во времени-пространстве, производились и ранее, о чём свидетельствуют, например, работы наших предшественников, изучавших рукописи Даньхуана (написаны между V и XI веками) (Ponampon, 2019; Rong Xinjiang, 1999; Imaeda, Yoshirō, 2008), дощечки тибетского буддийского канона Кангьюра («переведённых слов (о Будде)» (XIV век) (Eimer, 1992). К числу объектов с древними письменами, к изучению которых применялись различные методы, следует отнести и Изумрудную Табличку, созданную, по предположениям археологов, между VI и VIII веками (Goodrick-Clarke, 2008; Park, Daston, 2006; Ebeling, 2007; Newton, 2010). Изучению подвергались и тексты египетской «Книги снов», которая «сохранилась в форме папируса с иератическим шрифтом. Этот папирус был найден в древнеегипетской рабочей деревне Дейр-эль-Медина, недалеко от Долины Царей..., был датирован ранним правлением Рамсеса II (1279–1213 гг. до н.э.)» (Holloway, 2014). К переводам, которые мы считаем дистанцированной коммуникацией в пределах пространственно-временного континуума, применялись различные методы, о чём сообщают исследователи (History Dreaming by the book..., 2003; Stratos, 2013; Szpakowska, 2020). Тематически близким к методу квантового хроноса можем считать метод исследования, применённый к изучению «Медного свитка», который «является частью необычного тайника документов I-го века, впервые обнаруженного в пещерах Кумрана, широко известных как свитки Мёртвого моря» (Holloway, 2014). К изучению процессов дистанцированной коммуникации обращались исследователи (De-Looijer, 2013; Davies, Philip R., Brooke & Callaway, 2002; Stegemann, 1992).

Для нашего исследования является интересным тот факт, что анализ текстов «Списка шумерских королей» также мог производиться с учётом определённых особенностей,

¹¹ Концепции современного естествознания (2019). Физические концепции естествознания. Основные принципы квантовой механики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_7/5/5_R1_T4.html; Дирак П. Принципы квантовой механики. 2-е изд. М.: Наука, 1979. — 480 с.

которые полезны для формирования представления о методологии их изучения. Сегодня известно, что древняя рукопись была обнаружена в Ираке, «где когда-то стояли процветающие шумерские города» (Holloway, 2014). В рукописи, «первоначально записанной на шумерском языке», «перечислены короли Шумера (древний юг Ирака) из шумерских и соседних династий, их предполагаемый срок правления и места «официального» царствования» (Holloway, 2014). О методах изучения текстов «Списка шумерских королей» сообщают публикации специалистов (Albrecht, 1961; Hallo, 1963; Jean-Jacques, 2005; Jacobsen, 1939; Langdon, 1923; Michalowski, 1983; Young, 1991).

Определённый метод был использован исследователями для изучения древнего текста бамбуковых медицинских книг Бянь Цюэ (401 г. до н.э. – 310 г. до н.э.) (Bian Que, 2020) (около 552–479 гг. до н.э.) (Micunovic, 2019), найденные в 2013 году в китайском городе Чэнду в четырёх гробницах династии Западная Хань (206 г. до н.э. – 24 г. н. э.). Книги состоят из «более 960 бамбуковых листов с более чем 25 000 символов, включая восемь медицинских книг по основным теориям традиционной китайской медицины, иглоукалыванию, рецепту и другим областям, а также книгу законов» (Book based on ancient medical bamboo slips to be published, 2020). Исследователи отмечают: «Анализ текстов показал, что некоторые из них были написаны легендарным Бянь Цюэ, самым ранним известным врачом Китая» (Holloway, 2014). Для изучения текстов книг Бянь Цюэ были применены не только специальные археологические методы, но и методы лингвистики (в том числе социо- и психолингвистики). «Эксперты-археологи изначально определили, что главной основой... медицинских книг, которые предположительно принадлежат школе Бяньи, является слово «Си Си». Слово «Си Си» много раз встречается в «Си Си Йи Лунь», и краткий текст иллюстрирует следующее: «Си Си сказал: «Тот, кто имеет пять цветов в животе, мастер пульса, чтобы обсудить связь между пятью цветными венами, органами и болезнями» (перевод осуществлён с помощью Google Translate) (成都扁鹊学派医书遭质疑专家: "敝昔"通假"扁鹊", 2013). Для нашего исследования процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума интересным следует считать мнение Донг Шана – доцента кафедры бизнеса и образования Школы археологии и культуры Пекинского университета, который утверждает, что «система символов древнего китайского языка очень сложна. С тех пор, как она распространилась, произношение и шрифты очень изменились. Помимо диалектных причин, слово «Вяньи» не является единственным способом написания на древнем китайском языке. Нет проблем в гомофоническом (однозвучном – прим. наше А.Х.) общении между «Си Си» и «Бянь Се». «Си» означает «Бянь», а «Си» и «Се» также встречались в древних книгах в прошлом» (перевод осуществлён с помощью Google Translate) (成都扁鹊学派医书遭质疑专家: "敝昔"通假"扁鹊", 2013). Таким образом, мы установили, что одним из критериев для анализа древних текстов, или текстов, с помощью которых осуществляется дистанцированная коммуникация в пределах пространственно-временного континуума, может быть определён как **наличие/отсутствие гомофонического написания, мотивирующего близкое по значению восприятие семантики текста и его дальнейшей эпистемной интерпретации.**

Одним из самых известных сборников законов древнего мира исследователи называют Свод законов Хаммурапи (известный вавилонский царь, правивший в 1793–1750 гг. до н.э.) (Тураев, 1935). Согласно данным А. Holloway, свод законов Хаммурапи «пережил разрушительные действия времени, хотя только в XX веке они были заново открыты археологами. Эти законы определяли различные виды преступлений и применяемые меры наказания. Их обычно описывают как систему правосудия «око за око»» (Holloway, 2014). Латинизированный текст Свода законов Хаммурапи был опубликован с переводом на французский язык в 1902 году под названием «Code des lois (Droit Privé) de Hammurabi, roi de Babylone, vers l'an 2000 avant Jésus-Christ» («Кодекс законов (частное право) Хаммурапи, царя

Вавилон, около 2000 г. до Рождества Христова») в журнале «Mémoires de la Délégation en Perse» (Волков, 1910; Волков, 1912). Для анализа текстов Свода законов Хаммурапи исследователь Ж.-В. Шейль использовал различные методы, в том числе и лингвистический анализ (La Loi de Hammourabi, par V. Scheil, 1904).

С помощью упомянутого метода были анализированы и рукописи Такенучи, представляющие собой «набор таинственных документов, которые были переписаны человеком по имени Такенучи Матори 1500 лет назад» (Holloway, 2020). Лингвистический метод позволил установить, что тексты документа написаны смесью «японских и китайских иероглифов, расшифрованных даже из более старых текстов» (Holloway, 2020). Исследователям текстов рукописей Такенучи пришлось потратить десять лет, чтобы расшифровать иероглифы, описать их, сделать перевод и опубликовать на английском языке в четырёх книгах (Kosaka, 2017; Kosaka, 2018; Kosaka, Miwa, 2018; Kosaka, 2019).

Сегодня также известны лингвистические методы, с помощью которых изучались древние тексты Тимбукту, представляющие собою рукопись, обложка которой «обтянута верблюжьей, козьей или телячьей кожей» (Holloway, 2020). Тексты книги «написаны золотыми, красными и темно-черными чернилами» (Holloway, 2020). «Страницы наполнены яркой каллиграфией арабского и африканского языков и содержат интригующий массив геометрических конструкций» (Holloway, 2020). По свидетельству Э. Холлоуэй (Джоанны Гиллан), рукопись можно отнести к XIII–XVII вв. Рукописи «включают Коран, Суфизм, философию, юриспруденцию, математику, медицину, астрономию, науку, поэзию и многое другое» (Holloway, 2020). Смысл текстов свидетельствует о глубоких размышлениях авторов над теми обстоятельствами, которые сформировали эпистемы представителей разных народов мира.

Неполный анализ методов, которые применяли наши предшественники к изучению процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума, позволил нам выделить 14 критериев такого анализа:

- для анализа упомянутых текстов использовался лингвистический анализ (поиск единиц следующих языковых уровней: фонетического, лексического, фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического и текстового);

- среди методов встречается эпистемный анализ, или анализ древних текстов с учётом системы знаний конкретной исторической эпохи;

- также для переводов текстов применялся психолингвистический анализ (поиск соответствий между психическими реакциями, состояниями и их речевой реализацией), социолингвистический анализ (поиск корреляции между социальными статусами и их реализацией в языковых единицах и категориях);

- исследователи обращались к контент-анализу (поиск взаимосвязи между элементами текста) и дискурс-анализу (обнаружение связи между фактами реального окружения и их реализации в тексте);

- в арсенале исследователей были когнитивный (познавательный) анализ текстов и интен-анализ (поиск маркеров выражения в тексте желаний, намерений его автора), а также герменевтический анализ текстов, предполагающий особенности понимания содержания текста в рамках герменевтического круга (восприятие – интерпретация – понимание).

В результате применения перечисленных методов материалистической классификации исследователями дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума применялись различные критерии, несколько из которых мы смогли идентифицировать. К их числу можем отнести следующие:

- наличие/отсутствие гомофонического написания, мотивирующего близкое по значению восприятие семантики текста и его дальнейшей эпистемной интерпретации;

- наличие/отсутствие упоминаний исторических реалий, соответствующих предполагаемой дате создания текстов, в других исторических источниках;

- наличие/отсутствие в тексте изображений, сопровождающих его смыслы;
 - наличие/отсутствие эстетического наслаждения от созерцания текстов и изображений при их восприятии читателем (см. характеристику текстов и изображений Кангьюра – тибетского буддийского канона: «Изображения были написаны в соответствии с художественной традицией Занабазар и, как говорят, немедленно дают душевное спокойствие и восхищение любому, кто смотрит на это») (Holloway, 2020);
 - место обнаружения записей и изображений (в пещере, под статуей, в библиотеке, на чердаке, в сундуке, в сейфе, за стеной, в стене, в подполе, в фундаменте здания, в посуде, в глиняной ёмкости и пр.);
 - наличие/отсутствие в текстах и изображениях дистанционной коммуникации детальных объяснений семантики (значений), семиотики (знаковости) и прагматики (функциональной значимости) текстов и изображений;
 - упоминание/отсутствие в текстах информации об авторе;
 - обращение/необращение авторов текстов к одному (нескольким) языкам (алфавитам) и стилям изображений;
 - наличие/отсутствие в тексте письма, записанного алфавитом одной исторической эпохи;
 - качество носителя информации (материал, на котором были нанесены тексты и изображения: камень, папирус, металл, пергамент, бумага, кожа, дерево и подобные материальные носители);
 - специфика структуры документа дистанцированной коммуникации (расположение текстов, линий, рисунков);
 - материалы, из которых изготовлены чернила для написания текстов и нанесения изображений;
 - средства (инструменты, приспособления) нанесения текстов и изображений на поверхность документа;
 - вид модальности текста (эпистемная, деонтическая или косвенная (Kratzer, 1991; Portner, 2009; Kaufmann, Condoravdi & Harizanov, 2006); под модальностью понимается «система языковых вариантов, которая позволяет выражать общие намерения говорящих (или иллюкутивную точку), а также убеждённость говорящего в том, что является истинным, обязательным, желательным или фактически выраженным. Модальные опции могут быть реализованы с помощью порядка слов (настроения), модальных вспомогательных и модальных дополнений» (Linguistic modality, 2020).
- Анализируемые нами результаты исследования дистанционной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума позволили идентифицировать 10 гипотетических методов и 14 критериев *материалистического толка*.

Методы и методики исследования

Среди трёх основных групп методов¹² исследования мы выбрали те, которые, на наш взгляд, наиболее валидны для реализации поставленной цели.

Из группы *философских методов* мы избрали метод монистического идеализма, что дало нам возможность абстрагироваться от устоявшихся материалистических подходов в трактовке первичности духа или материи. При опоре на основные положения монистического идеализма в настоящем исследовании в качестве методологии мы предлагаем концепцию квантовой бесконечности (*quántum infinitum*, далее сокращенно – QI от латинского слова «quántum» – квантовый, или латинского слова «infinitum» –

¹² Холод О.М. Методологія досліджень соціальних комунікацій. – Львів: ПАІС, 2014. – 280 с.

бесконечность). В сокращённом варианте предлагаем далее именовать «*концепция квантум инфинитум (КИ, или QI)*». Наша концепция выражена четырьмя основными тезисами.

Тезис 1. Сознание и Событие.

Сознание существует вечно, потому что существует Событие.

Событие – это уплотнённая позитивная или негативная энергия, высвобождающаяся или коллапсирующая в результате нарушения баланса (равновесия) между требуемыми и достаточными условиями для существования пространственно-временного континуума (далее – ПВК, или «пэвэка»). События коллапсируются (резко сжимаются, уплотняются) Сознанием.

Сознание рождено Событием, Событие – Сознанием.

Бесконечность.

Событие есть Сознание, Сознание есть Событие. Они – одно в другом и другое в одном. Они Едины. Ткань Сознания состоит из материи События. Материя События состоит из ткани Сознания.

Событие циклично и повторяется вечно.

Сознание вечно и циклично в своей активности.

Вселенское Сознание – это энергия Событий.

В пэвэка таких Событий множество. Они связаны между собой необходимой и достаточной связью, что позволяет им повторяться.

Существование живого (в том числе и человека) в пэвэка обусловлено повторением Событий. Чем плотнее Событие, тем большей энергией обладает Сознание и тем чаще происходит повторение Событий. Поскольку живое (и человек в том числе) является результатом Событий, постольку частота появления и исчезновения живого в пэвэка обусловлена цикличностью Событий.

Сознание, наполненное уплотнённой энергией Событий, циклично повторяет появление и исчезновение животного и неживотного миров в пэвэка.

Между циклами повторений нет времени и расстояния. Циклы Событий голографичны и возможны всегда. Например, то Событие Р, которое происходило 2–3 млрд лет назад, потенциально возможно сегодня. Но также сегодня возможно, например, Событие А, которое произойдёт через 20 лет. У Сознания-События нет иерархии или порядка, нет очереди или плана.

Сознание-Событие здесь, сейчас, всегда и повсюду.

В любой момент нарушения баланса между требуемыми и достаточными условиями существования пэвэка возникает Событие, неподвластное Сознанию. Ведь Сознание является Событием, а Событие – Сознанием. Они не управляют друг другом, но находятся в корреляционной квантовой зависимости друг от друга. Любой фрагмент Сознания тут же меняется, если фиксируются изменения в любом фрагменте События.

Тезис 2. Жизнь, Сознание и Событие.

Жизнь порождена Сознанием, а значит, Событием, или коллапсированной энергией, в основе которой – квант как порция энергии. Ergo, коллапсированная энергия, или квантовая энергия, является причиной квантового События.

Квантовое Событие циклично. Жизнь циклична и в масштабах Вселенной представляет собой квант (порцию энергии).

Жизнь имеет различные формы. Одной из таких форм есть человек.

Тезис 3. Информация.

Взаимодействие Сознания и События порождает Информацию.

Информация – это синергетический результат взаимодействия Сознания и События, но не их сумма.

Тезис 4. Ткань Бытия.

Ткань Бытия состоит из тождества Сознания и События. Тождество Сознания и События влечёт за собою рождение Информации. Вместе они образуют Единство.

Поскольку Сознание (Соз.) есть Событие (Соб.), а их взаимодействие порождает синергию – Информацию (И), ergo, Бытие (Б) является результатом тождества между Сознанием и Событием, образующим Информацию. В своих взаимосвязях Сознание, Событие, Информация и Бытие образуют Единство (см. далее формулу Единства):

$$E = U\{B \Rightarrow [(C \equiv S) \Rightarrow I]\},$$

где:

E – Единство,

B – Бытие,

Соз. – Сознание,

Соб. – Событие,

I – Информация,

= – знак «равно»,

U – знак «объединение»,

≡ – знак «тождество»,

⇒ знак «следовательно», или «влечёт»;

{ }, [], () – знаки «скобки» для определения порядка операций.

Формула читается таким образом: «Единство равно объединению Бытия, влекущего союз тождества Сознания и События; из такого тождества следует Информация».

В группе *общенаучных методов* нас заинтересовали методы гипотетико-дедуктивный, анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения, с помощью которых мы смогли построить свой подход и обосновать целесообразность введения в научный обиход метода квантового хроноса.

Наконец, группа *специальных научных методов* позволила нам воспользоваться потенциалом методологических принципов квантовой механики, а именно – принципом неопределённости В. Гейзенберга, принципом дополнительности Н. Бора и понятием суперпозиции, которое имеет методологическое, на наш взгляд, значение для анализа квантовых явлений и процессов.

Объектом нашего исследования были избраны методы изучения процессов коммуникации в работах предшественников, которые обращались к их анализу, с одной стороны, с позиций философии (Маклюэн, 2007; Роррег, 1989) и социологии (Кастельс, 2010); с другой стороны, с позиций достижений квантовой механики, квантовой физики, квантовой психологии (Блад, 1993; Госвами, 2013; Крутов, 2014; Крутов, 2019; Крутов, 2020; Пенроуз, 2004) и с позиций квантовой психолингвистики (Крутов, 2019; Холод, 2019; Холод, 2020).

В качестве *предмета исследования* мы избрали метод квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, или анализ процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума.

Исходя из идентифицированных объекта и предмета, мы сформулировали цель исследования в описании метода квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, его обоснование и доказательство целесообразности.

Результаты и дискуссии

Термин «метод квантового хроноса» (метод КХ) предполагает анализ коммуникационных процессов и текстов (в том числе и журналистских), преданных огласке (распространённых посредством узелковой коммуникации, наскальных пиктограмм или рисунков, геоглифов, голосовых сообщений глашатаев, с помощью публикаций в прессе,

выступлений по радио или телевидению, гипертекстов в интернете) не менее чем 75 лет до момента их (процессов коммуникации и текстов) анализа, что обусловлено средним возрастом человека, знакомого при жизни с эпистемой (системой знаний определённой исторической эпохи) с учётом двух факторов: 1) анализируемые коммуникационные процессы и тексты должны восприниматься современным читателем, знакомым лишь теоретически с эпистемой, в рамках которой происходили коммуникационные процессы и был создан текст; 2) анализ процесса совершения коммуникационного процесса и восприятия текстов должен быть экспериментальным и учитывать принципы и понятия квантовой теории – *принцип неопределённости В. Гейзенберга* и *принцип дополнительности Н. Бора*, а также понятие суперпозиции.

Замечание 1.

«Теория квантовой физики, от понятий которой мы отталкиваемся, описывает исследуемые явления, во-первых, относительно микромира, и, во-вторых, такие описания до сих пор (спустя столетие со времени открытия квантовой теории¹³) имеют гипотетический характер и в большинстве своём пока бездоказательны в практическом плане» (Холод, 2020а).

До сих пор в гуманитарных науках исследователи не находили обоснование экспериментальным процедурам (методикам), выстраиваемым на основании реакций современных испытуемых, полученных в результате восприятия ними исторических документов, изданных до их рождения. Например, в научной материалистической среде до сих пор считаются нерелевантными и не подлежащими экстраполяции результаты восприятия и рефлексии испытуемыми смыслов текстов, написанных за 80 лет, 150 лет (или в эпоху Месопотамии, например, за 4300 лет) до момента их прочтения испытуемыми. Если такие методики в экспериментальном методе и применялись, их называли «ретроспективным методом», иногда – «хронологическим методом». До сих пор в научной литературе можно встретить «исторический метод» (Ланглуа, Сеньобос, 2004; Тош, 2000; Gilbert, Garraghan, 1946; Gottschalk, 1950). Смысл перечисленных названий методов сводился к измерению реакций испытуемых (например, в истории, социологии, психолингвистике, социолингвистике, психологии, журналистике, литературоведении и даже в философии), а также – к изложению субъективной рефлексии автора научного текста с учётом знаний им эпистемы той исторической эпохи, которая выступала в качестве дискурса анализируемого документа (или другого артефакта). Такие методы критиковались и не находили места в классификациях методологов (Новиков, Новиков, 2007). Принципы квантовой механики (принцип неопределённости В. Гейзенберга и принцип дополнительности Н. Бора, а также понятие суперпозиции (Dirac, 1958; Bohr, 1928; Cohen-Tannoudji, Diu, Laloë, 1977) позволили нам обратить внимание на свой методологический и методический потенциал, так как, согласно, например, принципу неопределённости В. Гейзенберга, «в момент времени, когда положение определяется, то есть в момент, когда фотон рассеивается электроном, электрон испытывает скачкообразное изменение импульса. Это изменение тем больше, чем меньше длина волны используемого света, т. е. чем точнее определение положения» (Heisenberg, 1927a: 174–175). Автор продолжает: «В момент, когда положение электрона известно, его импульс может быть известен только до величин, соответствующих этому прерывистому изменению; таким образом, чем точнее определяется позиция, тем менее точно известен импульс, и наоборот» (*перевод наш* – А. Х.) (Heisenberg, 1927a: 174–175). В другой работе (Heisenberg, 1927b), вышедшей в 1927 году, В. Гейзенберг повторил описанную трактовку с таким же смыслом. В упрощённом варианте определение квантового принципа неопределённости сводится к констатации объективного характера ситуации, при которой

¹³ Открытия в области квантовой физики были сделаны Максом Планком, Нильсом Бором, Альбертом Эйнштейном, Эрвином Шрёдингером, Луи де Бройлем, Полем Дираком, Вольфгангом Паули, Вернером Гейзенбергом, Максом Борном и Людвигом Больцманом (изложено на основании анализа информации, представленной в (Sheldon Goldstein, 1997)).

верен постулат «чем точнее измерение, тем оно в большей степени удалено от истины» (*формулировка наша – А. Х.*). Факт такой контрарной удалённости приходится констатировать потому, что в квантовой механике принято положение о том, что у квантовой частицы не может быть фиксированного положения в пространстве, так как она (квантовая частица) в одно и то же время находится в разных местах пространства. Исходя из приведённых ранее упрощённых объяснений, мы переносим действие одного из ключевых понятий квантовой механики (принципа квантовой неопределённости В. Гейзенберга) на методологию и методику измерений в гуманитарной сфере исследований. При этом мы готовы оппонировать утверждению о том, что принципы квантовой механики распространяются лишь на микромир, его структуру и функции его частиц, что обсуждается далее в п. 2.

При анализе процессов, происходящих в макромире, считаем целесообразным опираться на суть принципов неопределённости, дополненности и понятие суперпозиции, гипотетически описывающих процессы и явления микромира, по следующим причинам:

– невзирая на общую декларацию постулата о том, что законы и принципы микромира в классической физике отличаются от принципов, гипотетически объясняющих квантовый мир (микромир), до сих пор не существует достаточных для этого доказательств;

– тезис, выдвинутый нами в п.1), позволяет предположить, что в силу отсутствия упомянутых доказательств мы имеем полное право исследователя также гипотетически утверждать обратное, а именно: два принципа квантовой механики для микромира (принцип неопределённости, принцип дополненности) и понятие «суперпозиция» применимы к процессам и реалиям макромира (неквантового мира).

Исходя из положений, декларированных нами ранее, предлагаем следующее обоснование использования принципов квантовой механики и понятия «суперпозиция» для процессов, происходящих в макромире, по отношению к анализу изучаемой проблемы, а именно – отсутствие знаний о том, каким образом предлагаемый нами метод квантового хроноса является функциональным для анализа процессов дистанционной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума.

Принцип неопределённости мы применяем практически в оригинальном его трактовании В. Гейзенбергом: «Чем точнее определяется позиция, тем менее точно известен импульс, и наоборот» (*перевод наш – А. Х.*) (Heisenberg, 1927a: 174–175). При анализе процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума принцип неопределённости применим к изучению текстов удалённых во времени и пространстве от исследователя, потому что при восприятии таких текстов современными, например, читателями точность измерения результатов восприятия будет иметь весьма приблизительный (если не относительный) характер. Объяснение относительности показателей восприятия в таком случае смело может опираться на действие второго принципа квантовой механики, а именно – принципа дополненности («Любое наблюдение микрообъектов невозможно без учёта влияния приборов и измерительных средств» (Концепции современного естествознания, 2019). Применительно к предмету нашего исследования действие квантового принципа дополненности необходимо рассматривать в следующей трактовке: результаты восприятия процессов дистанцированной коммуникации современными читателями с помощью метода квантового хроноса не могут считаться устойчивыми, а лишь дополнительными. Причин здесь много. Назовём несколько.

Подобно кванту, положение которого постоянно меняется и не может иметь фиксацию в силу квантовых физических законов микромира, процесс восприятия в макромире постоянно меняется под влиянием большого количества различных факторов (зависимых и независимых переменных в терминологии экспериментальной психологии (Готтсданкер, 1984): настроение, состояние здоровья, усталость, погодные условия; степень освещённости помещения, в котором производится наблюдение; свободные ассоциации, цвет одежды

партнёра по речевому акту, состояние голода/сытости, ощущение счастья, переживания, хронические заболевания и их последствия, наличие/отсутствие мигрени и под. В зависимости от степени влияния одного фактора или их совокупности практически незаметные в макромире колебания результатов, которыми традиционно пренебрегают исследователи-экспериментаторы, понимая их лишь теоретическую значимость, результаты экспериментов в макромире будут отличаться. По указанной причине результат, полученный в любом эксперименте, будет иметь не основное, а дополнительное значение.

Любое действие, совершаемое со стимульным материалом (предметом, звуком, текстом, изображением, пространством), обречено на фиксацию нестабильности, неустойчивости и лишь одного из моментов пребывания стимула в пространстве-времени. Любой другой момент измерения будет связан уже с другим местом пребывания исследуемого предмета и также может быть лишь дополнительной фиксацией уже другого места пребывания. Таким образом, исследователь никогда не сможет зафиксировать точное место пребывания изучаемого предмета. Именно поэтому в микромире не может быть стационарного места для измерения, а записанные показатели всегда будут фиксировать лишь конкретное место дислокации и временное состояние исследуемого предмета в пространстве-времени (о подобной проблеме применительно к учёту влияния инструмента измерения на результаты эксперимента в атомной физике сообщает Ф. Капра (Капра, 2008: 154–158)).

Основные свойства пространства-времени не являются стабильными не только в микромире, но и в макромире также. Согласно общей теории относительности, предложенной А. Эйнштейном (Эйнштейн, 1965. Т. 1: 457–460), категория «пространство-время» выражается как «пространственно-временной континуум» и обладает свойством искривления. Это свойство накладывает отпечаток на восприятие предметов в макромире. Однако упомянутое искривление усиливается/уменьшается, если мы обратим внимание на такое понятие квантовой механики, как «Наблюдатель» (слово «Наблюдатель» мы записываем с прописной буквы с целью отличить характер его квантового значения от нарицательного слова «наблюдатель» в не-квантовом значении (в понятийно-терминологической системе классической механики)). Прежде чем мы опишем эффект искривления пространства-времени под воздействием Наблюдателя, поясним значение этого понятия в квантовой механике и квантовой психологии.

Израильские исследователи, занимающиеся *квантовой механикой* в Научном институте Вейцмана, в 1998 году провели эксперимент (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27), результатами которого продемонстрировали, что на пучок электронов оказывал влияние наблюдатель. При этом «эксперимент показал, что, чем больше «наблюдение», тем больше влияние наблюдателя на то, что происходит на самом деле» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). Известно, что квант может вести себя и как волны, и как частицы (см., например, (Капра, 2008: 172–173; 177–178)). При «наблюдении» со стороны квантового Наблюдателя фиксируется «поведение» квантов как волны на субмикронном уровне, что составляет расстояние в несколько микронов или одной тысячной миллиметра. При одновременном прохождении квантов через несколько отверстий в барьере происходит их «встреча» по другую сторону барьера, что называется «вмешательством». В таком случае возникает необъяснимый эффект: если «наблюдатель» не смотрит за «поведением» квантов как волн, возникает помеха. «Как только наблюдатель начинает наблюдать частицы, проходящие через отверстия, картина резко меняется: если можно увидеть частицу, проходящую через одно отверстие, то ясно, что она не прошла через другое» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). Исходя из констатируемого факта, исследователи делают вывод о том, что «под наблюдением электроны «вынуждены» вести себя как частицы, а не как волны. Таким образом, сам акт наблюдения влияет на экспериментальные результаты» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). Кроме указанного, следует

отметить, что в роли «Наблюдателя» в эксперименте группы израильских учёных выступал не экспериментатор, а «крошечный, но сложный электронный детектор, который может определять проходящие электроны» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). Упомянутый прибор имел возможность «обнаруживать» электроны с помощью изменения «его электрической проводимости или силы тока, проходящего через него» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). При этом описанный детектор не оказывал влияния на напряжение и, по расчётам исследователей, не мог влиять на «поведение» электронов. Невзирая на минимизацию возможного влияния, оно всё же было зафиксировано. Авторы сообщают: «Само присутствие детектора-«наблюдателя» возле одного из отверстий вызывает изменения в интерференционной картине электронных волн, проходящих через отверстия барьера. Фактически этот эффект зависел от «количества» наблюдения: когда способность «Наблюдателя» обнаруживать электроны увеличивалась, другими словами, когда уровень наблюдения повышался, помехи ослабевали; напротив, когда его способность обнаруживать электроны уменьшалась, другими словами, когда наблюдение ослаблялось, помехи увеличивались» (Weizmann Institute Of Science, 1998, February 27). Исходя из результатов подробно изложенной нами сути исследования израильских учёных, можем утверждать, что, во-первых, квантовый Наблюдатель может быть контролируемым со стороны экспериментаторов, во-вторых, контроль над свойствами квантового Наблюдателя позволяет контролировать степень его влияния на поведение электронов.

Поскольку описанный эффект Наблюдателя и его способности искривлять временно-пространственный континуум касаются квантовых принципов и закономерностей микромира, могут возникнуть сомнения относительно правомочности их применения к процессам макромира, в том числе и к применению их в исследовании дистанцированной коммуникации. Однако ситуация обстоит несколько иначе, чем представляется с первого взгляда. В квантовой психологии, активно развивающейся в наши дни, эффект квантового наблюдателя уже зафиксирован. Далее обратимся к краткому описанию его сути.

Исследователи-психологи (What Is the Observer Effect in Psychology, 2019) сравнивают эффект Наблюдателя с уже известным эффектом Хоторна (Adair, 1984). Последний связан с тем, что результаты эксперимента в психологии воспринимаются экспериментатором только в положительном плане, т.е. только как подтверждение гипотезы. Уместным будет здесь вспомнить и об известном в психологии эффекте Пигмалиона (Эффект Пигмалиона, 2020), суть которого также сводится к «улучшению» результатов эксперимента в зависимости от ожиданий экспериментатора.

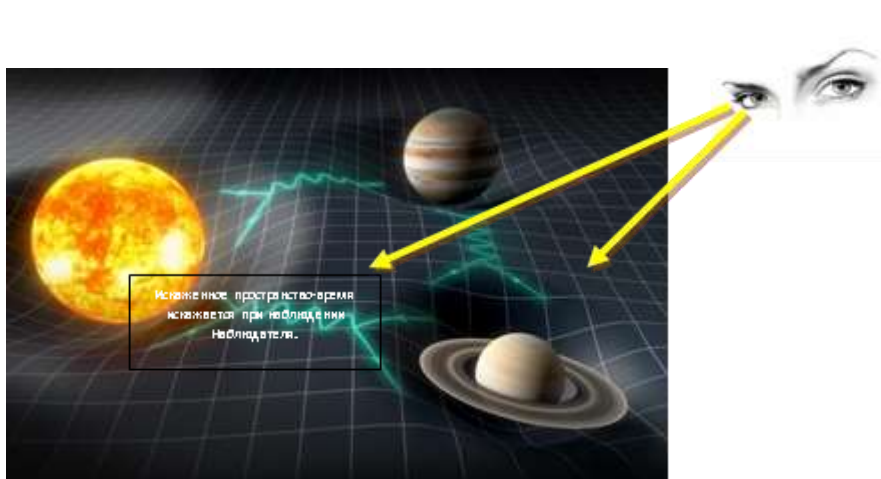

Рис. 1 Графическое изображение «искривления пространства-времени, происходящего вокруг небесных тел большой массы» (Constraining the Mass of the Graviton with the Planetary Ephemeris INPOP, 2019). Авторы графического изображения: Y. Gominet IMCCE / Observatoire de Paris (текстуры от НАСА). Изображение глаз абстрактного Наблюдателя принадлежит Ressam Alper Savkin (Ressam Alper Savkin black & white art studio, 2020), использовано в статье Латыпова И. Экзистенциальный наблюдатель (Латыпов, 2015).

Такой простой способ влияния на окружающий мир фиксируется и при анализе роли Наблюдателя, совершающего наблюдение в пространстве. Во-первых, пространства-времени нет, исходя из квантовых постулатов микромира. Во-вторых, пространственно-временной континуум возникает лишь тогда, когда его начинает наблюдать Наблюдатель. В-третьих, при наблюдении пространство-время искажается под влиянием акта наблюдения. И, в-четвёртых, поскольку пространство-время уже является искажённым, всё, что может наблюдать Наблюдатель, также искажается. Происходит эффект двойного искажения, или искажения искажения (назовём его в рабочем порядке «эффект ИИ», или ЭИИ). Графически мы отразили суть эффекта ИИ стрелками на комбинированном нами рис. 1, предложенном Y. Gominet IMCCE / Observatoire de Paris (текстуры от НАСА) и Ressam Alper Savkin (Ressam Alper Savkin black & white art studio, 2020). (см. рис. 1).

Исходя из представления об эффекте ИИ, учитывая подход представителей квантовой психологии к возможному различию между законами микро- и макромира, мы предлагаем считать:

- допустимым гипотетическое равенство между законами макро- и микромира (в квантовой рефлексии);
- возможной экстраполяцию¹⁴ (термин используется в значении, предложенном Абушенко В. Л. (Абушенко, 2020)) принципов и закономерностей микромира (квантовой механики) на принципы и закономерности макромира.

В среде материалистов изучение процессов коммуникации отмечено рядом известных работ методологического толка. Например, Маршалл Маклюэн (McLuhan, 1994; Маклюэн, 2007), считал, что коммуникацию следует изучать с позиций информационных технологий. При этом М. Маклюэн утверждал, что носители информации и технологии, которыми эти носители транслируют информацию, следует считать искусственными. Значит, поскольку

¹⁴ Экстраполяция — это «логико-методологическая процедура распространения (переноса) выводов, сделанных относительно какой-либо части объектов или явлений на всю совокупность (множество) данных объектов или явлений, а также на их другую какую-либо часть; распространение выводов, сделанных на основе настоящих и/или прошлых состояний явления или процесса на их будущее (предполагаемое) состояние» (Абушенко, 2020).

искусственные факторы не подчиняются законам природы, а лишь намерениям своих авторов (тех, кто вложил свои желания и устремления в производимый продукт), постольку коммуникация (и медиа как посредник в коммуникации) также не подчиняется законам природы. Однако такое мнение было бы ошибкой, если бы мы не учитывали эвристический (чаще – окказиональный) характер медиа (и коммуникации в том числе). Другими словами, коммуникация, совершаясь по законам общества как искусственного фактора, подвержена влиянию со стороны, во-первых, природных факторов (например, пола, возраста, типа темперамента; болезни, температуры тела, высокому/низкому артериальному давлению и под.), во-вторых, испытывает влияние со стороны искусственных факторов (например, потоку массмедийной информации, социальному статусу коммуникатора, степени развития/неразвития языка как кодового канала трансляции и восприятия информации, интеллектуального фона и интеллектуального фонда партнёров по коммуникации и под.). Учитывая перечисленные природные и искусственные факторы, оказывающие определённое влияние на результативность коммуникации, М. Маклюэн предложил «38 элементов методологии» (по оценкам R. Logan (Logan, 2010)). Хотя мы и не склонны относить 38 упомянутых элементов к методологии анализа процессов коммуникации и называем такие элементы методологическими позициями М. Маклюэна, далее перечислим их материалистические наименования с целью поиска смыслов, заложенных в предлагаемом нами квантовом понимании природы Единства мира и функциональности метода квантового хроноса в исследованиях дистанцированной коммуникации.

К числу 38 элементов методологии М. Маклюэна относят следующие: «Эквивалентность медиа и технологий. Технология как расширение тела и медиа как расширение психики. Медиа как живые вихри власти. Медиа создают новые социальные модели и восприятие реструктуризации. «Среда есть послание». Содержимое любой новой среды является другой более старой средой. Гибридные системы. Подсознательное влияние медиа. Противоречивый эффект медиа. Флип: человечество как продолжение его технологий. Общества подражают своим технологиям. Глобальная деревня. Зеркало заднего вида: история как лаборатория медиаисследований. Три возраста общения. Разрыв границ. Акустическое и визуальное пространство. Письмо, алфавит и печатный станок. Фрагментация в эпоху грамотности. Новые информационные шаблоны появляются со скоростью света. Централизация против децентрализации. Интеграция и мультидисциплинарность против специализации. Аппаратное и программное обеспечение против информации. Горячее и холодное / Свет в сравнении со сквозным светом. Исследования медиа как Гражданская Оборона против медиа. Понимание как службы, так и плохой работы новых медиа. Отсутствие морального суждения. Миф об объективности. Устные традиции и зонды. Искусство как радар и система раннего предупреждения. Устаревшие технологии становятся художественными формами. Мультидисциплинарность. «Анализ медиа» против «Анализ контента». Изучение интерфейса и паттерна, а не «точка зрения». Соотношение фигура-земля. Обращение причины и следствия. Пользователь – это контент. Антиакадемический уклон.

В своих работах М. Маклюэн предложил 4 закона медиа (McLuhan 1975; McLuhan and McLuhan 1988), которые в английском варианте записываются аббревиатурой «ЛОМ» (сокращение от первых букв трёх слов в названии книги «Laws of Media», 1988). Далее представлен интерпретированный авторский (*наш – А.Х.*) перевод формулировок законов.

«Каждое средство или технология усиливает некоторые функции человека» (Logan, 2010).

«Новое средство коммуникации выводит из употребления ранее существовавшее» (Logan, 2010).

«Средство коммуникации словно возвращает ранее утерянное на новый уровень» (Logan, 2010).

«Когда средство коммуникации достигает своего полного развития, оно трансформируется в дополнительную форму» (Logan, 2010; McLuhan 1975; McLuhan and McLuhan 1988).

Нам, очевидно, следует учитывать мнение R. Logan, считающего, что LOM – «скорее исследовательский инструмент или зонд, который даёт представление о влиянии среды или технологии и её возможного развития, но не даёт уникальных прогнозов» (Logan, 2010).

Поскольку целью нашего исследования является описание метода квантового хроноса в исследованиях коммуникации, его обоснование и доказательство его целесообразности, мы обратились к материалистическим методам М. Маклюэна для поиска смыслов, заложенных в предлагаемом нами квантовом понимании природы Единства мира и функциональности метода квантового хроноса в исследованиях дистанцированной коммуникации.

Считаем необходимым заметить, что прямых методов изучения дистанцированной коммуникации в работах М. Маклюэна нет, однако есть те методы, которые могут помочь нам понять связь между материалистическим и идеалистическим подходами. Например, маклюэновский методологический принцип, который R. Logan (Logan, 2010) сформулировал в названии «Медиа создают новые социальные модели и восприятие реструктуризации». В обозначенном методологическом положении М. Маклюэна мы усматриваем связь материалистического подхода с методологией монистического идеализма. Маршалл Маклюэн считал, что «медиа создают новые социальные модели. Знание доминирующих медиа и технологий культуры определяет «причину и формирующую силу всей структуры [и] какой должна быть структура любой культуры как в психологическом, так и в социальном плане» (McLuhan, 1972).

Действительно, медиа создают новые социальные модели, которые в результате, влияя на мировоззрение аудитории, реструктуризируют восприятие нею информации. Тихо, бесшумно и безболезненно, без конфликтов и сопротивлений со стороны аудитории медиа формируют такой образ мира, который не свойственен каждому из нас, но который удобен ситуационной ситуации. В качестве инициатора такой масштабной тихой манипуляции чаще всего выступает государство как эксплуататор, как потребитель налогов своих граждан. По сути своей такая коммуникация является дистанцированной, т.е. удалённой в пространстве. Если мы обратим внимание на такой вид масс-медиа, как художественный фильм, снятый, например, в 1945 году и показанный в 2020 году, мы также сможем анализировать его влияние на аудиторию как на форму дистанцированной коммуникации не только на расстоянии, но ещё и во времени. То же относится и к другому виду масс-медиа – печатным СМИ. Возвращаясь к материалистическому методологическому положению М. Маклюэна о силе медиа, рассматриваемого ним в роли инструмента реструктуризации социума как в культурном плане, так и в психологическом, следует отметить важную роль дистанцированной коммуникации, но уже не с позиций материализма, а опираясь на методологические положения монистического идеализма. Положения последнего позволяют нам рассматривать дистанцированную во времени и в пространстве коммуникацию как достаточно эффективный способ формирования психологической матрицы в культуре современности. В качестве такой матрицы можно считать, например, память о жертвах революций, гражданских или межнациональных войн. Государственный идеологический аппарат с помощью масс-медиа планомерно формирует «нужную» для себя картину мира аудитории, используя при этом колоссальный манипуляционный ресурс дистанцированной коммуникации. Происходит это достаточно несложно: например, созданная в мировом масштабе в 1945 году мемориальная (от *memo* – память) матрица Победы СССР над немецко-фашистскими агрессорами нуждается лишь в постоянном заполнении своих структурных ячеек новыми видовыми эффектами. В качестве таковых могут выступать яркие талантливые книги, художественные фильмы, документальные ленты, журналы и газеты. Необходимо ежегодно, время от времени, демонстрировать массмедийную продукцию

военной тематики в СМИ, отмечать на государственном уровне великую Победу и постоянно клеймить позором агрессора. Подкреплять такие ежегодные акции следует внедрением в учебные программы дошкольных, школьных и высших учебных заведений единообразной информации, чётко и грамотно адаптированной к возрастным уровням учащихся и студентов. И массмедийная матрица дистанцированной коммуникации будет исправно работать, формируя «нужные» государству и политическому режиму поколение за поколением.

С позиций монистического идеализма эффекты дистанцированной коммуникации демонстрируются ещё проще. Поскольку «произведенная» массмедийными штампами аудитория имеет набор таких же типичных паттернов, или образцов, например, в 1700 году (когда Пётр I в Российской империи ввёл празднование Нового года, перенеся его волюнтаристским решением на ночь с 31 декабря на 1 января), сформированный государством стереотип празднования Нового года закрепился в памяти народа на культурном и психическом уровнях. Отсюда следует, что разницы между паттернами аудитории 1700 года и, например, 2000 года теоретически нет. Как и 300 лет назад, в 2000 году новый Новый год «записан» культурной церковной традицией как «не свой», «чужой», навязанный указом (медиа как посредником) Петра I. Квантовые закономерности «срабатывают» просто: мемориальная матрица существует здесь и сейчас, всегда и везде. Она не подчиняется пространству и времени. Идентичная ситуация сложилась и с языческой (поганской, или дохристианской) культурой. Более одной тысячи лет прошло с тех пор, как наших предков загоняли в воду и крестили, обращая в новую веру. Память о прежней вере не умерла. Она живёт и поныне. По этой причине типичные паттерны (образцы, штампы) празднования (процесса создания атмосферы праздника) в поведении людей не исчезли за тысячелетия. Если Новый год 1-го января начали праздновать по приказу Юлия Цезаря с 46-го года до нашей эры (Климишин, 1990), то это не значит, что с тех пор сама процедура праздника ушла в небытие и стёрлась из ментальности людей. Из года в год, от века к веку, от тысячелетия к тысячелетию ментальная и мемориальная матрица благодаря передаче и обмену информации сохраняла в культурах социумов разных государств идею празднования Нового года. Следовательно, многие века сохранялась коммуникация вне времени и пространства. Отдалённая, или дистанцированная коммуникация, таким образом, имеет общие типичные паттерны для всех времён и народов. Отсюда вытекает вывод о том, что при изучении дистанцированной коммуникации может применяться такой же – типичный – метод. Как мы уже декларировали, в качестве такого метода может служить метод квантового хроноса.

Методологией, которая может быть успешно, на наш взгляд, применима к анализу процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума, может быть гипотеза трёх миров, предложенная К. Поппером (Popper, 1989). Действительно, существуют «мир физических объектов и состояний, мир психических и ментальных состояний сознания, а также мир объективного знания (сюда входят содержание научных гипотез, литературные произведения и другие не зависящие от субъективного восприятия объекты)» (Encyclopedia of philosophy, 2006), постольку мы обязаны учесть особенности их взаимодействия. «Мир физических объектов взаимодействует с миром психических состояний, а тот порождает мир объективного знания, который не зависит от своих создателей. Таким образом, знание, по К. Попперу, не зависит от познающего субъекта» (Encyclopedia of philosophy, 2006). Для рефлексии мысли К. Поппера нам следует учитывать то, что применение предлагаемого нами метода квантового хроноса опирается на платформу монистического идеализма в нашей оригинальной трактовке (см. в тексте ранее формулу Единства). В предложенной нами формуле Единство рассматривается как синергетическое объединение Бытия, появившегося вследствие отождествляемых между собой Сознанием и Событием при условии, что такое отождествление является причиной

Информации. Возвращаясь к продуктивной мысли К. Поппера, утверждаем, что физические объекты существуют лишь благодаря процессу схлопывания пространства в восприятии человека. Следовательно, мир схлопываемых объектов в своём взаимодействии порождает психические состояния человека. Мир психических состояний, согласно К. Попперу, «порождает мир объективного знания» (Encyclopedia of philosophy, 2006). В философии К. Поппера объективное знание «независимо от своих создателей», а значит, «знание не зависит от познающего субъекта» (Encyclopedia of philosophy, 2006). Согласно мысли К. Поппера, познающий субъект имеет сознание как функцию мозга. В нашей монистически идеалистической трактовке взаимодействие трёх миров К. Поппера не может происходить «по воле» функции мозга, поскольку существует первичность Сознания не человеческого, а Всеобщего, Сознания как составляющей части Единства. В таком случае возникает вопрос о том, в какой степени идея трёх миров К. Поппера является продуктивной для объяснения сути нашего метода квантового хроноса для анализа дистанцированной коммуникации в пространственно-временном континууме. Ответ очевиден, на наш взгляд, и состоит в двух следующих особенностях:

– мы признаём существование трёх миров К. Поппера, но рассматриваем их взаимодействие не как результат сознания человека, а как продукт функции Единства, включающего в себя Сознание;

– при этом мы поддерживаем налёт агностицизма К. Поппера в том, что «знание не зависит от познающего субъекта» (Encyclopedia of philosophy, 2006), хотя считаем, что мир всё же познаваем как состояние Единства всего и вся в мире.

Весьма специфический методологический путь анализа процессов коммуникации предложили М. Кастельс и его соавторы (Castells, 2001; Castells & Himanen, 2002; Castells, 2004; Castells & Cardoso, 2006; Castells, Fernandez-Ardevol, Linchuan Qiu & Sey, 2007). Далее перечислим лишь некоторые их методологические материалистические тезисы, выступающие стимулами для критического анализа и обращения на основании такой критики к методологии монистического идеализма.

Исследователи остановили своё внимание на констатации нового уровня коммуникации в эпоху перехода цивилизации от индустриального общества к информационному и определили такой переход как «рост сетевого общества» Castells & Himanen, 2002. Естественно, названный подход предопределяет иной путь к анализу коммуникации. Сетевая коммуникация может рассматриваться, по нашему мнению, в качестве отдалённой как в пространстве, так и во времени. Следовательно, и методы к такому анализу должны быть валидными (теми, которые соответствуют поставленной цели анализа и направлены на изменение именно того, что должно измерять как инструмент).

Следующая мысль М. Кастельса и его соавторов может быть применена нами в качестве методологической базы. Речь идёт об утверждении того, что «огромное количество наших способностей принимать решения обрамлено нашими чувствами и эмоциональными реакциями на информацию» (Castells, 2009). Следует согласиться с автором в том, что субъективизм каждого реципиента, представляющего аудиторию, может серьёзно исказить информацию вплоть до контаминационной и контрарной рефлексии, или рефлексии с противоположными, иногда ложными значениями по отношению к смыслам, предложенным продуцентом. Возможно, именно по этой причине материалистическая методология анализа отдалённой коммуникации не всегда отвечает объективной оценке процессов и явлений, совершающихся в ходе обмена информацией.

По мнению Sytaffel, М. Кастельс «одной из особенностей современного общества» считал «способность к изменению статуса отношений между СМИ и властью», выражающуюся в том, что «массовое общение обеспечивается архитектурой Интернета, распределённой в сети сверстников, общающихся друг с другом» (Sytaffel, 2010). Такая сеть порождает новый способ коммуникации, который «существенно отличается от

иерархической структуры средств массовой информации» (Castells, 2009). Считаем продуктивной цитированную мысль М. Кастельса по отношению к анализу материалистических методологических подходов, используемых для изучения процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума. Причина в том, что архитектура интернета однозначно исказила иерархию и архитектуру живого бюрократического общения. По своей сути коммуникация в сети является дистанцированной. Её изучение никак не раскрывается методами, предлагаемыми материалистами. М. Кастельс, как материалист, не мог предложить новый метод, который бы не опирался на постулаты причинно-следственных отношений. Вместе с тем, как мы считаем, М. Кастельс предопределяет своей констатацией изменения архитектуры интернета ситуацию, которая «диктует» необходимость анализа с позиций, отличающихся от материалистических догм.

Характеризуя коммуникацию как «обмен смыслом посредством обмена информацией» (Castells, 2009), М. Кастельс отмечает, что «значение может быть понято только в контексте социальных отношений, в которых обрабатываются значение и информация» (Castells, 2009). Принимаем тезис автора как возможную методологическую установку на анализ дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума, что даёт нам право на критическую рефлексию. Если принять за основу цитируемый тезис М. Кастельса, следует согласиться с тем, что значение информации, которая циркулирует в сети интернета, может быть декодировано лишь при наличии определённых условий, к которым, согласно автору, следует относить «контекст социальных отношений» (Castells, 2009). Уместно здесь вспомнить о продуктивной для материалистов мысли М. Фуко (Foucault, 1966) о методологическом смысле и значении эпистемы как системы знаний определённой исторической эпохи. Действительно, для материалистов следует считать определяющим фактор наличия/отсутствия эпистемы для адекватного декодирования смыслов информации, циркулирующей в коммуникации. Без знания специфики эпистемы сообщение может быть неверно интерпретировано, следовательно, может стать неправильной ориентацией в реагировании на её смыслы. Если речь идёт об анализе дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума, следует обратиться к методам монистического идеализма. Последний предполагает свободное декодирование эпистемных смыслов, так как само понятие эпистемы сведено к минимальному значению. Упомянутая минимизация объясняется действием принципа квантовой суперпозиции, при которой каждый атом не имеет постоянного места локализации. Оно потенциально возможно для фиксации со стороны Наблюдателя. Переноса свойства и закономерности микромира на объекты макромира, мы утверждаем, что эпистема реципиента всегда и везде типична и унифицирована. Другими словами, система знаний любой исторической эпохи вне зависимости от конкретной исторической эпохи и места положения объекта анализа в пространстве будет сохранять подобные универсальные признаки, среди которых, например, высокий и низкий уровень применения актуальных знаний, возможность/невозможность получения/пополнения/потери и применения/неприменения цивилизационных знаний, постоянное обновление знаний и их прогресс, высокий риск потери системы знаний в связи с техногенными катастрофами или физическим прекращением существования носителей знаний (вне зависимости от того, человек или искусственный интеллект является их носителем/хранителем).

В исследовании процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума в качестве методологического следует рассмотреть положение, высказанное М. Кастельсом в работе «Коммуникация власти». Автор считает, что «общение происходит путём активизации умов для обмена смыслами» (Castells, 2009), что позволяет рассматривать как коммуникацию в настоящем времени, так и дистанционную коммуникацию средством активизации мыслительной деятельности людей. Речь не идёт об

активизации конкретных смыслов, а лишь об активизации как процессе, стимулирующем понимание общих смыслов. В таком случае для декодирования смыслов дистанционной коммуникации достаточна лишь такая активизация. По сути, как реципиенты имеют внеэпистемные типичные характеристики, так и любая информация имеет типичные признаки. По этой причине анализ процессов дистанцированной коммуникации в пространственно-временном континууме может опираться на принятие реципиентами лишь активированных, хотя и не точных смыслов.

Продуктивной, на наш взгляд, следует считать также мысль М. Кастельса о том, что «ум не сводится к мозгу» (Sytaffel, 2010) и что «ум – это процесс, а не орган. Это материальный процесс, который происходит в мозгу во взаимодействии с самим телом» (Castells, 2009). Необходимо признать, что высказывание М. Кастельса имеет двоякий смысл, поскольку, с одной стороны, оно близко к идеалистическому видению предмета анализа («ум – это процесс, а не орган»), а с другой стороны, слова исследователя убеждают нас в его приверженности материализму («Это материальный процесс, который происходит в мозгу во взаимодействии с самим телом»). Двоякий смысл высказывания М. Кастельса наталкивает нас на мысль о том, что исследователь или дуалистичен, или непоследовательно материалистичен в своих рассуждениях. В любом случае высказанный смысл позволяет нам обращаться к целесообразности цитирования слов М. Кастельса как к аргументу в защиту возможности использования в нашем исследовании.

Последующая мысль, предложенная М. Кастельсом, а именно – «сила, как и вся реальность, построена в нейронных сетях нашего мозга» (Castells, 2009), вполне соответствует представлениям о мире, высказываемым сегодня приверженцами монистического идеализма и квантовой механики. Исследователи упомянутого концептуального видения мира также считают, что мир не реален, а лишь создан в нашем сознании. Близкие соображения были высказаны ранее в идее голографической Вселенной М. Талбота (Талбот, 1980) и голографическом принципе памяти, что описан К. Прибрамом в 1975 году (Прибрам, 1975). Опираясь на упрощённое, редукционистское трактование М. Кастельсом процесса мышления и работы мозга человека, мы можем утверждать наличие уклона социолога в сторону идеалистического объяснения коммуникационных процессов. Упомянутый уклон утверждает нас в объективности предпринятого идеалистического подхода к возможности применения для анализа дистанцированной коммуникации в пространственно-временном континууме.

Совершая обоснование применения метода квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, считаем целесообразным обратить внимание на смыслы, заложенные в предлагаемом нами квантовом понимании природы Единства мира. Функциональность упомянутого метода иллюстрируется нашим стремлением продемонстрировать его идеалистический потенциал как такой, который наиболее полно может объяснить необходимость «перепрограммирования коммуникационных сетей с точки зрения их культурных кодов и с точки зрения их скрытых социальных и политических ценностей и интересов, которые они передают» (Sytaffel, 2010). Возникает лишь нериторический вопрос о том, кто и с какой степенью объективности (если о таковой уместно рассуждать при обращении к монистическому идеализму) может произвести упомянутое «перепрограммирование». Поскольку «коммуникационные сети» сегодня «составляют символическую среду для манипулирования изображениями и обработки информации в наших умах» (Sytaffel, 2010), постольку «создание нового контента и новых форм в сетях» (Sytaffel, 2010), к тому же они «соединяют умы и их коммуникативную среду, равносильно переосмыслению наших умов» (Sytaffel, 2010). Поддерживая мнение автора, выскажем мысль, относящуюся к введению в научный обиход метода квантового хроноса: трансформация коммуникативной среды, коммуникационных сетей, коммуникаторов и

коммуникантов должна рассматриваться лишь на уровне изменения квантовых свойств макромира. К таким мы относим следующие:

- информация существует вне поля коммуникации, потому что она является актом взаимодействия Сознания и События;
- коммуникацию следует рассматривать не как простой обмен информацией, а как такой квант, который всецело зависит от степени и эффективности взаимодействия между Сознанием и Событием;
- следовательно, трансформации подлежат не коммуникационные сети, а процесс взаимодействия Сознания и События.

Изложенный анализ особенностей материалистических методов и методов монистического идеализма, а также принципов и понятий квантовой механики и идеалистической концепции Единства, предлагаемой нами, позволил составить рабочую табл. 1 (см. далее).

Анализ показателей и критериев, отражённых в табл. 1, позволяет констатировать факт преобладания идеалистического метода квантового хроноса (1,0) над потенциальным ресурсом материалистических методов (0,6), к числу которых мы относим, например, исторический, или хронологический метод; системный метод, лингвистический и этнолингвистический, психо- и социолингвистический, лингвокультурологический анализ. Учитывая данные табл. 1 и исходя из кратко анализированных нами и упомянутых идей М. Маклюэна (Маклюэн, 1965), М. Кастельса (Кастельс, 2010), М. Талбота (Талбот, 2009), К. Прибрама (1975), К. Поппера (Popper, 1989), Блада (Блад, 1993); А. Госвами (Госвами, 2013), приходим к необходимости констатации нескольких особенностей.

Тексты прошедших эпох, удалённые от исследователя во времени и пространстве, следует называть текстами дистанцированной коммуникации.

Материалистические методы анализа процессов дистанцированной коммуникации (например, исторический, или хронологический метод; системный метод, лингвистический и этнолингвистический, психо- и социолингвистический анализ) недостаточны для производства валидного анализа восприятия таких текстов.

Таблица 1.

Сравнительная таблица специфических особенностей отдельных материалистических методов и метода квантового хроноса, имеющих потенциал для анализа процессов дистанцированной коммуникации в пространственно-временном континууме.

№ п\п	Критерии анализа	Материалистические методы (например, исторический, или хронологический метод; системный метод, лингвистический и этнолингвистический, психо- и	Метод монистического идеализма (метод квантового хроноса)

		социалингвистический, лингвокультурологический анализ)	
1	Возможность сравнения процессов дистанцированной коммуникации (ПДК), созданных авторами, жившими в разных эпистемах.	+	+
2	Определение причинно-следственной детерминации доминирования одной из категорий в диаде «Сознания – Материя» как базовой в процессе формирования смыслов ПДК во временно-пространственном континууме.	+	+
3	Возможность привлечения реципиентов разных исторических эпох для измерения влияния на них ПДК.	–	+
4	Возможность измерения качества восприятия ПДК аудиторией, имеющей типичные антропоморфные и ментальные характеристики той исторической эпохи, в которой ПДК были созданы.	–	+
5	Сравнение этно-, социо- и психолингвистических характеристик ПДК, созданных в пределах разных эпистем.	+	+
6	Определение влияния на авторов ПДК социокультурных, геополитических и пространственно-временных факторов.	+	+
7	Измерение декларированного авторами разноэпистемных ПДК уровня лояльности к политическому режиму.	–	+
8	Измерение влияния коэффициента использования архаизмов и историзмов, семиотика которых стёрта в менталитете аудитории, на восприятие реципиентов разноэпистемных ПДК.	–	+
9	Определение динамики одновременного восприятия ПДК, с одной стороны, в измеряемой исследователем плоскости (пространственно-временном континууме) и, с другой стороны, динамикой восприятия того же ПДК в другой эпистеме (системе знаний исторической эпохи) одним и тем же реципиентом, находящимся в квантовой суперпозиции.	–	+
10	Измерение степени погрешности зафиксированных исследователем показаний восприятия (порождения) ПДК, согласно квантовому принципу дополнительности	–	+

	(«Любое наблюдение микрообъектов невозможно без учёта влияния приборов и измерительных средств» [Концепции современного естествознания, 2019]).		
	Итого	6/60%	10/100%
	Коэффициент САЧ (среднее арифметическое число)	0,6	1,0

Для адекватного анализа процессов дистанцированной коммуникации валидным может быть метод квантового хроноса, который опирается на две базовые идеи: 1) формулу Единства, описанную нами ранее и 2) основные постулаты квантовой механики (*принцип неопределённости В. Гейзенберга, принцип дополнительности Н. Бора* и понятие *суперпозиции*).

Выводы

В начале исследования мы определили своей целью описание метода квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, его обоснование и доказательство целесообразности. Поставленная цель была успешно достигнута.

Кроме упомянутого, было установлено, что потенциальные ресурсы материалистических методов (например, исторического, или хронологического метода; системного метода, лингвистического и этнолингвистического, психо- и социолингвистического анализа, дискурсивного анализа) недостаточны для производства анализа процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума. В отличие от упомянутых материалистических методов, поставленную исследовательскую задачу «способен» выполнить предлагаемый нами метод квантового хроноса, опирающийся на триединую платформу, состоящую из:

- идей монистического идеализма;
- принципов и понятий квантовой механики;
- предложенной нами формулы Единства.

Перспективой дальнейших исследований считаем детальную верификацию функциональности описанного нами метода квантового хроноса в ходе изучения журналистских текстов, возраст которых исчисляется более чем 75 годами от дня их создания.

Благодарности

Благодарим за ценные установки и идейное вдохновение, простую человеческую помощь и поддержку нашего друга, учителя и коллегу, почётного академика Национальной Академии педагогических наук Украины, профессора, доктора юридических наук, кандидата педагогических наук Василия КРУТОВА. Неоценимую помощь в создании корпуса идей, лёгших в основу настоящей статьи, мы обрели в плодотворных честных дискуссиях с соредактором научного индексируемого журнала «Социальные коммуникации: теория и практика», кандидатом фиологических наук, профессором кафедры рекламы и связей с общественностью Анной ХОЛОД.

Литература

- Adair, G. (1984). The Hawthorne effect: A reconsideration of the methodological artifact. *Journal of Appl. Psychology*. 69 (2), 334–345.
- Albrecht, G. (1961). Early Kings of Kish. *Journal of Cuneiform Studies*, 15, 3, 105–111.
- Anderson, Mark (2009). Is Quantum Mechanics Controlling Your Thoughts? *Subatomic Particles. Discover Magazine*. Retrieved 2012-08-18.

- A new constraint on the mass of "graviton" (2019). Дата обращения 05.04.2020
<https://www.obspm.fr/une-nouvelle-contrainte-sur.html?lang=en>
- Berkeley, G. (1948–1957). *The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne*. A.A. Luce and T.E. Jessop (eds.). London: Thomas Nelson and Sons. 9 vols. Three Dialogues between Hylas and Philonous Works 2:163–263.
- Berkeley, G. (1948–1957). *The Works of George Berkeley, Bishop of Works Cloyne*. A.A. Luce and T.E. Jessop (eds.). London: Thomas Nelson and Sons. 9 vols. Of the Principles of Human Knowledge: Part 1 Works 2:41–113.
- Bian Que (2020). URL https://en.wikipedia.org/wiki/Bian_Que
- Bleicher, Steven (2012). *Contemporary Colour: Theory & Use*. New York: Delmar. pp. 48, 50. ISBN 978-1-1335-7997-7.
- Blood, C. (1993). On the Relation of the Mathematics of Quantum Mechanics to the Perceived Physical Universe and Free Will. Preprint, Camden, N.J.: Rutgers University.
- Bohr, N. (1927/1928). The quantum postulate and the recent development of atomic theory, *Nature Supplement* 14 April 1928, 121: 580–590.
- Bohr, N. (1928). The quantum postulate and the new development of atomics. *Nature*. 121, p. 580.
- Book based on ancient medical bamboo slips to be published (2020). Xinhua. 2019-12-12 16:03:59. URL http://www.xinhuanet.com/english/2019-12/12/c_138625839.htm
- Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Castells, M. & Himanen, P. (2002). *The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Castells, M. (Ed.) (2004). *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Northampton, MA: Edward Elgar.
- Castells, M. & Cardoso, G. (Eds.) (2006). *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations.
- Castells, M., Fernandez-Ardevol, M., Linchuan Qiu, J., & Sey, A. (2007). *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Castells, M. (2009). *Communication Power*. New York, Oxford University Press.
- Cohen-Tannoudji, C., Diu, B., Laloë, F. (1973/1977). *Quantum Mechanics*, translated from the French by S. R. Hemley, N. Ostrowsky, D. Ostrowsky, second edition, volume 1, Wiley, New York, ISBN 0471164321.
- Constraining the Mass of the Graviton with the Planetary Ephemeris INPOP (2019). L. Bernus, O. Minazzoli, A. Fienga, M. Gastineau, J. Laskar, and P. Deram. *Phys. Rev. Lett.* 123, 161103. – Published 18 October 2019.
- Davies, Philip R., George J. Brooke, and Phillip R. Callaway (2002). *The Complete World of the Dead Sea Scrolls*, London: Thames & Hudson. ISBN 0-500-05111-9
- De-Looijer, G. A. M. (2013). *The Qumran paradigm: A critical evaluation of some foundational hypotheses in the construction of the Qumran Sect* (Doctoral). PhD Thesis, Durham University. 1–13.
- Dirac, P. A. M. (1930/1958). *The Principles of Quantum Mechanics*, 4th edition, Oxford University Press).
- Dirac, P. A. M. (1942). Bakerian Lecture. The Physical Interpretation of Quantum Mechanics. *Proc. R. Soc. Lond. A. T.* 180. 1–40.
- Ebeling, F. (2007). *The Secret History of Hermes Trismegistus: Hermeticism from Ancient to Modern Times*. Cornell University Press, 2007. 46–47, 96.
- Eimer, Helmut (1992). *Ein Jahrzehnt Studien Zur Überlieferung Des Tibetischen Kanjur*. Wien: Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien, Universität Wien.

- Einstein, A. (1905). Über einen die Erzeugung und Verwandlung des Lichtes betreffenden heuristischen Gesichtspunkt (PDF). *Annalen der Physik* (in German). 17 (6): 132–148. doi:10.1002/andp.19053220607
- Elliot, Andrew (2014). Color Psychology: Effects of Perceiving Color on Psychological Functioning in Humans. *Annual Review of Psychology*. 65: 95–120. doi:10.1146/annurev-psych-010213-115035. PMID 23808916.
- Encyclopedia of philosophy (2006). Ed. Donald M. Borchert. New York: Thomson Gale, 2006. 6200.
- Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics. *Rev. Mod. Phys.* 1957; 29:454–462 <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.29.454>
- Folger, T. (2005). If an Electron Can Be in 2 Places at Once, Way Cant You? *Discover*. Vol. 25 No. 6. June. 33–35.
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses : une archéologie des sciences humaines*, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque des sciences humaines», 1966, 405.
- Gilbert, J. Garraghan A. (1946). *Guide to Historical Method*. Fordham University Press: New York. 168.
- Goodrick-Clarke, Nicholas (2008). *The Western Esoteric Traditions : A Historical Introduction*. Oxford University Press. 34.
- Hallo, W. (1963). Beginning and End of the Sumerian King List in the Nippur Recension, *Journal of Cuneiform Studies*, 17, 2, 52–57.
- Hameroff, S., Penrose, R. (2014). Consciousness in the universe: A review of the Orch OR theory. *Physics of Life Reviews*. 11 (1): 51–53.
- Haynes, E. (2016). A Case for Monistic Idealism: Connecting Idealistic Thoughts from Leibniz to Kant with support in Quantum Physics. *Philosophy 690*: Thesis Defense Liberty University Graduate School, Friday, May 6.
- Heisenberg, W. (1927). Ueber die Grundprincipien der «Quantenmechanik». *Forschungen und Fortschritte*, 3: 83.
- Heisenberg, W., (1927). Ueber den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik and Mechanik, *Zeitschrift für Physik*, 43: 172–198. English translation in Wheeler and Zurek 1983: 62–84.
- History Dreaming by the book: Freuds the Interpretation of Dreams and the History of the Psychoanalytic Movement* (2003). By Lydia Marinelli and Andreas Mayer; translated by Susan Fairfield. New York: Other Press. 264.
- Holloway, A. (2014). Ten incredible texts from our ancient past. Ancient Origins. 31 August, 13:29. Дата обращения 20.03.2020 <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology-ancient-places/ten-incredible-texts-our-ancient-past-002026>
- Imaeda, Yoshirō (2008). *The Provenance and Character of the Dunhuang Documents*. *Memoirs of the Toyo Bunko* 66: 81–102.
- Jacobsen, Th. (1939). The Sumerian King List. Oriental Institute, *Assyriological Studies*, 11, University of Chicago Press.
- Jean-Jacques, G. (2005). *Mesopotamian Chronicles*, Brill. ISBN 90-04-13084-5
- Kaufmann, S.; Condoravdi, C. & Harizanov, V. (2006) Formal approaches to modality. Formal approaches to modality. In: Frawley, W. (Ed.). *The Expression of Modality*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter
- Kauppinen-Räsänen, Hannele; Jauffret, Marie-Nathalie (2018-01-08). Using colour semiotics to explore colour meanings. *Qualitative Market Research*. 21 (1): 101–117. doi:10.1108/QMR-03-2016-0033. ISSN 1352-2752
- Kosaka, W. (2019). *The Takeouchi Documents I*. Published by Tokuma Shoten. Prima edizione edition. 272.

- Kosaka, W. (2017). *The Takeouchi Documents II*. Published by Tokuma Shoten. Prima edizione edition. 292.
- Kosaka, W. (2018a). *The Takeouchi Documents III – Exploring Ancient America*. Published by Tokuma Shoten. First Edition edition. 226.
- Kosaka, W., Miwa, M. (2018). *The Takeuchi Documents IV*. Kindle Edition. 230.
- Kratzer, A. (1991). Modality. In: von Stechow, A. & Wunderlich, D. (Eds.) *Semantics: An International Handbook of Contemporary Research*. Berlin: Walter de Gruyter.
- La Loi de Hammourabi* (vers 2000 av. J.-C.), par V. Scheil (1904). Paris : E. Leroux , 1904.
- Langdon, S. (1923). The Weld-Blundell Collection, II. *Historical Inscriptions, Containing Principally the Chronological Prism*, W-B. 444. [PDF] Oxford University Press. Available at: <http://etana.org/sites/default/files/coretexts/20340.pdf> [Accessed 21.03.2020].
- Leibnizs Monadology: A New Translation And Guide* (2014). 1st Edition by Lloyd Strickland. Edinburgh University Press. 304.
- Linguistic modality (2020). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Linguistic_modality
- Logan R. (2010). *McLuhans Methodology: There Was Method in His Madness Understanding New Meia*. Peter Lang. January 2010. https://www.researchgate.net/publication/267040900_McLuhans_Methodology_There_Was_Method_in_His_Madness
- Louis Gottschalk (1950). *Understanding History: A primer of Historical Method*, Alfred A. Knopf: New York.
- McLuhan, M. (1975). McLuhans laws of the media. *Technology and Culture*, January: 74–78.
- McLuhan M., McLuhan E. (1988). *Laws of Media: The New Science*. Toronto: University of Toronto, 1988.
- McLuhan, G. M. (1994). *Understanding Media*. N.Y.
- Masahiro Shibasaki, Nobuo Masataka (2014). The color red distorts time perception for men, but not for women. *Scientific Reports* 4, Article number: 5899 doi:10.1038/srep05899
- Michalowski, P. (1983). History as Charter Some Observations on the Sumerian King List, *Journal of the American Oriental Society*, 103, 1, 237–248.
- Micunovic I. (2019). Bian Que, the legendary doctor of TCM. Supernatural ability against superstitious. *Wall Street International*. 24 July. URL: <https://wsimag.com/science-and-technology/56123-bian-que-the-legendary-doctor-of-tcm>
- Mohanty, J. (1989). Idealism and quantum mechanics. *History of Philosophy*. Quarter 6, no. 4.381.
- Monistic idealism (2020). In The Merriam-Webster.com Dictionary. Retrieved January 13, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/monistic%20idealism>
- Newton, I. (2010). Keynes MS. 28. *The Chymistry of Isaac Newton*. Ed. William R. Newman. June.
- Park, K., Daston, L. (2006). The Cambridge History of Science: Volume 3, *Early Modern Science*. Cambridge University Press. 502.
- Peirce, Ch. (1897). Fallibilism, Continuity, and Evolution, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, 1.141–75 (Eprint), (1899, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* , 1.135–40).
- Penrose, R. (1996). On Gravitys Role in Quantum State Reduction. (PDF). *General Relativity and Gravitation*. 28 (5): 581–600.
- Penrose, R. (1998). Quantum computation, entanglement and state reduction. *Phil. Trans. R. Soc. Lond. A*. 356 (1743): 1927–1939.
- Penrose, R. (1999). *The Emperors New Mind* (New Preface (1999) ed.), Oxford, England: Oxford University Press. 475–481.
- Penrose, R. (2007). *Road to Reality*, Vintage Books. 856–860.
- Penrose, R. (2014). On the Gravitization of Quantum Mechanics 1: Quantum State Reduction. *Foundations of Physics*. 44 (5): 557–575.

- Planck M. (2006). Die physikalische Struktur des Phasenraumes. *Annalen der Physik*. 355(12):385–418.
- Ponampon, Phra Kiattisak (2019). *Dunhuang Manuscript S.2585: a Textual and Interdisciplinary Study on Early Medieval Chinese Buddhist Meditative Techniques and Visionary Experiences*. Cambridge: University of Cambridge. p. 14. Retrieved 25 February 2019.
- Popper, Karl (1989). Zwei Bedeutungen von Falsifizierbarkeit [Two meanings of falsifiability]. In Seiffert, H.; Radnitzky, G. (eds.). *Handlexikon der Wissenschaftstheorie* [Dictionary of epistemology] (in German) (1992 ed.). München: Deutscher Taschenbuch Verlag. ISBN 3-423-04586-8.
- Portner, P. (2009). *Modality*. Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0-19-929242-4.
- Quantum mechanics boosts photosynthesis. URL: physicsworld.com. Retrieved 2010-10-23.
- Ressam Alper Savkin black & white art studio (2020) Дата обращение 05.04.2020 <https://www.facebook.com/pg/Ressam-Alper-Savkin-black-white-art-studio-1526019554317175/posts/>
- Rong Xinjiang (1999). The Nature of the Dunhuang Library Cave and the Reasons for its Sealing. *Cahiers d'Extrême-Asie*. 11: 247–275. doi:10.3406/asia.1999.1155.
- Schrödinger E. (1928). *Vier Vorlesungen über Wellenmechanik*. Berlin; а также: Шрөдингер Э. (1936). *Четыре лекции по квантовой механике*. Харьков–Киев.
- Schwartz, J. M., Stapp, H. P. and Beauregard M. (2005). Quantum physics in neuroscience and psychology: a neurophysical model of mind–brain interaction. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. 2005 Jun 29; 360(1458): 1309–1327. doi: 10.1098/rstb.2004.1598
- Sheldon Goldstein (1997). Quantum Theory Without Observers. URL: <https://sites.math.rutgers.edu/~oldstein/papers/qts/qts.html>
- Stapp, H. (1977). Are Superluminal Connections Necessary? *Nuovo Cimento*, 40B. 191.
- Stegemann, H. (1992). The Qumran Essenes: Local Members of the Main Jewish Union in Late Second Temple Times. 83–166 in *The Madrid Qumran Congress: Proceedings of the International Congress on the Dead Sea Scrolls*, Madrid, 18–21 March 1991, Edited by J. Treballe Barrera and L. Vegas Mountainer. Vol. 11 of Studies on the Texts of the Desert of Judah. Leiden: Brill.
- Stratos, A., 2013. Egypt: Perchance to Dream: Dreams and Their Meaning in Ancient Egypt. [Online]. Available at: <http://www.touregypt.net/featurestories/dream.htm> [Accessed 29 April 2014].
- Syttaffel (2010). Manuel Castells – Communication Power. May 31. URL: <https://mediaecologies.wordpress.com/2010/05/31/manuel-castells-communication-power/>
- Szpakowska, K. (Ed.) (2020). Demon Things: Ancient Egyptian manifestations of liminal entities. Tucson: *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 25.
- Weizmann Institute Of Science. (1998, February 27). Quantum Theory Demonstrated: Observation Affects Reality. ScienceDaily. Retrieved December 28, 2019. V. 391. p. 871–874 from www.sciencedaily.com/releases/1998/02/980227055013.htm
- What Is the Observer Effect in Psychology? (2019). URL: <https://www.reference.com/world-view/observer-effect-psychology-94f62bc06ef7151b>
- Young, D. (1991). The Incredible Regnal Spans of Kish I in the Sumerian King List, *Journal of Near Eastern Studies*, 50, 1, 23–35.
- 成都扁鹊学派医书遭质疑 专家：“敝昔”“通假”扁鹊”，(2013). [Эксперт по медицинским книгам из медицинской школы Чэнду: «Прошлое» прошло]. 参与互动 [Тайюань Ежедневно]. 2013年12月27日 15:39 [27 декабря 2013 15:39]. Дата обращения 03.03.2020 <http://www.chinanews.com/cul/2013/12-27/5672922.shtml>

- Абушенко В. Л. (2020). Экстраполяция. *Гуманитарная энциклопедия: Концепты*. Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). Дата обращения 09.04.2020 <https://gtmarket.ru/concepts/6997>
- Базыма, Б. А. (2001). *Цвет и психика*: монография. Харьков. 172.
- Базыма, Б. А. (2005). *Психология цвета: Теория и практика*. Санкт-Петербург: Речь. 110.
- Бразман, М.Э., Дорофеева, Э.Т., Щербатов, В.А. (1967). О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности. *Проблемы и практика моделирования психической деятельности*. Новосибирск. 171–174.
- Бройль, Л. де (1986). *Соотношения неопределённости Гейзенберга и вероятностная интерпретация волновой механики* (С критическими замечаниями автора). Москва : Мир.
- Волков, И. М. (1910). Кодекс Гаммураби. I. Открытие кодекса. *Журнал Министерства народного просвещения*. Февраль. 301–316.
- Волков, И. М. (1912). Кодекс Гаммураби. II. Гаммураби и его царствование. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. Сентябрь. 65–77.
- Гинзбург, В. Л. (2007). «Физический минимум» – какие проблемы физики и астрофизики представляются особенно важными и интересными в начале XXI века? *Успехи физических наук*. №4. 346.
- Горюнков, С. В. (2010). Историзм: кризис понятия и пути его преодоления. Знание. Понимание. Умение [Электронный журнал]. №4. *Культурология*. Дата обращения 01.02.2020 <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov/>
- Госвами, А. (2008). *Самосознающая вселенная. Как сознание создает материальный мир*. Гл. 4. Философия монистического идеализма. Москва: Открытый мир; Ганга, 2008. 429.
- Госвами, А. (2013). *Физика души. Квантовая книга жизни, умирания, перевоплощения и бессмертия*. Москва: Постум. 352.
- Госвами, А. (2020). *Самосознающая вселенная. Как сознание создает материальный мир*. Гл. 4. Философия монистического идеализма. Дата обращения 29 января http://www.samomudr.ru/d/Gosvami%20Amit%20%20_Samosoznajushaja%20vsennaja.pdf
- Готтсданкер, Р. (1982). *Основы психологического эксперимента*. Москва : МГУ, 1982. 464 с.
- Дашков, И. М., Устинович, Е. А. (1980). Экспериментальные исследования валидности шкалы субъективного предпочтения цвета (тест Люшера). *Проблемы моделирования. Диагностика психических состояний в норме и патологии*. Ленинград. 115–126.
- Исторический материализм (2002). *Новейший философский словарь*. Под ред. А. А. Грицанова. Минск. 450.
- Кант, И. (2007). *Критика чистого разума*. Пер. с нем.; предисл. И. Евлампиева. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард. 1120.
- Концепции современного естествознания. Физические концепции естествознания. *Основные принципы квантовой механики*. Дата обращения 24.01.2020 http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_7/5/5_R1_T4.html
- Капра, Ф. (2008). *Дао физики: Общие корни современной физики и восточного мистицизма*. Пер. с англ. Москва: ООО Издательство «София». 416 с.
- Климишин, И. А. (1990). *Календарь и хронология*. Москва : Наука, 1990. 288–289.
- Крутов, В. В. (2014). *Возвращение к себе. Основы развития сознания и управления мышлением*. Киев: Генеза. 400.
- Крутов, В. В. (2019). Психолінгвістичний потенціал нейрогенезу (обґрунтування застосування психолінгвістичних методик для самовдосконалення механізмів Свідомості людини з використанням ідеї нейрогенезу). *Психолінгвістика*. Вип. 25(1). 165–193. doi.org/10.31470/2309-1797-2019-25-1-165-193.

- Кузнецова, Т. Ф. (2008). Историзм и тезаурусный анализ культуры. Знание. Понимание. Умение [Электронный журнал]. №9. *Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры*. Дата обращения 01.02.2020 <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Kuznetsova/>
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. *Введение в изучение истории*. Пер. с фр. А. Серебряковой; Гос. публ. ист. б-ка России. 2-е изд. Под ред. и со вступ. ст. Ю. И. Семенова. Москва, 2004. 305.
- Латыпов И. (2015). Экзистенциальный Наблюдатель. *Livejournal*. Сентябрь 21, 2015, 10:53
Дата обращения 05.04.2020 <https://tumbalele.livejournal.com/102369.html>
- Люшер, М. (1996). *Цвет вашего характера*. Москва: Вече–Персей–АСТ. 394.
- Маклюэн, М. (2007). *Понимание Медиа: внешние расширения человека*. Москва : Гиперборей; Кучково поле. 464.
- Малашенко, Ю. Н. (2008). Диалектико-материалистическая трактовка понятий причинности и вероятности в квантовой механике. *Новые идеи в философии*. Пермь. Вып. 17 (2). 53–62.
- Менский, М. Б. (2007). Квантовые измерения, феномен жизни и времени : связи между «тремя великими проблемами» (по терминологии Гинзбурга). *Успехи физических наук*. № 4. 415–425.
- Нахмансон, Р. С. (2001). Физическая интерпретация квантовой механики. *Успехи физических наук*. Т. 171, № 4. 441–444.
- Новиков, А. М., Новиков Д. А. (2007). *Методология*. Москва: СИНТЕГ. 668.
- Обухов, Я. Л. (1996). Образ-рисунок-символ. *Журнал практического психолога*. № 4. 44–54.
- Павлова, Е. Д. (2007). Идеалистический монизм как методологический принцип исследования сознания. *Актуальные проблемы современной науки*. Дата обращения 23.01.2020 <http://naukarus.com/idealisticheskiy-monizm-kak-metodologicheskij-printsip-issledovaniya-soznaniya>
- Пенроуз, Р. (2004). *Большое, малое и человеческий разум* : пер. с англ. Москва : Мир. 191.
- Плишко, Н. К. (1980). О некоторых особенностях выбора цветов и сенсомоторных реакциях на световые стимулы различной модальности при изменении эмоционального состояния. *Диагностика психического состояния в норме и патологии*. Ленинград. 135–140.
- Прибрам, К. (1975). *Языки мозга*. Москва: Прогресс, 463.
- Рузавин, П. И. (2009). Экстраполяция. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Под ред. Касавина И. Т. Москва: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 1248.
- Румянцева, А. Н. (1986). Экспериментальная проверка методики исследования индивидуального предпочтения цвета. *Вестник МГУ*. Москва. Серия 14. Психология. N 1. 67–69.
- Сажин, М. В. (1986). *Скорость света. Физика космоса*. Маленькая энциклопедия. Гл. ред. Р. А. Сюняев. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия. 622.
- Сорокина, Н. К. (2012). Современная квантовая механика и некоторые актуальные проблемы интеграции физики и философии. *Интеграция образования*. №4. 36–41.
- Талбот, М. (2009). *Голографическая Вселенная. Новая теория реальности*. Москва: София, 412.
- Тош, Д. (2000). *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Пер. с англ. Москва: Издательство «Весь Мир». 296.
- Тураев Б. А. (1935). *История древнего Востока*. Струве В. В. и Снегирёв И.Л. (Ред.). 2-е стереот. изд. Ленинград : Соцэкгиз, Т. 1.

- Холод, О. М. (2019). Завдання психолінгвістичної методології досліджень і квантовий підхід. *Психолінгвістика*. Вип. 25(2). 338–370. doi: 10.31470/2309-1797-2019-25-2-338-370.
- Цветная символика (1907–1909). *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* : в 4 т. Санкт-Петербург.
- Шварц, Л. А. (1948). Изменения цветоощущения в эмоциональных состояниях. *Проблемы физиологической оптики*. Москва. Т. 6. 314–320.
- Эйнштейн, А. (1965). *Основы общей теории относительности*. Собр. науч. труд. в 4 томах. Москва: Наука, 1965. Т. 1. 457–460.
- Эффект Пигмалиона [Электронный ресурс] (2020). *Управление персоналом: Словарь-справочник*. Дата обращения 01.02.2020 <https://psyfactor.org/personal/personal25-03.htm>

Reference

- Adair, G. (1984). The Hawthorne effect: A reconsideration of the methodological artifact. *Journal of Appl. Psychology*. 69 (2), 334–345.
- Albrecht, G. (1961). Early Kings of Kish. *Journal of Cuneiform Studies*, 15, 3, 105–111.
- Anderson, Mark (2009). Is Quantum Mechanics Controlling Your Thoughts? *Subatomic Particles. Discover Magazine*. Retrieved 2012-08-18.
- A new constraint on the mass of "graviton" (2019). Дата обращения 05.04.2020 <https://www.obspm.fr/une-nouvelle-contrainte-sur.html?lang=en>
- Berkeley, G. (1948–1957). *The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne*. A.A. Luce and T.E. Jessop (eds.). London: Thomas Nelson and Sons. 9 vols. Three Dialogues between Hylas and Philonous Works 2:163–263.
- Berkeley, G. (1948–1957). *The Works of George Berkeley, Bishop of Works Cloyne*. A.A. Luce and T.E. Jessop (eds.). London: Thomas Nelson and Sons. 9 vols. Of the Principles of Human Knowledge: Part 1 Works 2:41–113.
- Bian Que (2020). URL https://en.wikipedia.org/wiki/Bian_Que
- Bleicher, Steven (2012). *Contemporary Colour: Theory & Use*. New York: Delmar. pp. 48, 50. ISBN 978-1-1335-7997-7.
- Blood, C. (1993). *On the Relation of the Mathematics of Quantum Mechanics to the Perceived Physical Universe and Free Will*. Preprint, Camden, N.J.: Rutgers University.
- Bohr, N. (1927/1928). The quantum postulate and the recent development of atomic theory, *Nature Supplement* 14 April 1928, 121: 580–590.
- Bohr, N. (1928). The quantum postulate and the new development of atomics. *Nature*. 121, p. 580.
- Book based on ancient medical bamboo slips to be published (2020). Xinhua. 2019-12-12 16:03:59. URL http://www.xinhuanet.com/english/2019-12/12/c_138625839.htm
- Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Castells, M. & Himanen, P. (2002). *The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Castells, M. (Ed.) (2004). *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Northampton, MA: Edward Elgar.
- Castells, M. & Cardoso, G. (Eds.) (2006). *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations.
- Castells, M., Fernandez-Ardevol, M., Linchuan Qiu, J., & Sey, A. (2007). *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Castells, M. (2009). *Communication Power*. New York, Oxford University Press.
- Cohen-Tannoudji, C., Diu, B., Laloë, F. (1973/1977). *Quantum Mechanics*, translated from the French by S. R. Hemley, N. Ostrowsky, D. Ostrowsky, second edition, volume 1, Wiley, New York, ISBN 0471164321.

- Constraining the Mass of the Graviton with the Planetary Ephemeris INPOP (2019). L. Bernus, O. Minazzoli, A. Fienga, M. Gastineau, J. Laskar, and P. Deram. *Phys. Rev. Lett.* 123, 161103. – Published 18 October 2019.
- Davies, Philip R., George J. Brooke, and Phillip R. Callaway (2002). *The Complete World of the Dead Sea Scrolls*, London: Thames & Hudson. ISBN 0-500-05111-9
- De-Looijer, G. A. M. (2013). *The Qumran paradigm: A critical evaluation of some foundational hypotheses in the construction of the Qumran Sect* (Doctoral). PhD Thesis, Durham University. 1–13.
- Dirac, P. A. M. (1930/1958). *The Principles of Quantum Mechanics*, 4th edition, Oxford University Press).
- Dirac, P. A. M. (1942). Bakerian Lecture. The Physical Interpretation of Quantum Mechanics. *Proc. R. Soc. Lond. A. T.* 180. 1–40.
- Ebeling, F. (2007). *The Secret History of Hermes Trismegistus: Hermeticism from Ancient to Modern Times*. Cornell University Press, 2007. 46–47, 96.
- Eimer, Helmut (1992). *Ein Jahrzehnt Studien Zur Überlieferung Des Tibetischen Kanjur*. Wien: Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien, Universität Wien.
- Einstein, A. (1905). Über einen die Erzeugung und Verwandlung des Lichtes betreffenden heuristischen Gesichtspunkt (PDF). *Annalen der Physik* (in German). 17 (6): 132–148. doi:10.1002/andp.19053220607
- Elliot, Andrew (2014). Color Psychology: Effects of Perceiving Color on Psychological Functioning in Humans. *Annual Review of Psychology*. 65: 95–120. doi:10.1146/annurev-psych-010213-115035. PMID 23808916.
- Encyclopedia of philosophy* (2006). Ed. Donald M. Borchert. New York: Thomson Gale, 2006. 6200.
- Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics. *Rev. Mod. Phys.* 1957; 29:454–462 <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.29.454>
- Folger, T. (2005). If an Electron Can Be in 2 Places at Once, Way Cant You? *Discover*. Vol. 25 No. 6. June. 33–35.
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses : une archéologie des sciences humaines*, Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque des sciences humaines », 1966, 405.
- Gilbert, J. Garraghan A. (1946). *Guide to Historical Method*. Fordham University Press: New York. 168.
- Goodrick-Clarke, Nicholas (2008). *The Western Esoteric Traditions : A Historical Introduction*. Oxford University Press. 34.
- Hallo, W. (1963). Beginning and End of the Sumerian King List in the Nippur Recension, *Journal of Cuneiform Studies*, 17, 2, 52–57.
- Hameroff, S., Penrose, R. (2014). Consciousness in the universe: A review of the Orch OR theory. *Physics of Life Reviews*. 11 (1): 51–53.
- Haynes, E. (2016). A Case for Monistic Idealism: Connecting Idealistic Thoughts from Leibniz to Kant with support in Quantum Physics. *Philosophy* 690: Thesis Defense Liberty University Graduate School, Friday, May 6.
- Heisenberg, W. (1927). Ueber die Grundprincipien der «Quantenmechanik». *Forschungen und Fortschritte*, 3: 83.
- Heisenberg, W., (1927). Ueber den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik, *Zeitschrift für Physik*, 43: 172–198. English translation in Wheeler and Zurek 1983: 62–84.
- History Dreaming by the book: Freuds the Interpretation of Dreams and the History of the Psychoanalytic Movement* (2003). By Lydia Marinelli and Andreas Mayer; translated by Susan Fairfield. New York: Other Press. 264.

- Holloway, A. (2014). Ten incredible texts from our ancient past. *Ancient Origins*. 31 August, 13:29. Дата обращения 20.03.2020 <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology-ancient-places/ten-incredible-texts-our-ancient-past-002026>
- Imaeda, Yoshirō (2008). *The Provenance and Character of the Dunhuang Documents*. *Memoirs of the Toyo Bunko* 66: 81–102.
- Jacobsen, Th. (1939). *The Sumerian King List*. Oriental Institute, *Assyriological Studies*, 11, University of Chicago Press.
- Jean-Jacques, G. (2005). *Mesopotamian Chronicles*, Brill. ISBN 90-04-13084-5
- Kaufmann, S.; Condoravdi, C. & Harizanov, V. (2006) Formal approaches to modality. Formal approaches to modality. In: Frawley, W. (Ed.). *The Expression of Modality*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter
- Kauppinen-Räsänen, Hannele; Jauffret, Marie-Nathalie (2018-01-08). Using colour semiotics to explore colour meanings. *Qualitative Market Research*. 21 (1): 101–117. doi:10.1108/QMR-03-2016-0033. ISSN 1352-2752.
- Kosaka, W. (2019). *The Takeouchi Documents I*. Published by Tokuma Shoten. Prima edizione edition. 272.
- Kosaka, W. (2017). *The Takeouchi Documents II*. Published by Tokuma Shoten. Prima edizione edition. 292.
- Kosaka, W. (2018a). *The Takeouchi Documents III – Exploring Ancient America*. Published by Tokuma Shoten. First Edition edition. 226.
- Kosaka, W., Miwa, M. (2018). *The Takeouchi Documents IV*. Kindle Edition. 230.
- Kratzer, A. (1991). Modality. In: von Stechow, A. & Wunderlich, D. (Eds.) *Semantics: An International Handbook of Contemporary Research*. Berlin: Walter de Gruyter.
- La Loi de Hammourabi (vers 2000 av. J.-C.), par V. Scheil (1904). Paris : E. Leroux , 1904.
- Langdon, S. (1923). The Weld-Blundell Collection, II. *Historical Inscriptions, Containing Principally the Chronological Prism*, W-B. 444. [PDF] Oxford University Press. Available at: <http://etana.org/sites/default/files/coretexts/20340.pdf> [Accessed 21.03.2020].
- Leibniz's Monadology: A New Translation And Guide* (2014). 1st Edition by Lloyd Strickland. Edinburgh University Press. 304.
- Linguistic modality (2020). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Linguistic_modality
- Logan R. (2010). *McLuhans Methodology: There Was Method in His Madness Understanding New Meia*. Peter Lang. January 2010. https://www.researchgate.net/publication/267040900_McLuhans_Methodology_There_Was_Method_in_His_Madness
- Louis Gottschalk (1950). *Understanding History: A primer of Historical Method*, Alfred A. Knopf: New York.
- McLuhan, M. (1975). McLuhans laws of the media. *Technology and Culture*, January: 74–78.
- McLuhan M., McLuhan E. (1988). *Laws of Media: The New Science*. Toronto: University of Toronto, 1988.
- McLuhan, G. M. (1994). *Understanding Media*. N.Y.
- Masahiro Shibasaki, Nobuo Masataka (2014). The color red distorts time perception for men, but not for women. *Scientific Reports* 4, Article number: 5899 doi:10.1038/srep05899
- Michalowski, P. (1983). History as Charter Some Observations on the Sumerian King List, *Journal of the American Oriental Society*, 103, 1, 237–248.
- Micunovic I. (2019). Bian Que, the legendary doctor of TCM. Supernatural ability against superstitious. *Wall Street International*. 24 July. URL: <https://wsimag.com/science-and-technology/56123-bian-que-the-legendary-doctor-of-tcm>
- Mohanty, J. (1989). Idealism and quantum mechanics. *History of Philosophy*. Quarter 6, no. 4.381.
- Monistic idealism (2020). In The Merriam-Webster.com Dictionary. Retrieved January 13, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/monistic%20idealism>

- Newton, I. (2010). Keynes MS. 28. *The Chymistry of Isaac Newton*. Ed. William R. Newman. June.
- Park, K., Daston, L. (2006). *The Cambridge History of Science: Volume 3, Early Modern Science*. Cambridge University Press. 502.
- Peirce, Ch. (1897). Fallibilism, Continuity, and Evolution, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, 1.141–75 (Eprint), (1899, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, 1.135–40).
- Penrose, R. (1996). On Gravity's Role in Quantum State Reduction. (PDF). *General Relativity and Gravitation*. 28 (5): 581–600.
- Penrose, R. (1998). Quantum computation, entanglement and state reduction. *Phil. Trans. R. Soc. Lond. A*. 356 (1743): 1927–1939.
- Penrose, R. (1999). *The Emperor's New Mind* (New Preface (1999) ed.), Oxford, England: Oxford University Press. 475–481.
- Penrose, R. (2007). *Road to Reality*, Vintage Books. 856–860.
- Penrose, R. (2014). On the Gravitization of Quantum Mechanics 1: Quantum State Reduction. *Foundations of Physics*. 44 (5): 557–575.
- Planck M. (2006). Die physikalische Struktur des Phasenraumes. *Annalen der Physik*. 355(12):385–418.
- Ponampon, Phra Kiattisak (2019). *Dunhuang Manuscript S.2585: a Textual and Interdisciplinary Study on Early Medieval Chinese Buddhist Meditative Techniques and Visionary Experiences*. Cambridge: University of Cambridge. p. 14. Retrieved 25 February 2019.
- Popper, Karl (1989). Zwei Bedeutungen von Falsifizierbarkeit [Two meanings of falsifiability]. In Seiffert, H.; Radnitzky, G. (eds.). *Handlexikon der Wissenschaftstheorie* [Dictionary of epistemology] (in German) (1992 ed.). München: Deutscher Taschenbuch Verlag. ISBN 3-423-04586-8.
- Portner, P. (2009). *Modality*. Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0-19-929242-4.
- Quantum mechanics boosts photosynthesis. URL: physicsworld.com. Retrieved 2010-10-23.
- Ressam Alper Savkin black & white art studio (2020) Дата обращения 05.04.2020 <https://www.facebook.com/pg/Ressam-Alper-Savkin-black-white-art-studio-1526019554317175/posts/>
- Rong Xinjiang (1999). The Nature of the Dunhuang Library Cave and the Reasons for its Sealing. *Cahiers d'Extrême-Asie*. 11: 247–275. doi:10.3406/asie.1999.1155.
- Schrödinger E. (1928). *Vier Vorlesungen über Wellenmechanik*. Berlin; а также: Шрөдингер Э. (1936). *Четыре лекции по квантовой механике*. Харьков–Киев.
- Schwartz, J. M., Stapp, H. P. and Beauregard M. (2005). Quantum physics in neuroscience and psychology: a neurophysical model of mind–brain interaction. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. 2005 Jun 29; 360(1458): 1309–1327. doi: 10.1098/rstb.2004.1598
- Sheldon Goldstein (1997). Quantum Theory Without Observers. URL: <https://sites.math.rutgers.edu/~oldstein/papers/qts/qts.html>
- Stapp, H. (1977). Are Superluminal Connections Necessary? *Nuovo Cimento*, 40B. 191.
- Stegemann, H. (1992). The Qumran Essenes: Local Members of the Main Jewish Union in Late Second Temple Times. 83–166 in *The Madrid Qumran Congress: Proceedings of the International Congress on the Dead Sea Scrolls*, Madrid, 18–21 March 1991, Edited by J. Treballe Barrera and L. Vegas Mountainer. Vol. 11 of *Studies on the Texts of the Desert of Judah*. Leiden: Brill.
- Stratos, A., 2013. Egypt: Perchance to Dream: Dreams and Their Meaning in Ancient Egypt. [Online]. Available at: <http://www.touregypt.net/featurestories/dream.htm> [Accessed 29 April 2014].
- Sytffel (2010). Manuel Castells – Communication Power. May 31. URL: <https://mediaecologies.wordpress.com/2010/05/31/manuel-castells-communication-power/>

- Szpakowska, K. (Ed.) (2020). Demon Things: Ancient Egyptian manifestations of liminal entities. Tucson: *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 25.
- Weizmann Institute Of Science. (1998, February 27). Quantum Theory Demonstrated: Observation Affects Reality. ScienceDaily. Retrieved December 28, 2019. V. 391. p. 871–874 from www.sciencedaily.com/releases/1998/02/980227055013.htm
- What Is the Observer Effect in Psychology? (2019). URL: <https://www.reference.com/world-view/observer-effect-psychology-94f62bc06ef7151b>
- Young, D. (1991). The Incredible Regnal Spans of Kish I in the Sumerian King List, *Journal of Near Eastern Studies*, 50, 1, 23–35.
- 成都扁鹊学派医书遭质疑 专家: "敝昔"通假"扁鹊", (2013). [Medical Book Expert at Chengdu Medical School: "The Past" Passed]. 参与互动 [Taiyuan Daily]. 2013年12月27日 15:39 [27 December 2013 15:39]. Retrieved from <http://www.chinanews.com/cul/2013/12-27/5672922.shtml> [in Russian].
- Abushenko V. L. (2020). Ekstrapolyaciya. *Gumanitarnaya enciklopediya: Koncepty [Humanitarian Encyclopedia: Concepts]*. Centr gumanitarnyh tekhnologij, 2002–2020. Retrieved from <https://gtmarket.ru/concepts/6997>
- Bazyma, B. A. (2001). *Cvet i psihika: monografiya [Color and psyche]*. Harkov. 172 [in Russian].
- Bazyma, B. A. (2005). *Psihologiya cveta: Teoriya i praktika [Color Psychology: Theory and Practice]*. Sankt-Peterburg: Rech. 110 [in Russian].
- Brazman, M. E., Dorofeeva, E. T., Shcherbatov, V. A. (1967). O differenciacii nekotoryh emocionalnyh sostoyanij metodom izmereniya cvetovoj chuvstvitelnosti. *Problemy i praktika modelirovaniya psicheskoy deyatel'nosti [Problems and practice of modeling mental activity]*. Novosibirsk. 171–174 [in Russian].
- Brojl, L. de (1986). *Sootnosheniya neopredelyonnostej Gejzenberga i veroyatnostnaya interpretaciya volnovoj mekhaniki [Heisenberg uncertainty relations and probabilistic interpretation of wave mechanics]*. Moskow : Mir [in Russian].
- Volkov, I. M. (1910). Kodeks Gammurabi. I. Otkrytie kodeksa. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Ministry of Education Magazine]*. Fevral, 301–316 [in Russian].
- Volkov, I. M. (1912). Kodeks Gammurabi. II. Gammurabi i ego carstvovanie. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Ministry of Education Magazine]*. 1912. Sentyabr. 65–77 [in Russian].
- Ginzburg, V. L. (2007). «Fizicheskij minimum» – kakie problemy fiziki i astrofiziki predstavlyayutsya osobenno vazhnymi i interesnymi v nachale XXI veka? *Uspekhi fizicheskikh nauk [Advances in Physical Sciences]*. №4, 346 [in Russian].
- Goryunkov, S. V. (2010). Istorizm: krizis ponyatiya i puti ego preodoleniya. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. №4. Kulturologiya. Retrieved from <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov/> [in Russian].
- Gosvami, A. (2008). *Samosoznayushchaya vseennaya. Kak soznanie sozdaet materialnyj mir [Self-aware universe. How consciousness creates the material world]*. Moskow: Otkrytyj mir; Ganga, 2008, 429 [in Russian].
- Gosvami, A. (2013). *Fizika dushi. Kvantovaya kniga zhizni, umiraniya, perevoploshcheniya i bessmertiya [Physics of the soul. The quantum book of life, dying, reincarnation and immortality]*. Moskow: Postum, 352 [in Russian].
- Gosvami, A. (2020). *Samosoznayushchaya vseennaya. Kak soznanie sozdaet materialnyj mir [Self-aware universe. How consciousness creates the material world]*. Retrieved from http://www.samomudr.ru/d/Gosvami%20Amit%20%20_Samosoznajushaja%20vseennaja.pdf [in Russian].
- Gottsdanker, R. (1982). *Osnovy psichologicheskogo eksperimenta [The basics of the psychological experiment]*. Moskow: MGU, 1982, 464 [in Russian].

- Dashkov, I. M., Ustinovich, E. A. (1980). Eksperimentalnye issledovaniya validnosti shkaly sub"ektivnogo predpochteniya cveta (test Lyushera). Problemy modelirovaniya. *Diagnostika psichicheskikh sostoyanij v norme i patologii [Diagnosis of mental conditions is normal and pathological]*. Leningrad. 115–126 [in Russian].
- Istoricheskij materializm (2002). *Novejshij filosofskij slovar [The latest philosophical dictionary]*. Minsk, 450 [in Russian].
- Kant, I. (2007). *Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Reason]*. Moskow: Eksmo; Sankt-Peterburg: Midgard, 1120 [in Russian].
- Koncepcii sovremennogo estestvoznaniya [*The basic principles of quantum mechanics*] (2020). Retrieved from http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_7/5/5_R1_T4.html [in Russian].
- Kapra, F. (2008). *Dao fiziki: Obshchie korni sovremennoj fiziki i vostochnogo mistitsizma [Tao of Physics: The common roots of modern physics and Eastern mysticism.]*. Moskow: OOO Izdatelstvo «Sofiya», 416 [in Russian].
- Klimishin, I. A. (1990). *Kalendar i hronologiya [Calendar and timeline]*. Moskow: Nauka, 1990, 288–289 [in Russian].
- Krutov, V. V. (2014). *Vozvrashchenie k sebe. Osnovy razvitiya soznaniya i upravleniya myshleniem [Return to yourself. Fundamentals of the development of consciousness and control thinking]*. Kiev: Geneza, 400 [in Russian].
- Krutov, V. V. (2019). Psiholingvistichnij potencial nejrogenezu (obrruntuvannya zastosuvannya psiholingvistichnih metodik dlya samovdoskonalennya mekhanizmiv Svidomosti lyudini z vikoristannyam idej nejrogenezu). *Psiholingvistika [Psycholinguistics]*. Vip. 25(1). 165–193. doi.org/10.31470/2309-1797-2019-25-1-165-193 [in Ukrainian].
- Kuznecova, T. F. (2008). Istorizm i tezaurusnyj analiz kultury. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. №9. Retrieved from <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Kuznetsova/> [in Russian].
- Langlua, Sh.-V., Senobos Sh. *Vvedenie v izuchenie istorii [Introduction to the study of history]*. Moskow, 2004, 305 [in Russian].
- Latypov, I. (2015). Ekzistencialnyj Nablyudatel. *Livejournal*. Sentyabr 21, 2015, 10:53 Retrieved from <https://tumbalele.livejournal.com/102369.html> [in Russian].
- Lyusher, M. (1996). *Cvet vashego haraktera [The color of your character]*. Moskow: Veche-Persej-AST, 394 [in Russian].
- Maklyuen, M. (2007). *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: Human External Extensions]*. Moskow : Giperboreya; Kuchkovo pole, 464 [in Russian].
- Malashenko, Yu. N. (2008). Dialektiko-materialisticheskaya traktovka ponyatij prichinnosti i veroyatnosti v kvantovoj mekhanike. *Novye idei v filosofii. Perm [New ideas in philosophy]*. Vyp. 17 (2), 53–62 [in Russian].
- Menskij, M. B. (2007). Kvantovye izmereniya, fenomen zhizni i vremeni : svyazi mezhdru «tremya velikimi problemami» (po terminologii Ginzburga). *Uspekhi fizicheskikh nauk [Advances in physical sciences]*. № 4, 415–425 [in Russian].
- Nahmanson, R. S. (2001). Fizicheskaya interpretaciya kvantovoj mekhaniki. *Uspekhi fizicheskikh nauk [Advances in physical sciences]*. T. 171, № 4, 441–444 [in Russian].
- Novikov, A. M., Novikov D. A. (2007). *Metodologiya [Methodology]*. Moskow: SINTEG, 668 [in Russian].
- Obuhov, Ya. L. (1996). Obraz-risunok-simvol. *Zhurnal prakticheskogo psihologa [Journal of the Practical Psychologist]*. № 4, 44–54 [in Russian].
- Pavlova, E. D. (2007). Idealisticheskij monizm kak metodologicheskij princip issledovaniya soznaniya. *Aktualnye problemy sovremennoj nauki [Actual problems of modern science]*. Retrieved from <http://naukarus.com/idealisticheskij-monizm-kak-metodologicheskij-printcip-issledovaniya-soznaniya> [in Russian].

- Penrouz, R. (2004). *Bolshoe, maloe i chelovecheskij razum [Big, small and human mind]*. Moscow: Mir, 191 [in Russian].
- Plishko, N. K. (1980). O nekotoryh osobennostyah vybora cvetov i sensomotornyh reakciyah na svetovye stimuly razlichnoj modalnosti pri izmenenii emocionalnogo sostoyaniya. *Diagnostika psichicheskogo sostoyaniya v norme i patologii [Diagnosis of a mental state in norm and pathology]*. Leningrad, 135–140 [in Russian].
- Pribram, K. (1975). *Yazyki mozga [Brain languages]*. Moscow: Progress, 463 [in Russian].
- Ruzavin, P. I. (2009). Ekstrapolyaciya. *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]*. Moscow: «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», 1248 [in Russian].
- Rumyanceva, A. N. (1986). Eksperimentalnaya proverka metodiki issledovaniya individualnogo predpochteniya cveta. *Vestnik MGU [Bulletin of Moscow State University]*. Moscow. Seriya 14. Psihologiya. N 1, 67–69 [in Russian].
- Sazhin, M. V. (1986). *Skorost sveta. Fizika kosmosa. Malenkaya enciklopediya [Speed of light. Physics of space. Little Encyclopedia]*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 622 [in Russian].
- Sorokina, N. K. (2012). Sovremennaya kvantovaya mekhanika i nekotorye aktualnye problemy integracii fiziki i filosofii. *Integraciya obrazovaniya [Education Integration]*. №4, 36–41 [in Russian].
- Talbot, M. (2009). *Golograficheskaya Vselennaya. Novaya teoriya realnosti [Holographic Universe. New theory of reality]*. Moscow: Sofiya, 412 [in Russian].
- Tosh, D. (2000). *Stremlenie k istine. Kak ovladet masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the skill of a historian]*. Moscow: Izdatelstvo «Ves Mir», 296 [in Russian].
- Turaev B. A. (1935). *Istoriya drevnego Vostoka [History of the Ancient East]*. Leningrad: Socekgiz, T. 1 [in Russian].
- Kholod, O. M. (2019). Zavdannya psiholingvistichnoї metodologii doslidzhen i kvantovij pidhid. *Psiholingvistika [Psycholinguistics]*. Vip. 25(2). 338–370. doi: 10.31470/2309-1797-2019-25-2-338-370 [in Ukrainian].
- Cvetnaya simvolika (1907–1909). *Malyj enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Small Encyclopedic Dictionary]: v 4 t. Sankt-Peterburg [in Russian]*.
- Shvarc, L. A. (1948). Izmeneniya cvetooshchushcheniya v emocionalnyh sostoyaniyah. *Problemy fiziologicheskoy optiki [Problems of physiological optics]*. Moscow. T. 6, 314–320 [in Russian].
- Ejnshtejn, A. (1965). *Osnovy obshchej teorii otnositelnosti [Fundamentals of the General Theory of Relativity]*. Sobr. nauch. trud. v 4 tomah. Moscow: Nauka, 1965. T. 1, 457–460 [in Russian].
- Effekt Pigmaliona [Elektronnyj resurs] (2020). *Upravlenie personalom [Personnel Management]: Slovar-spravochnik*: Retrieved from <https://psyfactor.org/personal/personal25-03.htm> [in Russian].

Александр Холод,

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника, академик Международной академии наук педагогического образования.

АННОТАЦИЯ

Проблема. Статья посвящена теоретическому обоснованию применения метода квантового хроноса, который предлагается как метод монистического идеализма для изучения процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума.

Методология. Автор обращается к методу монистического идеализма, абстрагируясь тем самым от материалистических подходов в трактовке первичности духа или материи. В

качестве методологии предлагается концепция квантовой бесконечности (*quántum infínitum*), выраженная формулой «Единство равно объединению Бытия, влекущего союз тождества Сознания и События; из такого тождества следует Информация». Кроме того, в качестве базовых избраны такие методы: гипотетико-дедуктивный, анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения, которые понадобились автору для создания оригинального подхода и обоснования целесообразности введения в научный обиход метода квантового хроноса. К числу специальных научных методов, использованных в исследовании, были отнесены методологические принципы квантовой механики (принцип неопределённости В. Гейзенберга, принцип дополнительности Н. Бора, понятие суперпозиции).

Объектом исследования были избраны методы изучения процессов коммуникации в работах философов М. Маклюэна, К. Поппера, социолога М. Кастельса, специалистов квантовой механики, квантовой физики, квантовой психологии: К. Блада, А. Госвами, В. Крутова, Р. Пенроуза – и исследователей квантовой психолингвистики: В. Крутова, А. Холода. Предметом исследования был избран метод квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, или анализ процессов дистанцированной коммуникации в пределах пространственно-временного континуума. Целью исследования стало описание метода квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, его обоснование и доказательство целесообразности.

Выводы. Был описан и обоснован метод квантового хроноса в исследованиях отдалённой коммуникации, а также доказана целесообразность его использования при изучении процессов дистанцированной коммуникации в пространственно-временном континууме. Также было установлено, что изучение упомянутых процессов не может быть валидным при применении таких материалистических методов: исторический, или хронологический метод; системный метод, лингвистический и этнолингвистический, психо- и социолингвистический анализ, дискурсивный анализ. Поставленную исследовательскую задачу может «выполнить» метод квантового хроноса, опирающийся на триединую платформу, состоящую из идей монистического идеализма, принципов и понятий квантовой механики и формулу Единства.

Ключевые слова: метод квантового хроноса, дистанцированная коммуникация, пространственно-временной континуум.

АНОТАЦІЯ

Проблема. Статтю присвячено теоретичному обґрунтуванню застосування методу квантового хроноса, який пропонується як метод моністичного ідеалізму для вивчення процесів дистанційованої комунікації в межах просторово-часового континууму.

Методологія. Автор звертається до методу моністичного ідеалізму, абстрагуючись тим самим від матеріалістичних підходів у трактуванні первинності духу або матерії. Як методологія пропонується концепція квантової нескінченності (*quántum infínitum*), виражена формулою «Єдність дорівнює об'єднанню Буття, що тягне союз тотожності Свідомості й Події; із такої тотожності народжується Інформація». Окрім того, у якості базових обрані такі методи: гипотетико-дедуктивний, аналіз, синтез, абстрагування й узагальнення, які знадобилися авторові для створення оригінального підходу й обґрунтування доцільності введення в науковий обіг методу квантового хроноса. До числа спеціальних наукових методів, використаних у дослідженні, були віднесені методологічні принципи квантової механіки (принцип невизначеності В. Гейзенберга, принцип додатковості Н. Бора, поняття суперпозиції).

Об'єктом дослідження були обрані методи вивчень процесів комунікації в роботах філософів М. Маклуена, К. Поппера, соціолога М. Кастельса, фахівців квантової механіки,

квантової фізики, квантової психології: К. Блада, А. Госвами, В. Крутова, Р. Пенроуза – і дослідників квантової психолінгвістики: В. Крутова, О. Холода. Предметом дослідження був обраний метод квантового хроноса в дослідженнях віддаленої комунікації, або аналіз процесів дистанційованої комунікації в межах просторово-часового континууму. Метою дослідження став опис методу квантового хроноса в дослідженнях віддаленої комунікації, його обґрунтування й доказ доцільності.

Висновки. Був описаний та обґрунтований метод квантового хроноса в дослідженнях віддаленої комунікації, а також доведено доцільність його використання під час вивчення процесів дистанційованої комунікації в просторово-часовому континуумі. Також було встановлено, що вивчення згаданих процесів не може бути дієвим при застосуванні таких матеріалістичних методів: історичний, або хронологічний метод; системний метод, лінгвістичний та етнолінгвістичний, психо- і соціолінгвістичний аналіз, дискурсивний аналіз. Поставлене дослідницьке завдання може «виконати» метод квантового хроноса, що спирається на триєдину платформу, що складається з ідей моністичного ідеалізму, принципів і понять квантової механіки й формулу Єдності.

Ключові слова: метод квантового хроноса, дистанційована комунікація, просторово-часовий континуум.

Submitted to the editor – 10.01.2020

Reviewed – 02.03.2020

Accepted for printing – 19.03.2020

Подано до редакції – 10.01.2020

Рецензовано – 02.03.2020

Прийнято до друку – 19.03.2020

THEORY AND HISTORY OF JOURNALISM

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ЖУРНАЛІСТИКИ

УДК 007 : 304 : 070 + 004.9

Specifics of the interview in the newspaper "Kinokurer" (1992)

Anna Kholod,

*Candidate of Philological Sciences,
Professor of Advertising and Public Relations
Institute of Design, Architecture and Journalism,
E-mail: akholod@ukr.net,
ResearcherID: AAD-5685-2020
<https://orcid.org/0000-0002-2479-9721>
Interregional Academy of Personnel Management,
street Frometivska, building 2, Kyiv
Ukraine, 03039.*

ANNOTATION

Problem. The article is devoted to the study of the processes of decanonization of the genre of interviews in the early 90s of the twentieth century, clarifying the specifics of interviews published in the newspaper "Kinokurer", outlines the lack of classification that would present the trend of combining genres within journalistic text. .

Methodology. The descriptive method captures all the information needed to cover the research topic. Analysis and synthesis contributed to the formation of a holistic view of the specifics of content, composition, design, image system of interviews published in the newspaper "Kinokurer" (1992).

The object of the study is an interview in the newspaper "Kinokurer" (1992). The subject of the study is the specifics of the interview in the newspaper "Kinokurer" (1992). The purpose of the study is to find out the specifics of an interview with the Kinokurer newspaper (1992).

Conclusions. Thus, during the analysis of the interviews published in the newspaper "Kinokurer" in 1992, it was found that the process of decanonization of the interview genre is underway, in connection with which there was an urgent problem of creating a new classification that reproduces the tendency to combine different genres within one journalistic text. Interviewers try to reveal the versatility of the interviewee's personality with the help of interview titles, which mainly contain statements of the subject of communication and attract the attention of the recipient with their design, various questions, photos of the interviewees and realization of the empathic way of communication achieved by various means. , presenting the richness of his inner world, as well as to provide the recipient with as much interesting information about the subject of communication, which, in our opinion, was one of the factors activating the above combination of genres.

Key words: decanonization of the genre, image of the interviewer, image of the interviewee, journalistic text, combination of genres.

Специфіка інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік)

Ганна Холод,

*кандидат філологічних наук,
професор кафедри реклами та зв'язків із громадськістю,
Інститут дизайну, архітектури та журналістики,
Міжрегіональна академія управління персоналом,*

Вступ

Суспільно-політичні процеси початку 90-х років ХХ століття суттєво вплинули на жанрову систему журналістики. Деканонізація жанрів, зумовлена демократизацією суспільства, зміною ролі журналістів, їхнім прагненням реалізувати свободу слова й творчості, знаходить нові форми висвітлення інформації, спричинила появу такого явища, як трансформація класичних жанрів. Вищезгадані процеси трансформації жанрів, зокрема інтерв'ю, поки що ґрунтовно не вивчено, хоча деякі журналістикознавці (С. Шебеліст, В. Лопатіна, А. Івашук, І. Горбова, О. Френкель тощо) у своїх статтях приділяють увагу дослідженню цього явища. Так, у статті “Трансформаційні процеси в системі журналістських жанрів” (Шебеліст, 2010) С. Шебеліст згадує про жанрову дифузію, гібридизацію, “жанрове вібрування” (Шебеліст, 2010 : 276) “на матеріалах української періодики” (Шебеліст, 2010 : 276), активізація яких відбулася на початку 90-х років ХХ століття, однак не дає чітких критеріїв для теоретичного розмежування цих понять. У статті “Розтікання жанрів в українській пресі” (Лопатіна, 2012) В. Лопатіна, аналізуючи “тенденції розвитку та прояви дифузії жанрів у різних виданнях, визначаючи їх відмінності та загальні риси” (Лопатіна, 2012 :181), не визначає чітких критеріїв дифузії жанрів, їх гібридизації та не пропонує теоретичне обґрунтування вищезгаданого процесу. У статті “Трансформація жанрів і проблема їхньої ідентифікації в теорії та журналістиці” (Івашук, 2013) А. Івашук аналізує специфіку гібридизації жанрів, роблячи акцент на “трансформації жанру інтерв'ю” (Івашук, 2013 : 380). Зокрема, автор звертає увагу на поєднання репортажу та інтерв'ю, “розповідь-цитату” (Івашук, 2013: 385), портретне інтерв'ю. У статті “Жанрові модифікації інтерв'ю в сучасній журналістиці” (Горбова, 2012) І. Горбова констатує трансформацію жанру інтерв'ю, виокремлюючи “такі різновиди жанру інтерв'ю: аналітичне, “потік свідомості”, портретне, бесіда тощо” (Горбова, 2012 : 24). У своїй статті “Жанрова своєрідність інтерв'ю як типу комунікації: портретне інтерв'ю” (Френкель, 2014) О. Френкель аналізує запропоновану В. Сиченковим класифікацію інтерв'ю, у якій є інформаційні, аналітичні, художньо-публіцистичні види інтерв'ю, визначає портретне інтерв'ю як аналітичний жанр. На нашу думку, автор послуговується слабкою аргументацією, пояснюючи аналітичність портретного інтерв'ю подальшим аналізом “аудиторією одержаної інформації і, таким чином, створенням певного образу як журналіста, так і респондента” (Френкель, 2014 : 31), оскільки в будь-якому інтерв'ю моделюється образ інтерв'юера та інтерв'юйованого, а аналіз інформації аудиторією не є критерієм визначення жанру.

Отже, вищезгадані дослідники констатують наявність трансформації жанрів, однак не пропонують класифікації її видів, в основі яких лежали б конкретні критерії, здатні ліквідувати термінологічну невизначеність таких понять, як “дифузія жанрів”, “гібридизація жанрів”, “жанрове вібрування” (Шебеліст, 2010 : 276) тощо. Розв'язання окресленої проблеми не можливе без аналізу різних варіантів практичної реалізації деканонізації жанрів, що активізувалася на початку 90-х років ХХ століття. Обрана нами тема статті, а також інші наші дослідження, дотичні до вищезгаданої тематики, дозволять заповнити теоретичні прогалини й уникнути термінологічної плутанини. Першою спробою вищезазначеного є робочий варіант запропонованої нами класифікації, яка потребує доопрацювання й терміни якої будуть використані в цій та інших статтях. Зокрема, ідеться про жанрову дифузію

(взаємопроникнення різних жанрів у межах однієї групи жанрів), жанрову комбінацію (поєднання жанрів зі збереженням жанрових особливостей у межах однієї групи жанрів+графічне розмежування), жанровий конгломерат (поєднання жанрів різних груп (інформаційні жанри, аналітичні жанри, художньо-публіцистичні) зі збереженням їхніх жанрових особливостей+ графічне розмежування), жанрову інкрустацію (вкраплення в один жанр інших жанрів без графічного розмежування), жанровий гібрид (поєднання вищезазначених різновидів).

Закордонні дослідники, зокрема Желе Маст, Роел Коузманс, Мартіна Теммерман у статті “Гібридність та новини: змішування жанрів і моделей взаємодії в нових формах журналістики” (Jelle Mast, Roel Coesemans, Martina Temmerman, 2017), ознайомившись з антитетичними поглядами на гібридність у журналістиці, стверджують, що гібридність як інноваційне явище є ознакою сучасної журналістики, усебічно аналізують різні види гібридизації.

Методи та методика дослідження

Завдяки описовому методові зафіксовано всю інформацію, що потрібна для висвітлення теми дослідження.

Аналіз та синтез сприяли формуванню цілісного уявлення щодо специфіки контенту, композиції, оформлення, образної системи інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр” (1992).

Для досягнення поставленої мети було виконано таку дослідницьку процедуру:

1. У газеті “Кінокур'єр” (1992) для аналізу обрали класичні інтерв'ю й журналістські тексти – поєднання декількох жанрів, домінантним із яких є інтерв'ю.

2. Проаналізували вищезазначені тексти на композиційному, образному (засоби моделювання образу інтерв'юера та інтерв'юйованого), жанровому, мовному, паралінгвістичному рівнях (засоби іконічної мови, шрифт, колір, курсив).

3. Синтезували отримані під час аналізу результати для створення цілісного уявлення про предмет дослідження.

Об'єктом дослідження є інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік). *Предметом* дослідження є специфіка інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік).

Мета дослідження – з'ясувати специфіку інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік).

Результати та дискусії

У газеті “Кінокур'єр” інтерв'ю розміщено в таких рубриках: “Наодинці з усіма”, “Олімп”, “Інтерв'ю в номер”, “Зміна амплуа”, “Кіноактори України”, “Кумир мільйонів” – та підрубриках: “Інтерв'ю со звездой” (мова оригіналу), “Новое имя” (мова оригіналу), “Ретро”.

Як правило, заголовком є неоформлена (без лапок) й оформлена (із лапками) належним чином цитата з інтерв'ю, поруч із якою розміщено ім'я та прізвище автора сказаних слів. Іноді під заголовком розміщено підзаголовок, унаочнений іншим шрифтом або іншим кольором. Є варіант заголовку, у якому поруч з іменем та прізвищем інтерв'юйованого знаходяться його трансформовані слова (“Галина Суліма: Я зіграла Анну Кареніну... до поїзда” – “Тільки чомусь страшенно хочеться зіграти Анну Кареніну. Дограти. Бо до поїзда я вже зіграла її і на екрані, і в житті” (Бут, 1992 б)). Є незакінчений заголовок (“Віктор Степанов, Лев Дуров, Івар Калнініш, Арніс Ліцитіс у фільмі” (Бут, 1992 а)), продовження якого, зокрема назва фільму (“Таємниця Віллі” (Бут, 1992 а)), знаходиться в тексті інтерв'ю.

У газеті “Кінокур'єр” (1992) використано різні варіанти оформлення заголовків інтерв'ю.

1. Ім'я, прізвище та цитата оформлені різними шрифтами (вид, накреслення, розмір). Іноді цитату розміщено на прямокутній плашці світло-сірого кольору.

2. Деякі слова в назві інтерв'ю підкреслено лінією й використано іконічні знаки (три серця), які є ілюстративним перекодуванням вербального варіанту.

3. Ім'я, прізвище та цитата мають однакове шрифтове накреслення.

4. Ім'я, прізвище, цитату оформлено синім кольором різних відтінків.

5. Ім'я, прізвище оформлено чорним кольором, трансформовані слова автора – зеленим кольором.

6. Ім'я, прізвище – чорним кольором, підкреслено лінією, цитату – зеленим кольором.

7. Заголовок оформлено чорним кольором, жирним накресленням.

8. Ім'я, прізвище оформлено чорним кольором, жирним накресленням, цитату оформлено чорним кольором, жирним накресленням, нахилом.

У газеті “Кінокур'єр” (1992) є лише одне класичне інтерв'ю, що має вступну частину, у якій презентується інформація про подію (1 речення), учасником якої був інтерв'юований, та основну частину (Ничипор... (далі нерозбірливо – Г.Х.), 1992).

Деякі інтерв'ю у вступній частині містять інкрустацію тексту з іншими жанровими особливостями (жанрова інкрустація) і мають такі варіанти композиції:

1. Інтерв'ю має вступну частину, де є лаконічна біографія інтерв'юованого, основну частину, заключну частину, що містить подяку та побажання успіхів (Солов... (далі нерозбірливо), 1992).

2. Інтерв'ю має вступну частину, де є інформація про неформальні моменти (частування пирогом з ожиною) його проведення, невеликий портретний нарис, основну частину (Олексієнко, 1992).

3. Інтерв'ю має вступну частину, у якому є невелика творча біографія кінорежисера, та основну частину (Кочевська, 1992а).

4. Інтерв'ю має вступну частину, презентовану невеликим портретним нарисом, та основну частину (Кучерявий, 1992б).

5. Інтерв'ю має вступну частину, що містить елементи кінорецензії, зокрема характеристику фільму, у якому знімався інтерв'юований, а також основну частину (Кочевська, 1992б).

Є інтерв'ю, що має вступну частину, де – частина фабули фільму, режисером якого є інтерв'юований Володимир Попков (Родіонов, 1992), основну частину, заключну частину, що містить продовження фабули фільму. Вступна й заключна частини за змістовим наповненням та шрифтовим оформленням (жирне накреслення) є композиційним обрамленням основної частини.

У “Кінокур'єрі” за 1992 рік є журналістські тексти, що становлять собою жанрову комбінацію лаконічної творчої біографії (Кучерявий, 1992а), яку, на нашу думку, треба відрізнити від портретного нарису й відносити до інформаційної групи жанрів, яку треба розширити для спеціалізованої преси про кіно, із домінуванням такого жанру, як інтерв'ю, в основній частині журналістського тексту, а також жанровий конгломерат, що має такі варіанти:

1. Виділений нахилом портретний нарис, частини якого стали композиційним обрамленням для основної частини інтерв'ю.

2. Міні-кінорецензія (Бут, 1992а) разом з інтерв'ю.

У газеті “Кінокур'єр” (1992) є жанровий гібрид. Зокрема, ідеться про журналістський текст, домінуючим у якому є інтерв'ю з Оленою Чекан. Цей текст є поєднанням двох частин. І частина – графічно відділений (чорною рамкою) текст, що містить елементи нарисів про актрису Олену Чекан, анотації, біографії Алекса Московічі, рецензії на книгу. ІІ частина – інтерв'ю, що містить графічно відокремлені двома вертикальними лініями текстові вкраплення (спогади Микити Міхалкова, Роберта Рождественського, Станіслава Говорухіна, Анастасії Вертинської, фрагменти інтерв'ю Алекса Московічі) – уривки з книги Олени Чекан (Кочевская, 1992).

Крім вищезазначеного, у газеті “Кінокур’єр” (1992) надруковано інтерв’ю-монолог, яке має вісім частин із назвами, що є імпліцитною презентацією запитання журналіста і які починаються тире – маркером оформлення репліки в діалозі (Бут, 1992 б).

У газеті “Кінокур’єр” (1992) є журналістські тексти, цілісність яких штучна, оскільки через передрук закордонних інтерв’ю в газеті “Кінокур’єр” (1992) і намагання українських журналістів долучитися до творчого процесу містять частини, написані різними авторами. Як правило, цей процес відбувався з порушенням авторського права, оскільки їхні прізвиська, зокрема інтерв’юера та журналіста газети “Кінокур’єр” (1992), під текстом не було зазначено. Переважно маркерами присутності закордонного інтерв’юера або вітчизняного журналіста були такі формулювання: “корреспондент журналу “ПАРИ МАТЧ” начал беседу с актером именно с этой проблемы” (Майкл Дуглас: Жду очередную волну! 1992), “Ведущий “Олімпу” Олег Просихін (За матеріалами зарубіжної преси)” (Ведущий “Олімпу” Олег Просихін (За матеріалами зарубіжної преси), 1992), “Предлагаем Вашему вниманию несколько фрагментов интервью, данного популярным актером корреспонденту журнала “Свет” по поводу съемок в “Призраке”” (Патрик Свейз: Танцевать не перестану никогда, 1992).

Написані українськими журналістами тексти, які стали доповненням до закордонних інтерв’ю, залежно від завдань, що вони виконують, та обсягу мають таке жанрове розмаїття:

1.Замітка про творчість (Патрик Свейз: Танцевать не перестану никогда, 1992), яка розташована на початку інтерв’ю.

2.Замітка про творчість, частини якої, виділені курсивом, є обрамленням інтерв’ю закордонного інтерв’юера та інтерв’ююваного (Джулия Дельфи, 1992).

В інтерв’ю, розміщених у газеті “Кінокур’єр” (1992), використано фотографії, які, переважно корелюючи зі змістом інтерв’ю та змодельованим у ньому образом інтерв’ююваного, візуально підкреслюють деякі риси його характеру. На нашу думку, використання декількох фотографій інтерв’юер намагається підкреслити багатогранність особистості інтерв’ююваного. Зокрема, ідеться про фотографії в інтерв’ю з актрисами, яким інтерв’юер поставив запитання, пов’язані з особистим життям та кар’єрою. У зв’язку із цим інтерв’юер переважно використовує фотографії, де інтерв’юювана знаходиться в колі сім’ї, в офіційній обстановці (нагородження) або в ролі у фільмах. Є фотографії, які контрастують зі змодельованим в інтерв’ю образом інтерв’ююваного. Зокрема, ідеться про інтерв’ю з Майклом Дугласом (Майкл Дуглас: Жду очередную волну! 1992). На фотографії його збентежений вираз обличчя контрастує з оптимістичною тональністю інтерв’ю, а в інтерв’ю “Забытая маркиза” (Забытая маркиза, 1992), яке взяли в 53-річній Мішель Мерсьє, розміщено фотографію молодої актриси. В інтерв’ю, узятих у кінорежисерів щодо особливостей знятого кінофільму, розміщено фотографії його епізодів. Прикметним є те, що серед таких фотографій є фотографія з оголеною жінкою, що, на нашу думку, стало наслідком сексуальної революції.

Інтерв’юери в інтерв’ю, розміщених в “Кінокур’єрі” (1992), переважно використовують розвивальне запитання, щоб спонукати інтерв’ююваного до детальної відповіді (“Як би ви, Юрію Герасимовичу, прокоментували цю подію?” (Ничипор... (далі *нерозбірливо* – Г.Х.), 1992), проєктивне (“Юрію Герасимовичу, а які особисті плани провідного українського кіномитця Ю.Г. Ілленка?” (Ничипор... (далі *нерозбірливо*), 1992), уточнювальне (“То що ж насамперед спонукало до цієї постановки?” (Родіонов, 1992), контрольне (“Но ложь вы прощаете?” (Роковая Фанни, 1992), уточнювальне (““КК”: А які переваги має проєкт виплеканої вами майбутньої кінокомпанії?” (Солов... (далі *нерозбірливо* – Г.Х.), 1992). Під час інтерв’ю з Оленою Чекан (Кочевская, 1992) інтерв’юер Людмила Кочевська часто використовувала перехідні запитання, що було зумовлено необхідністю розкрити особистість не тільки інтерв’ююваного, а й третьої особи – Алекса Московича, про якого Олена Чекан написала книгу (Кочевская, 1992).

В інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр”, інтерв'юєр іноді, замість запитань, використовує прийом констатації факту (“Володимире Михайловичу, ви постановник молодіжних фільмів “Впізнай мене”, “Довгі дні, короткі тижні”, детективу “Вантаж без маркіровки”, трагікомедій “Карусель”, “Рік теляти”, “Грішник”, в основі яких сучасний життєвий матеріал, і раптом екранізація твору Джека Лондона...” (Родіонов, 1992)), який спонукає інтерв'ююваного до формулювання запитання, про що свідчить апосіопеза, тобто активізуватися як учасника комунікативного процесу. Іноді інтерв'юєр ставить два запитання поспіль, є випадки, коли спочатку інтерв'юєр констатує факт, а потім лише ставить інтерв'ююваному запитання (“Вы были знакомы с Чарли Чаплином, играли у него в “Графине из Гонконга. Часто вспоминаете эти дни?”” (Софи Лорен: “Я научилась говорить “нет””, 1992)). Крім цього, є випадки нелогічних змістових розривів в інтерв'ю, що, на нашу думку, є наслідком запланованості запитань і невміння журналіста вчасно зорієнтуватися у відповідях інтерв'ююваного й поставити наступне, логічно вмотивоване запитання, поява якого зумовлена попередньою відповіддю інтерв'ююваного. Наприклад, під час інтерв'ю із Софі Лорен, яка зазначила, що народження її синів – це найважливіший період її життя, журналісту варто було одразу попросити актрису розповісти про них, а не робити це після чотирьох запитань, що стосувалися чоловічих рис характеру, вільного часу, улюбленого режисера, бульварної преси (Софи Лорен: “Я научилась говорить “нет””, 1992)). Крім цього, в інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр”, є й закриті запитання (“Боитесь ли вы страстной любви” (Роковая Фанни, 1992) і запитання, що містять інформацію, не підтверджену соціологічними опитуваннями (“Когда у женщин спрашивают, что они больше всего ценят в мужчинах, отвечают обычно: интеллигентность” (Роковая Фанни, 1992)). Через інкрустацію в інтерв'ю з Оленою Чекан фрагментів її інтерв'ю з Алексом Московічі та спогадів про нього відомих людей воно, набуваючи фрагментарності, утрачає свою цілісність, у зв'язку із цим виникає враження хаотичності запитань (Кочевская, 1992)). Іноді журналісти неправильно формулюють запитання, використовуючи в ньому лише одне слово (“Совесть?” (Кучерявый, 1992а)), формулюють недоречні запитання, які не корелюють із темою інтерв'ю й не сприяють досягненню поставленої мети (“Гороскоп свій добре знаете?” “Що вам дало його знання?” (Косничук, 1992)).

В інтерв'ю з Майклом Дугласом є запитання (“В таком случае прошу объяснить мне, почему актеры трактуют себя с такой серьезностью” (Майкл Дуглас: Жду очередную волну! 1992)), яке через незрозумілість може спричинити появу комунікативного бар'єра.

Ставлення інтерв'юєра до інтерв'ююваного презентується як імпліцитно, так й експліцитно за допомогою звертань (“пане Михайле” (Солов... (далі нерозбірливо), 1992); Олю (Олексієнко, 1992); пани Ольги (“пани Ольга” (Кучерявый, 1992 б); “Анатолію Борисовичу” (Кочевська, 1992 б)), кількості звертань, підкреслення позитивних наслідків професійної діяльності інтерв'ююваного (“Пан Михайло керує кіностудією лише дев'ять місяців, але вже протягом цього, здавалося б, невеликого проміжку часу сталося чимало різючих змін” (Солов... (далі нерозбірливо – Г.Х.), 1992); “Лена, я с огромным наслаждением прочла верстку вашей книги” (Кочевская, 1992)), позитивних рис характеру інтерв'ююваного (“Ее добрые глаза излучают тепло, ласку, ее душа всегда откликается на чужое горе. Природа наделила ее женственностью и неземной красотой. Она прекрасная собеседница, великолепная мать, непревзойденная хозяйка и редкостной души человек” (Кучерявый, 1992б)), а також чіткого окреслення ставлення до інтерв'ююваного (“... і те, що ми одразу розговорились як добрі знайомі, ще більше збільшило мою симпатію до неї” (Олексієнко, 1992)).

Змістовий діапазон запитань інтерв'юєра зумовлений досягненням мети інтерв'ю, яку поставив перед собою інтерв'юєр і маркером якої переважно є заголовок інтерв'ю.

1. Запитання, поставлені під час інтерв'ю з Фанні (Роковая Фанни, 1992), стосувалися особистого життя й були спрямовані на розкриття непередбачуваності, суперечливості

(стверджує, що цінує вірність, однак від зразкового шлюбу їй нудно, їй подобаються непостійні, суперечливі чоловіки, і водночас вважає, що треба берегти кохання й дружбу), імпульсивності, чуттєвості інтерв'юованої.

2. Запитання, що стосуються лише професійної діяльності інтерв'юованого, спрямовані на розкриття його професіоналізму, отримання експертної оцінки щодо конкретної ситуації й презентують ступінь підготовки інтерв'юера.

3. Запитання щодо акторської діяльності, сімейних стосунків, філософських категорій (Майкл Дуглас: Жду очередную волну! 1992).

4. Релігійні запитання, адресовані актрисі, яка вірить у Бога (Кучерявий, 1992), розкривають її як духовно багату людину, здатну правильно тлумачити вислови з Біблії, і підкреслюють обізнаність журналіста в релігійній темі.

5. Запитання, що стосуються лише кінокар'єри (Джулія Дельфі, 1992).

6. Запитання релігійного, філософського, особистого характеру (Кучерявий, 1992).

7. Запитання зорієнтовані на розкриття специфіки зйомок фільму (Патрик Свейз: Танцевать не перестану никогда, 1992).

Є інтерв'ю, у якому поставлені інтерв'юованій запитання щодо особистого життя не корелюють із заявленою темою інтерв'ю (“Людмила Єфименко: Я ніколи не граю себе” (Косничук, 1992)), яка сугестує реципієнтам конкретний горизонт очікування, і розкривають інтерв'юовану як жінку, а не актрису.

Вищезазначене дозволяє робити висновки щодо професіоналізму журналіста, його вміння максимально розкрити особистість інтерв'юованої й досягти поставленої мети. Крім цього, образ інтерв'юера моделюють засоби встановлення контакту з учасником комунікації та неформальна ситуація спілкування (під час інтерв'ю інтерв'юована займається шиттям (“Елена уютно уюстилась в кресле с шитьем” (Кочевская, 1992)), пригощає пирогом з ожиною (Олексієнко, 1992)), що свідчить про довіру інтерв'юованого до інтерв'юера, оцінка діяльності інтерв'юованого, його зовнішності (“Ее добрые глаза излучают тепло, ласку, ее душа всегда откликается на чужое горе. Природа наделила ее женственностью и неземной красотой” (Кучерявий, 1992 б)), третіх осіб, явищ, дійсності.

Образ інтерв'юованого моделюється за допомогою таких засобів:

1.Заголовок, який переважно містить фразу, озвучену інтерв'юованим під час інтерв'ю.

2.Самохарактеристика інтерв'юованого (“Обожаю женщин, которые лгут. Сама тоже обманываю. Это вариант самозащиты” (Роковая Фанни, 1992); “По натуре я – оптимист!” (Кочевська, 1992б)).

3.Характеристика третіх осіб інтерв'юованим, оцінка їхньої діяльності (“– Это был необыкновенный человек. И даже если бы он предложил мне эпизод, я не раздумывая бы согласилась, т.к. общаться с кинематографической легендой – гордость и счастье. Чаплин был человеком очень практичным, трезво мыслящим, с железной логикой”. (Софи Лорен “Я научилась говорить “нет””, 1992).

4.Характеристика інтерв'юованим ситуацій, явищ, ставлення до дійсності. (““Мортаделлу” – фільм, в котором я снималась в Нью-Йорке. Я его ненавижу” (Софи Лорен “ Я научилась говорить “нет” ”, 1992)).

5.Інформація про професійну самореалізацію інтерв'юованого, його інтереси, плани на майбутнє.

6.Повнота й вичерпність відповіді на поставлене запитання.

7.Характеристика, яку дає інтерв'юер інтерв'юованому та його діяльності (“А получилось так хорошо. Читать книгу приятно” (Кочевская, 1992)).

8.Розміщені в інтерв'ю фотографії.

9.Специфіка мовлення інтерв'юованого. Використання питальних речень (“Рассказать, как все началось? Вам это интересно?” (Кочевская, 1992), апосиопези, що

презентують емоційний стан інтерв'ююваного (“Это страшно, вроде ничего хорошего больше не будет, все в прошлом...” (Кочевская, 1992)).

10. Оцінка інтерв'ююваною свого емоційного стану (“Да, после крушения театра я была в полном отчаянии” (Кочевская, 1992)).

11. Характеристика, яку дають інтерв'ююваному треті особи (“Обворожительная, таинственная, прекрасная... Такими эпитетами награждают ее кинокритики” (Роковая Фанни, 1992)).

Висновки

Отже, під час аналізу інтерв'ю, розмічених у газеті “Кінокур'єр” за 1992 рік, було з'ясовано, що активно відбувається процес деканонізації жанру інтерв'ю, у зв'язку із чим виникла нагальна проблема створення нової класифікації, що відтворює тенденцію поєднань різних жанрів у межах одного журналістського тексту. Інтерв'юери за допомогою заголовків інтерв'ю, що переважно містять висловлювання інтерв'ююваного й привертають увагу реципієнта своїм оформленням, різноманітних запитань, фотографій інтерв'ююваних та реалізації емпатійного способу спілкування, що досягається різними засобами, намагаються розкрити багатогранність особистості інтерв'ююваного, презентуючи багатство його внутрішнього світу, а також надати реципієнту якомога більше цікавої інформації про суб'єкт комунікації, що, на нашу думку, стало одним із чинників активізації вищезгаданого поєднання жанрів.

Література

- Бут, Н. (1992). Віктор Степанов, Лев Дуров, Івар Калниниш, Арніс Ліцитіс у фільмі. *Кінокур'єр*. № 6. 1.
- Бут, Н. (1992). Галина Сулима: Я зіграла Анну Кареніну... до поїзда. *Кінокур'єр*. №5. 5.
- Ведучий “Олімпу” Олег Просихін (За матеріалами зарубіжної преси). (1992). *Кінокур'єр*. №6. 7.
- Горбова, І. (2014). Жанрові модифікації інтерв'ю в сучасній журналістиці / *Вітражі: Збірник матеріалів викладацько-студентських наукових семінарів / Упор. В. І. Башманівський, І. О. Горбова, Т. Є. Клименко, С. А. Чорна*. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка. Випуск 5. 21 – 24.
- Джулія Дельфі. (1992). *Кінокур'єр*. №6. 7.
- “Забытая маркиза”. (1992). *Кінокур'єр*. № 6. 6.
- Іващук, А. (2013). Трансформація жанрів і проблема їхньої ідентифікації в теорії та журналістиці. *Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах*. №27. 375–391.
- Косничук Е. (1992). Людмила Єфименко: Я ніколи не граю себе. *Кінокур'єр*. №6. 4.
- Кочевська, Л. (1992). “Афганський транзит”. *Кінокур'єр* № 7.1.
- Кочевська, Л. (1992). Анатолій Кузнецов: “Я – оптиміст!”. *Кінокур'єр*. №7. 4.
- Кочевская, Л. (1992). Звезда Алекса Московича. *Кінокур'єр*. № 5. 4–5.
- Кучерявый, А. (1992). Ольга Гобзева: Вера озаряет наши души! *Кінокур'єр*. №4. 4.
- Кучерявый, А. (1992). Ольга Матешко: Свеча дает свет другим, сгорая при этом сама. *Кінокур'єр*. №7. 4.
- Лопатіна, В. (2012). Розтікання жанрів в українській пресі. *Вісник Львівського університету. Серія журналістики*. Випуск 33.181–187.
- Майкл Дуглас: Жду очередную волну! (1992). *Кінокур'єр*. №5. 6.
- Ничипор... (далі нерозбірливо), Ю. (1992). Юрій Ілленко: Ми захищаємо свої права! Два запитання члену Державної думи України, голові Укрдержкінофонду Юрію Герасимовичу Ілленку. *Кінокур'єр*. №1. 2.
- Олексієнко, Л. (1992). Ольга Сумська: Кохання для мене – це все! *Кінокур'єр*. №6. 5.
- Патрик Свейз: Танцевать не перестану никогда. (1992). *Кінокур'єр*. №7. 7.

- Родіонов, Ю. (1992). Режисер представляє фільм “Серця трьох”. *Кінокур’єр*. №1. 4.
- Роковая Фанни. (1992). *Кінокур’єр*. №4. 7.
- Солов... (далі нерозбірливо), Т. (1992) Михайло Черничук: Вичавити з себе раба. *Кінокур’єр*. №5. 2.
- Софи Лорен: “Я научилась говорить “нет””. (1992). *Кінокур’єр*. №1.6.
- Френкель, О. (2014). Жанрова своєрідність інтерв’ю як типу комунікації: портретнеінтерв’ю. *Єдність навчання і наукових досліджень – головний принцип університету : збірник наукових праць звітної-наукової конференції викладачів університету за 2013 рік, 4-6 лютого 2014 року / укл. Г. І. Волинка, О. В. Уваркіна, О. П. Ємельянова. К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова. 30–31.*
- Шебеліст, С. (2010). Трансформаційні процеси в системі журналістських жанрів. *Вісник Львівського університету. Серія теле-та радіожурналістика*. Випуск 9. Ч. 1. 274–280.
- Юрій Ілленко: Ми захищаємо свої права. (1992). *Кінокур’єр*. №1. 2.
- Mast, J., Coesemans, R., Temmerman, M. (2017). Hybridity and the news: Blending genres and interaction patterns in new forms of journalism. *Journalism* 18 (1), 3–10. <https://doi.org/10.1177%2F1464884916657520>

Reference

- But, N. (1992). Viktor Stepanov, Lev Durov, Ivar Kalnynysh, Arnis Litsytis u filmi [Victor Stepanov, Lev Durov, Ivar Kalnynysh, Arnis Licitis in the film]. *Kinokurier*. № 6. 1[in Ukrainian].
- But, N. (1992). Halyna Sulyma: Ya zihrala Annu Kareninu... do poizda [Halyna Sulima: I played Anna Karenina... before the train]. *Kinokurier*. №5. 5 [in Ukrainian].
- Veduchyi “Olimpu” Oleh Prosykhin (Za materialamy zarubizhnoi presy) [The host of "Olympus" Oleg Prosykhin (According to foreign press)]. (1992). *Kinokurier*. №6. 7 [in Ukrainian].
- Horbova, I. (2014). Zhanrovi modyfikatsii interviu v suchasni zhurnalistytsi [Genre modifications of interviews in modern journalism]. / *Vitrazhi: Zbirnyk materialiv vykladatsko-studentskykh naukovykh seminariv / Upor. V. I. Bashmanivskyi, I. O. Horbova, T. Ye. Klymenko, S. A. Chorna. Zhytomyr: Vyd-vo ZhDU im. I. Franka. Vypusk 5. 21 – 24 [in Ukrainian].*
- Dzhulyia Delfy [Julia Delphi]. (1992). *Kinokurier*. №6. 7 [in Russian].
- Zabytaia markyza [The Forgotten Marquis]. (1992). *Kinokurier*. № 6. 6.
- Ivashchuk, A. (2013). Transformatsiia zhanriv i problema yikhnoi identyfikatsii v teorii ta zhurnalistytsi [Transformation of genres and the problem of their identification in theory and journalism]. *Humanitarna osvita v tekhnichnykh vyshchykh navchalnykh zakladakh*. №27. 375-391[in Ukrainian].
- Kosnychuk E. (1992). Liudmyla Yefymenko: Ya nikoly ne hraiu sebe [Lyudmila Yefimenko: I never play myself]. *Kinokurier*. №6. 4 [in Ukrainian].
- Kochevska, L. (1992 a). “Afhanskyi tranzyt”[“Afghan transit”]. *Kinokurier*. № 7.1[in Ukrainian].
- Kochevska, L. (1992 b). Anatolii Kuznietsov: “Ia – optymist!”[Anatoly Kuznetsov: “I am an optimist!”]. *Kinokurier*. №7. 4 [in Ukrainian].
- Kochevskaia, L. (1992). Zvezda Aleksa Moskovycha [Alex Moskvovich's star]. *Kinokurier*. № 5. 4-5 [in Russian].
- Kucheriavyi, A. (1992 a). Olha Hobzeva: Vera ozariaet nashy dushy! [Olga Gobzeva: Faith illuminates our souls!]. *Kinokurier*. №4. 4 [in Russian].
- Kucheriavyi, A. (1992 b). Olha Mateshko: Svecha daet svet druhym, shoraia pry etom sama [Olga Mateshko: A candle gives light to others, burning itself]. *Kinokurier*. №7. 4 [in Russian].
- Lopatina, V. (2012). Roztikannia zhanriv v ukrainskii presi [Spreading of genres in the Ukrainian press]. *Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriia zhurnalistyky*. Vypusk 33.181 – 187 [in Ukrainian].

- Maikl Duhlas: Zhdu ocherednuiu volnu! [*Michael Douglas: I'm waiting for the next wave!*] (1992). *Kinokurier*. №5. 6 [in Russian].
- Nichipor... (dali nerozbirdlyvo), Yu. (1992). Yuriy Ilyenko: Mi zahishayemo svoyi prava! Dva zapitannya chлену Derzhavnoyi dumy Ukrayini, golovi Ukrderzhkinofondu Yuriyu Gerasimovichu Ilyenku. [Yuriy Ilyenko: We protect our rights! Two questions from Yuriy Gerasimovich Ilyenko, a member of the State Duma of Ukraine and chairman of the Ukrainian State Film Fund]. *Kinokurier*. №1. 2 [in Ukrainian].
- Oleksiienko, L. (1992). Olha Sumska: Kokhannia dlia mene – tse vse! [*Olga Sumskaya: Love for me is everything!*]. *Kinokurier*. №6. 5 [in Ukrainian].
- Patryk Sveiz: Tantsevat ne perestanu nykohda. [*Patrick Swayze: I will never stop dancing*]. (1992). *Kinokurier*. №7. 7 [in Russian].
- Rodionov, Yu. (1992). Rezhyser predstavliaie film “Sertsia trokh” [*The director presents the film "Hearts of Three"*]. *Kinokurier*. №1. 4 [in Ukrainian].
- Rokovaia Fanny [*Fatal Fanny*]. (1992). *Kinokurier*. №4. 7 [in Russian].
- Solov... (dali nerozbirdlyvo), T. (1992). Mykhailo Chernychuk: Vychavyty z sebe raba [*Mykhailo Chernychuk: Squeeze out a slave*]. (1992). *Kinokurier*. №5. 2 [in Ukrainian].
- Sofy Loren: “Ia nauchylas hovoryt “net”” [*Sophie Lauren: "I learned to say no"*]. (1992). *Kinokurier*. №1. 6 [in Russian].
- Frenkel, O. (2014). Zhanrova svoieridnist intervui yak typu komunikatsii: portretneintervui [*Genre originality of interviews as a type of communication: portrait interviews*]. Yednist navchannia i naukovykh doslidzhen – holovnyi pryntsyv universytetu : zbirnyk naukovykh prats zvitno-naukovoї konferentsii vykladachiv universytetu za 2013 rik, 4-6 liutoho 2014 roku / ukl. H. I. Volynka, O. V. Uvarkina, O. P. Yemelianova. K. : Vyd-vo NPU imeni M. P. Drahomanova. 30-31[in Ukrainian].
- Shebelist, S. (2010). Transformatsiini protsesy v systemi zhurnalistskykh zhanriv. [*Transformational processes in the system of journalistic genres*]. *Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriiia tele-ta radiozhurnalistyka*. Vypusk 9. Ch. 1. 274 – 280 [in Ukrainian].
- Yurii Ilienکو: My zakhyshchaiemo svoi prava [*Yuriy Ilyenko: We protect our rights*]. (1992). *Kinokurier*. №1. 2 [in Ukrainian].
- Mast, J., Coesemans, R., Temmerman, M. (2017). Hybridity and the news: Blending genres and interaction patterns in new forms of journalism. *Journalism* 18 (1), 3 – 10. <https://doi.org/10.1177%2F1464884916657520>

Специфіка інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік)

Ганна Холод,

кандидат філологічних наук,

професор кафедри реклами та зв'язків із громадськістю,

Інститут дизайну, архітектури та журналістики,

Міжрегіональна академія управління персоналом

АНОТАЦІЯ

Проблема. Статтю присвячено дослідженню процесів деканонізації жанру інтерв'ю на початку 90-х років ХХ століття, з'ясуванню специфіки інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр”, окреслено проблему відсутності класифікації, яка б презентувала тенденцію поєднання жанрів у межах журналістського тексту.

Методологія. Завдяки описовому методові зафіксовано всю інформацію, що потрібна для висвітлення теми дослідження. Аналіз та синтез сприяли формуванню цілісного уявлення щодо специфіки контенту, композиції, оформлення, образної системи інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр” (1992).

Об'єктом дослідження є інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік). Предметом дослідження є специфіка інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік). Мета дослідження – з'ясувати специфіку інтерв'ю в газеті “Кінокур'єр” (1992 рік).

Висновки. Отже, під час аналізу інтерв'ю, розміщених у газеті “Кінокур'єр” за 1992 рік, було з'ясовано, що активно відбувається процес деканонізації жанру інтерв'ю, у зв'язку із чим виникла нагальна проблема створення нової класифікації, що відтворює тенденцію поєднань різних жанрів у межах одного журналістського тексту. Інтерв'юери за допомогою заголовків інтерв'ю, що переважно містять висловлювання суб'єкта комунікації й привертають увагу реципієнта своїм оформленням, різноманітних запитань, фотографій інтерв'ююваних та реалізації емпатійного способу спілкування, що досягається різними засобами, намагаються розкрити багатогранність особистості інтерв'ююваного, презентуючи багатство його внутрішнього світу, а також надати реципієнту якомога більше цікавої інформації про суб'єкт комунікації, що, на нашу думку, стало одним із чинників активізації вищезгаданого поєднання жанрів.

Ключові слова: деканонізація жанру, образ інтерв'юера, образ інтерв'ююваного, журналістський текст, поєднання жанрів.

Submitted to the editor – 11.02.2020

Reviewed – 16.03.2020

Accepted for printing – 29.03.2020

Подано до редакції – 11.02.2020

Рецензовано – 16.03.2020

Прийнято до друку – 29.03.2020

APPLICABLE
SOCIO-COMMUNICATION TECHNOLOGIES
ПРИКЛАДНІ
СОЦІАЛЬНО-КОМУНІКАЦІЙНІ ТЕХНОЛОГІЇ

UDC 007:304:659

Social and Communication Project Initiatives for People with Disabilities in Ukraine

Anastasiia Bessarab,

Doctor of Science in Social Communications, Associate Professor,
Professor of Special Pedagogy and Special Psychology Department,
staicy@ukr.net, ORCID: 0000-0003-3155-5474, Scopus Author ID: 57211852356,
Municipal Institution of Higher Education «Khortytsia National Educational Rehabilitation
Academy» of Zaporizhzhia Regional Council, Science town str., 59 (island Khortytsia), Zaporizhia,
69017, Ukraine

Tetiana Hyrina,

Candidate of Sciences in Social Communications, Associate Professor,
Docent of Journalism, Ukrainian Philology and Culture Department,
hirinatyana@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1587-8767,
University of the State Fiscal Service of Ukraine,
University str., 31, Irpin, 08200, Ukraine

Irina Antonenko,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Docent of Special Pedagogy and Special Psychology Department,
irinaantonenko80@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4612-6568,
Municipal Institution of Higher Education «Khortytsia National Educational Rehabilitation
Academy» of Zaporizhzhia Regional Council, Science town str., 59 (island Khortytsia), Zaporizhia,
69017, Ukraine

Yana Zoska,

Doctor of Social Sciences, Professor,
Professor at Sociology and Social Work Department,
zoskayana@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0407-1407,
Classical Private University,
Zhukovskoho str., 70b, Zaporizhzhia, 69002, Ukraine

ANNOTATION

The purpose of the study is to formulate an overall picture of social and communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine. The achievement of this goal included the fulfillment of the following tasks: to analyze the literature on the topic; to systematize social and

communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine.

Research methods and techniques. The research used a set of methods: analysis and synthesis, descriptive and comparative method, method of grouping and systematization, content analysis during the study of the sources on the topic and grouping of social and communication projects, which have been under consideration in seven directions.

Results. Media or other project initiatives oriented on the socialization of people with disabilities have been systematized by productive directions: audiovisual content provided by television and cinema; text information in digital format and offline; images, including photos; radio broadcasting and a wide range of audio material; theater performances; museum excursions; specialized services offered by the libraries.

Conclusions. In Ukraine competitive quality models of project activity in the social sphere have been developed. A participant-friendly social model of a national inclusive media space adapted to the needs of people with disabilities and which meets the needs and expectations of the majority encompasses not only mass communication media through audiovisual, print, digital media but also innovative integrated platforms, which are the part of the theater, cinema, library initiatives, museum projects. All this makes us consider them friendly to the audience with different needs, tastes, and visions of the communication process. Within the scientific discourse, the comprehension of this problem is promising, given the professional interaction of researchers of architectonics of media strategies, social workers who are deeply aware of the needs of people with disabilities and representatives of the latter, who can evaluate and adjust the developed models of establishing communication relationships in modern inclusive multi-platform media space.

Key words: social and communication initiatives, project, elastic web theory, expert survey, people with disabilities.

Соціальнокомунікаційні проєктні ініціативи для людей з інвалідністю в Україні

Анастасія Бессараб,

доктор наук із соціальних комунікацій, доцент,
професор кафедри спеціальної педагогіки та спеціальної психології,
КЗВО «Хортицька національна навчально-реабілітаційна академія» ЗОР.

Тетяна Гиріна,

кандидат наук із соціальних комунікацій, доцент,
доцент кафедри журналістики, української словесності та культури,
Університет державної фіскальної служби України.

Ірина Антоненко,

кандидат психологічних наук, доцент,
доцент кафедри спеціальної педагогіки та спеціальної психології,
КЗВО «Хортицька національна навчально-реабілітаційна академія» ЗОР.

Яна Зоська,

доктор соціологічних наук, професор,
професор кафедри соціології та соціальної роботи,
Класичний приватний університет.

According to the State Statistics Service of Ukraine, as of the beginning of 2019, there are more than 2.5 million (2 659 679) persons with disabilities in the country (Senyk, 2019: 66), or 6.35% of the official total population (41 868 299 persons (Chyselnist naseleння, 2019)). As a percentage of the results of the electronic census survey released in early 2020 by the Cabinet of Ministers, the number of people with disabilities is 7.13%. For comparison, in 2001, when the census survey was conducted, this ratio was 5.36%, and in the early 1990s, it was only 3% (Kravchenko, 2010: 1). M. Kravchenko, a researcher of pressing challenge of social protection of disabled people in Ukraine, sees the reasons for the alarming statistics in «contradictory socio-economic development of Ukrainian society, which reduced the standard of living of most people, in the weakness of health care system, insufficient safety and labor protection, low level of ecological culture, the presence of various disasters – natural, environmental, military ones, including the consequences of World War II, the wars in Afghanistan and other territories, the Chernobyl disaster» (Kravchenko, 2010: 1). Since 2014, these statistics have been increased by the number of people affected by the Joint Forces operation in the Donetsk and Luhansk regions.

Inclusive forms of information presentation considered within the scope of this study have been disclosed in publications of Ukrainian and international scholars such as N. Bank-Mikkelsen (Bank-Mikkelsen, 1969: 227–254), B. Nirje (Nirje, 1994: 19–23), J. Kaur and B. Arora (Kaur, Arora, 2014: 59), S. Peters (Peters, 2014: 46), W. Mitiku, Y. Alemu, S. Mengsitu, (Mitiku, Alemu, Mengsitu, 2014: 118–136), D. Konza (Konza, 2008) and others. In the Ukrainian scientific discourse, the opinions of the leading theorists of inclusion in the media have developed thanks to L. Khavkina (Khavkina, 2014: 5–10), T. Hyrina (Hyrina, 2017: 85–90), A. Kolupaieva (Kolupaieva, 2012), V. Zasenka, Zh. Hrinevych, Yu. Naida, V. Zhuk, N. Sofii (Zasenka, Hrinevych, Naida, Zhuk, & Sofii, 2007). The inclusive education theory is described by N. Groznaia (Groznaia, 2006: 89–104) and supplemented by considerations of A. Rimmerman (Rimmerman, 2014) about the exclusive social isolation of people with disabilities.

To build a system of social communication project infrastructure for people with disabilities in Ukraine, where media projects initiated for them need to increase the involvement in the general media context, the theory of «elastic web» is valuable. At the core of this process is a media project, which, according to M. Sokolov, is «an activity based on electronic media resources, which has a common problem, purpose, coordinated methods, ways of activity aimed at achieving a common result» (Sokolov, 2013).

The purpose of the study is to formulate an overall picture of social communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine. To achieve this goal it was needed to execute the following tasks: to analyze the literature on the topic; to systematize social communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine.

Research methods and methodology.

The study used a set of methods, in particular:

– *analysis* – to find out the reasons for the increase of persons with disabilities; identification of the circle of Ukrainian and international scholars and their publications on coverage of inclusive forms of information presented in the media for persons with disabilities; social communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine;

– *content analysis of statistical information sources* – to obtain data on the number of persons with disabilities in Ukraine;

– *descriptive method* – to characterize the content and essence of the latest social communication initiatives for people with disabilities in Ukraine;

– *comparative method* – to determine the trend of increasing the number of persons with disabilities in Ukraine over two decades; to characterize the institutional and organizational

structure of coordinating the journalists' activities in the coverage of the problems of persons with disabilities in Ukraine and the USA; existent and regulatory settled practices of sign language in Ukraine; clarification, within each outlined analysis direction, the specifics of implementing of inclusive initiatives at various media channels;

– *grouping and systematization method* – to reflect the modern system of social communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine in seven directions;

– *synthesis* – to formulate conclusions on the overall picture of implemented social communication project initiatives for people with disabilities in Ukraine.

The methodological basis for the study of inclusive media space of Ukraine is the theory of systems, which explains the efficiency of the whole system functioning depending on the smooth functioning of its elements, their interaction, the number and elasticity of connections between them. To explain the effect of the coordinated interaction of elements, the principle of synergism, which characterizes the activity of the system as more efficient than the total activity of its elements, was used. This thesis is very useful in understanding the complex, coordinated implementation of a project activity system to transform the country's inclusive media space.

Results and discussions.

A participant-friendly social model of national inclusive media space, which is adapted to the needs of people with disabilities and meets the needs and expectations of the majority, covers not only mass communication media, which disseminate information through audiovisual, print, digital media but also innovative integrated platforms as part of examples of theatre and cinema art, library initiatives, museum projects, full-scale event and competition events, that can be considered as friendly to an audience with different needs, tastes, and visions of the communication process.

As far as Ukraine still does not have a profile organization, activities of which would be aimed at «providing support and guidance to journalists in the coverage of problems of disabled people» (National Center on Disability and Journalism), similar to the National Center on Disability and Journalism of Walter Cronkite School of Journalism and Mass Communication based at Arizona State University in the United States, there is the need for complex comprehension of existing media or other project initiatives, oriented towards socialization of people with disabilities, systematized by us in seven productive directions. Let's consider each of them in more detail.

1. The provision of access to cinema art and television information using sign language in Ukraine at the expense of state order is entrusted to a public broadcaster. According to official data, at the end of 2018, the «sign language translation, introduced on the TV channels of 18 branches of UA: PBC, averaged 40 minutes per 24-hour period. In 2018, news editions, Paralympics and Easter liturgies were translated into sign language» (Tekuchova, & Sachuk, 2019: 21). The commitments to monitor abundance by the quality of the right amount of such content is assigned to the National Television and Radio Broadcasting Council of Ukraine. Meanwhile, «movie subtitles have never had the conscious purpose of meeting the needs of hearing-impaired people. The subtitles are often lacking in “linguistic quality” and are broadcasted on a non-contrasting background» (Olha Herasym'iuk, 2015). Despite the declaratory intent announced back in 2012 to oblige «broadcasters to translate in sign language and/or subtitle at least 50% of daily broadcasts by 2020» (Movnykiv khochut zoboviazaty, 2017), and even despite of the introduction of relevant bill drafts, at the beginning of 2020, it is over-optimistic to talk about the corresponding changes.

«The development of the Ukrainian Sign Language as the main or one of the main means of communication for sign language persons» is declared as one of the leading tasks in the Law of Ukraine «On Ensuring the Functioning of the Ukrainian Language as the State Language» in 2019 (Pro zabezpechennia funktsionuvannia ukrainskoi movy yak derzhavnoi, 2019). The Art. 4 of this Law enshrines the status of Ukrainian Sign Language: «In Ukraine, everyone is guaranteed the right to freely use Ukrainian Sign Language in public life, to study and support it, as well as to study in Ukrainian Sign Language» (Pro zabezpechennia funktsionuvannia ukrainskoi movy yak derzhavnoi,

2019). However, this provision is not consistent with the profile Law of Ukraine in the media sphere, that is the Law «On Television and Radio Broadcasting», and no amendments have been introduced into it. Currently, the use of sign language duplication is non-systematic and occasional. All the more valuable is the example of the «Priamyi» (Direct) TV channel, which daily broadcasts «Novyny Zhestovoiu Movoioiu» (News in Sign Language) in the evening air time-slot from 19:45 to 20:00 (Prohrama teleperedach, 2020).

While television broadcasters are occasionally duplicating the air content, activists are taking effective measures to facilitate access to media content for people with visual and hearing disabilities. An example of such an initiative is the activities of the non-governmental «Borotba za Prava» (Fight for Rights) organization, whose members are implementing the «Dostupne Kino» (Accessible Cinema) project to ensure access for Ukrainians with visual and hearing impairments to the visual arts. Its essence is to «make video content (movies, series, cartoons) accessible to the visually and hearing impaired people by creating audio presentments and adapted subtitles, and placing them on Earcatch and Subcatch mobile platforms» (Dostupne kino, 2019). For this purpose, open access is already available for downloading relevant applications through the Google Play Store: Earcatch with comments for visually impaired people; Subcatch with adapted subtitles for hearing impaired people.

The application scans the sounds with the TV or movie content running for playback and synchronizes their work within seconds, allowing the user to access the full media content of the selected artwork. Short audio comments that accurately describe the action on the screen or close captions for dialogues of the characters enable people with visual or hearing disabilities to have access to the cinema, and the ambitious goal of the project organizers is to make accessible all movies distributed in Ukraine.

Similar technologies have been successfully introduced in the world for decades. As for Ukraine, at the end of 2019, two movies were released in theatres, and they were produced with the technology of audio descriptive commentary. This is «the film by the famous Polish director, Oscar nominee A. Holland “Tsina Pravdy” (“The Price of Truth”; original title is “Mr. Jones”) and the Ukrainian documentary “Vdyvliaiuchys u Temriavu” (Peering Into Darkness) about anti-terrorist operation veteran V. Halitsyn who lost his sight in the war» (Ivanukha, 2019).

Meanwhile, audiovisual content is often a leading channel of access to information from the outside world, as according to the Analytical Report prepared within the «Moia Uchast Vazhlyva» (My Participation is Important) project by the non-governmental «Borotba za Prava» (Fight for Rights) organization, with the support of the US Embassy Democracy Commission Small Grants Program in Ukraine, «80% of people located into psychoneurological residential facilities in Ukraine are not educated to read and write» (Tekuchova, & Sachuk, 2019: 22). The authors of the project I. Tekuchova and Yu. Sachuk also emphasize that «by the end of 2019, “simplified reading” format has not been introduced in Ukraine» (Tekuchova, & Sachuk, 2019: 22), and do not mention it among legislative initiatives.

It is currently being announced about the BOSIFEST international festival of films (Belgrade, Serbia, October 19–21, 2020) about people with disabilities, as well as films made by such people. The competition accepts documentaries up to 100 minutes in Serbian or English, created in the last five years. This will be the 11th such festival (BOSIFEST 2020).

2. Again, the civic initiative is on the guard of progress in the issue of access to information for people with disabilities. The problem of accessing textual information in digital format and offline is relevant for people with various forms of disability, both at the physical and psychological levels. According to researchers, the Braille tactile writing system is hard to understand and cost-intensive in the production of books but is used mostly by older Ukrainians who are unable to master specialized digital platforms or do not have access to them.

The «Nichoho Dlia Nas Bez Nas» (Nothing for Us Without Us) guidelines for inclusive decision making for government bodies, developed within the «Inklyuzyvni Rishennia Dlia

Rivnopravnoho ta Vidpovidalnoho Suspilstva» (Inclusive Solutions for Equal and Responsible Society) project with the financial support of the European Commission and the British Council, offers principles for the universal design of a digital page for reproduction by people with disabilities. Among them are the following principles: «equal use, flexibility in use; easy and convenient to use; perception of information regardless of the sensory capabilities of users; admissibility of errors; low level of physical effort; size and space for approach and use» (Azin, Baida, Goss, Zhdan, Sukhinina, & Fletcher, 2015: 62). Emphasis is placed on the prospect of introducing an «easy reading» model, which is a text, not overloaded with words and complex speech patterns, but instead, it is saturated with additional visual and expressive elements, audio files, light words, increased font size. At the same time, the text should not be oversaturated informatively and be structured for easy surfing through the document parts or pages (Azin, Baida, Goss, Zhdan, Sukhinina, & Fletcher, 2015: 65).

For example, for readers with visual impairments, prone to dyslexic difficulties in reading and counting, those with attention deficit hyperactivity disorder, Ukrainian artist O. Petrenko-Zanevskyi and researcher R. Ivanus in cooperation with the «Sotsialna Synerhiia» (Social Synergy) public organization and UNICEF Ukraine for the first time in Ukraine developed a special «Inclusion UKR» font of the Ukrainian alphabet. It is unique in its intended use by readers with a variety of problems related to the letter recognition difficulties, and it is also suitable for printing educational textbooks and periodicals. The font is currently open for free use for the design of nonprofit projects focused on inclusive space formation (Zavantazhyty shryft Inclusion UKR, 2019).

Among the periodicals addressed to the visually impaired people, there is the «Shkoliar» (Schoolchild) children's monthly magazine, the «Zaklyk» (Calling) journal, the «Promin» (Beam) newspaper. Mentioned periodicals are under the custody of all-Ukrainian voluntary non-governmental «Ukrainian Association of the Blind» organization of the visually impaired people. Accumulating their limited technological and financial capabilities, editors have the experience of preparing the audio format of particular publications and systematically publish new issues of specialized periodicals, where you can find the answers to urgent questions, the solutions to which are part of the daily concerns of the visually impaired people (Periodychni vydannia UTOS, 2019).

3. The so-called «clip way of thinking», characterized by a change in the imbalance of text and images in favor of the latter, peculiar to the hedonistic needs of demanding users of digital platforms, in an inclusive media space, performs an objectively justified function of facilitating perception. The «Peremozhtsi» (Winners) social multi-media project of «1+1» TV channel and «VIVA!» magazine was launched in 2016 and gained wide media coverage and viral spread. Insightful and inspiring photos, and later, an art video of «people with unlimited abilities, anti-terroristic operation veterans and Paralympians who lost body parts» (Usia zala na tseremonii «VIVA! Naikrasyvishi», 2018), made by O. Morderer and T. Rublova with the mentorship of the «1+1» TV channel presenter S. Vitvitska, without exaggeration, were seen by the whole world. The leitmotif of the 18 life stories told by the project participants in 2016 and in subsequent seasons was, in particular, the desire to support and demonstrate a positive example for people with disabilities who are not yet involved in the social process and do not dare to become active members in it.

4. For Ukrainians with difficulties in visual perceiving of media content, the true window to the vibrant world of media content is radio broadcasting and a wide range of audio material the access to which is simplified in the digital age. Admittedly, «in Ukraine, unlike other foreign countries, radio broadcasting for visually impaired people has not yet acquired any signs of systematicity. However, there are occasional attempts to address this issue, especially on the eve of the International Day of People with Disability (December 3) or International Day of the Blind (November 13)» (Hyrina, 2016: 39–43). Even more valuable are the available specialized radio programs, including «Spodivatysia» (Hope) on the air of the First Channel of Ukrainian Radio, addressed to Ukrainians with disabilities. For interested listeners, there are life stories, as well as

comments on the pressing issues facing people with disabilities (Radioprohrama «Spodivatysia», 2019).

Continuing the initiative activity in the sector, let us recall the «Audioknyhy dlia Liudei iz Vadamy Zoru» (Audiobooks for the Visually Impaired People) project, implemented with the participation of the Journalism Institute of Taras Shevchenko National University of Kyiv students. Among the prepared are «audiobooks with the poetry of Ukrainian futurists of the early XXth century, namely: M. Semenko, K. Burevii, H. Shkurupii, O. Vlyzko and O. Slisarenko» (Audioknyhy dlia slipykh: «voskresinnia» ukrainskykh futurystiv, 2009). In 2017, another journalistic initiative within the all-Ukrainian «Ozvuchymo Knyhy dlia Nezriachykh» (Let us Voice Books for the Blind) action united coworkers around the aim to create audiobooks, following more than 20 works of Ukrainian and international writers, which were issued in A. Antonenko publishing company (Zhurnalisty nachytaiut ponad 20 audioknyh dlia liudei z vadamy zoru, 2017).

Unique to the Ukrainian media space is the figure and career path of V. Noskov, formerly staff correspondent of the «Radio Era FM» in Kharkiv, later on, the correspondent of the «Radio Liberty» Ukrainian Service, an employee of «Hromadske Radio» (Public Radio), and in 2019 a producer of «Ukrainske Radio. Kharkiv» (Ukrainian Radio. Kharkiv) (Zhuk, 2019). In addition to a productive career in journalism, the visually impaired man has experience in filmmaking, holds master classes in radio journalism and leads an active social lifestyle. The journalist proved by his example that personal initiative is important, and his colleagues and activists of public associations, implementing some specialized projects, replaced by their work the state sector, which in the issues of an inclusive media space formation withdrew from competition with the public sector and often reserved for itself a function of a supervisor or even a passive observer.

5. At the level of personal communication, the Ukrainian social inclusive space is constantly increasing with internationally competitive initiatives. The convergence of the social space of the «majority» and people with disabilities is possible, first of all, through the formation of shared open spaces for interaction, the creation of platforms that will unite around common preferences and experiences. The greatest opportunities for this process can be found in the fields of culture and art. Once again, they bear witness to the role of personality and the value of ideas that can unite like-minded people with distinct social roles. One of such platforms is the «Tochka Zoru» (Point of View) theater performance of Ukrainian Malyi Drama Theater stage director A. Turlo. At the beginning of 2019, a graduate of the theater school, on the air of Ukrainian radio, described her diploma project as follows: «The target audience of the “Tochka Zoru” is 16+. It is for everybody, there is no restriction here, it is because of the performance specifics. It takes place in total darkness, and this is not the first such performance, it is not some innovation. In Ukraine, yes, this is a relative innovation. I know of two performances in Ukraine that take place in complete darkness. They are on different topics and have different goals. We position our performance as a social project, we talk about the lives of visually impaired people» («Moiu doliu zminyv napys na stini» – rezhyser teatru Anna Turlo, 2019). A year later, an evening, or theatrical fantasy, as the project is labeled by its authors, continues to garner grateful viewers (Tochka zreniya, 2020).

The plot of the performance in the complete darkness is based on the eponymous essays by Lesia Ukrainka and O. Kobylanska «Slipets» (The Blind Man), supplemented by the author's reflections on the socialization of the visually impaired people and the role in this process of a hostile or open society. The stage director noted that the reality of the presented story is not least achieved by the actors through the experience of communicating with visually impaired people. The theatrical performance that brought together visually impaired people and those who for half an hour could experience the everyday complications, which are constantly encountered by the visually impaired people, inevitably generates sympathy and leads to catharsis. This is what the social mission of performing for the visually impaired people and about them is.

6. Another communication platform, which can claim the status of friendly for establishing communication between people with and without visual impairment, is implemented as museum

excursions, which are offered in Kyiv museum in the dark «Tretia Pislia Opivnochi/03:00» (Three in the Morning / 3:00). Small groups of visitors have a choice of such excursions, as «Prohulianka v Temriavi» (Walk in the Dark), «Pobachennia v Temriavi» (Date in the Dark), «Kvest Vidchuttiv» (Quest of Perceptions), as well as school excursions and educational-entertaining meetings for various groups. According to the initiative participants, it is a «place where you can see more without looking» (Muzei v temriavi «Tretia pislia opivnochi/03:00», 2020), and for an hour and a half guests have the opportunity to visit five locations with a total area of 150 sq. m. and in complete darkness repeat their daily routine, including road orientation. After that, the visitors will be trained in the basics of writing in Braille script, guessing voluminous sculptures and drawings, as well as playing games in light-proof masks for school children and other entertainment. It is important to emphasize that «this is the only museum in Ukraine where all excursions take place in complete darkness» (Muzei v temriavi «Tretia pislia opivnochi/03:00», 2020), and all guides that will accompany the exposition visitors during their stay at the locations, are visually impaired. In early 2020, 19,000 people visited the museum, nine thousands of whom were children.

7. Although an initiative of this type and similar initiatives aimed at forming an «elastic web» of inclusive socio-communicative media space is new for Ukraine, it is precisely the project approach to its design that demonstrates mobility, modularity and viability in the Ukrainian society. Such initiatives, often supported by international donors, are multiplied in the state sector as well. For example, among the services of M. Ostrovskiy Central Specialized Library for the Blind, there is an opportunity to use the Internet center for free. With the financial support of the Public Affairs Section of the US Embassy in Ukraine, options for scanning, text editing with a Braille display, printing on a regular and Braille printer are available to visitors. Other services include converting to audio format, access to the World Wide Web, if necessary, support by a library consultant, obtaining information from a digitized periodically updated legislative framework. And all this with the aim of «creating conditions for maximum rehabilitation of people with visual impairments, their integration into society, organization of equal access to education, improvement of professional level, organization of leisure activities» (Pro biblioteku, 2020).

Conclusions

The study systematized social and communication project initiatives focused on the socialization of people with disabilities in seven productive directions: audiovisual content offered by television and cinema art; text information in digital format and offline; images, including photos; radio broadcasting and a wide range of audio material; theater performances; museum excursions; specialized services offered by libraries. Within the scientific discourse, understanding this problem is promising, under the condition of the professional interaction of researchers of architectonics of media stratagems, social workers who are aware of the needs of people with disabilities and representatives of the latter, who can evaluate and adjust the developed models of establishing communications in a modern inclusive poly-platform media space.

References

- Азін, В. О., Байда, Л. Ю., Госс, Н., Ждан, П.М., Сухініна, І. М., & Флетчер, А. (2015). Нічого для нас без нас: посібник з інклюзивного прийняття рішень для державних органів. Київ : Ленвіт.
- Аудіокниги для сліпих: «воскресіння» українських футуристів. (2009). *Ресурсний центр Гурт*. URL: <https://gurt.org.ua/news/events/6055/>
- Гиріна, Т. (2016). Орієнтація радіостанції на аудиторію: формування інклюзивного простору в комунікуванні незрячих, *Держава та регіони. Серія: Соціальні комунікації*, 2 (26), 39–43.
- Гиріна, Т. С. (2017). Рівні трансформації українськомовного радіомовлення: вимір медіапростору для слабоворих, *Образ*, 4 (26), 85–90.

- Грозная, Н. (2006). Включающее образование. История и зарубежный опыт, *Вопросы образования*, 2, 89–104.
- Доступне кіно. *Громадська організація Боротьба за права*. (2019). URL: <https://www.ffr.org.ua/projects/dostupne-kino>.
- Жук О. Продюсер «Українського радіо. Харків» Володимир Носков: «Ми стали тим ЗМІ, куди хочуть прийти». *Суспільне. DetectorMedia*. (2019). URL: https://stv.detector.media/reformuvannya/radio/prodyuser_ukrainskogo_radio_kharkiv_volodimir_noskov_mi_stali_tim_zmi_kudi_khochut_priyti/.
- Журналісти начитають понад 20 аудіокниг для людей з вадами зору. *Громадське радіо*. (2017). URL: <https://hromadske.radio/podcasts/rankova-hvylya/zhurnalisty-nachytayut-ponad-20-audioknyg-dlya-lyudey-z-vadamu-zoru>
- Завантажити шрифт Inclusion UKR для некомерційного використання. *Соціальна синергія*. (2019). URL: <https://social-synergy.org/inclusion-ukr-download/>
- Засенко, В. В., & Софій, Н. З. (Ред.). (2007). Інклюзивна освіта: стан і перспективи розвитку в Україні: наук.-метод. зб. до Всеукр. наук.-практ. конф. в рамках реалізації проекту «Створення ресурсних центрів для батьків дітей з особливими освітніми потребами» за підтримки програми IBPP – TACIS Європейської комісії. Київ : Придатченко П. М., 2007. 180 с.
- Івануха, М. (2019). «Ціна правди» для всіх: в Україні адаптували для незрячих і нечуючих фільм про Голодомор. *Радіо Свобода*. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/30294308.html>
- Колупаєва, А. (Ред.). (2012). Основи інклюзивної освіти. Київ : А.С.К.
- Кравченко, М. В. (2010). Актуальні проблеми соціального захисту інвалідів в Україні, *Державне управління: теорія та практика*, 2010, 2. URL: www.academy.gov.ua/ej/ej12/txts/10kmvziu.pdf
- Мовників хочуть зобов'язати до 2020 року транслювати половину контенту із сурдоперекладом або субтитрами. *Детектор Медіа*. (2017). URL: <https://detector.media/rinok/article/122880/2017-02-06-movnikiv-khochut-zobovyazati-do-2020-roku-translyuvati-polovinu-kontentu-iz-surdoperekladom-abo-subtitrami/>
- «Мою долю змінив напис на стіні» – режисер театру Анна Турло. *Українське радіо*. (2019). URL: <http://www.nrcu.gov.ua/news.html?newsID=86769>.
- Музей в темряві «Третя після опівночі / 03:00». *03:00*. (2020). URL: <http://www.0300.com.ua/>
- Ольга Герасим'юк: Чи стане наше телебачення ближчим до людей з обмеженими можливостями? («Mediasapiens»). *Національна рада України питань телебачення і радіомовлення*. (2015). URL: <https://www.nrada.gov.ua/olga-gerasym-yuk-chy-stane-nashe-telebachennya-blyzhchym-lyudej-z-obmezhenymy-mozhlyvostyamy-mediasapiens/>
- Періодичні видання УТОС. *Українське товариство сліпих*. (2019). URL: <http://cputos.org.ua/periodychni-vydannya-utos/hazeta-promin/gazeta-promin-za-2019-rik/>
- Про бібліотеку. *Центральна спеціалізована бібліотека для сліпих ім. М. Островського*. (2020). URL: <https://csbs.org.ua/2009-10-13-06-32-52>.
- Програма телепередач. *Телеканал Прямий*. (2020). URL: <https://prm.ua/teleprogramma/>
- Про забезпечення функціонування української мови як державної: Закон України. *Законодавство України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19>.
- Радіопроект «Сподіватися». (2019). URL: <http://www.nrcu.gov.ua/prog.html?id=544>
- Сеник, І. (2019). Соціальний захист населення України. Київ : Державна служба статистики України.
- Соколов, М. (2013). Сетевой медиапроект как средство формирования готовности к профессиональному саморазвитию будущего педагога, *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10, 68–73.
- Текучова, І., & Сачук, Ю. (2019). Play off виборчої ліги: Держава проти людей з інвалідністю.

- Київ: Громадська організація «Боротьба за права».
- Точка зрення. *Kontramarka*. (2020). URL: <https://kontramarka.ua/ru/tocka-zoru-54501.html>
- Уся зала на церемонії «VIVA! Найкрасивіші» аплодувала Переможцям стоячи. (2018). *Телеканал 1+1*. URL: <https://1plus1.ua/viva-najkrasivisi/novyny/usa-zala-na-ceremonii-viva-najkrasivisi-aploduvala-peremozcam-stoaci>
- Хавкіна, Л. (2014). Соціокомунікаційні можливості адаптації та інтеграції осіб із особливими потребами в умовах інформаційного суспільства, *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Соціальні комунікації*, 1143, 5–10.
- Чисельність населення (за оцінкою) на 1 грудня 2019 року та середня чисельність у січні-листопаді 2019 року. *Державна служба статистики України*. (2019). URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/ukr/news/op_popul.asp
- Bank-Mikkelsen, N. E., & Wolfensberger, W. (1969). Changing Patterns in Residential Services for the Mentally Retarded. In *A Metropolitan Area In Denmark: Copenhagen*. Washington: President's Committee on Mental Retardation (pp. 227–254).
- BOSIFEST 2020 – The Eleventh Belgrade International Film Festival for and by People with Disabilities. Retrieved from <http://www.bosifest.rs/eng/>
- Kaur, J., & Arora, B. (2014). Inclusive education – an integrated approach, *International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature*, 2 (1), 59–64.
- Konza D. Inclusion of students with disabilities in new times: responding to the challenge. *University of Wollongong Australia*. 2008. Retrieved from <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1036&context=edupapers>
- Mitiku, W., Alemu, Y., & Mengsitu, S. (2014). Challenges and Opportunities to Implement Inclusive Education, *Asian Business Consortium. AJHAL*, 1 (2), 118–136.
- National Center on Disability and Journalism. Retrieved from <https://ncdj.org/about/>.
- Nirje, B. (1994). The Normalization Principle and its Human Management Implications. Classic Article from 1969, *The International Social Role Valorization Journal*, 1 (2), 19–23. Retrieved from https://www.canonsociaalwerk.eu/2008_inclusie/The%20Normalization%20Principle%20and%20Its%20Human%20Management%20Implications.pdf
- Peters, S. (2014). Inclusive education: an EFA strategy for all children. *World bank*. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.506.4948&rep=rep1&type=pdf>
- Rimmerman, A. (2014). *Social Inclusion of People with Disabilities. National and International Perspectives*. New York : Cambridge University Press

References

- Azin, V. O., Baida, L. Y., Goss, N., Zhdan, P.M., Sukhinina, I. M., & Fletcher, A. (2015). *Nichoho dlia nas bez nas: posibnyk z inkluzyvnoho pryiniattia rishen dlia derzhavnykh orhaniv [Nothing for us without us: a guide to inclusive decision making for government bodies]*. Kiev : Lenwith (in Ukrainian).
- Audioknyhy dlia slipykh: «voskresinnia» ukrainskykh futurystiv [Audiobooks for the visually impaired: the «Resurrection» of Ukrainian futurists]. (2009). *Resursnyi tsentr Hurt – Group Resource Center*. Retrieved from <https://gurt.org.ua/news/events/6055/> (in Ukrainian).
- Hyrina, T. (2016). Oriientatsiia radiostantsii na audytoriiu: formuvannia inkluzyvnoho prostoru v komunikuvanni nezriachykh [Orientation of the radio station to the audience: formation of inclusive space in communication of the visually impaired]. *Derzhava ta rehiony. Serii: Sotsialni komunikatsii – State and Regions. Series: Social Communications*, 2 (26), 39–43 (in Ukrainian).
- Hyrina, T. S. (2017). Rivni transformatsii ukrainskomovnoho radiomovlennia: vymir mediaprostoru dlia slabozorykh [Transformation levels of Ukrainian-language radio broadcasting: measurement of media space for the visually impaired]. *Obraz – Image*, 4 (26), 85–90 (in

- Ukrainian).
- Groznaia, N. (2006). Vkluchayushche obrazovanie. Istoriya i zarubezhny'j opyt [Inclusive education. History and international experience]. *Voprosy' obrazovaniya – Education issues*, 2, 89–104 (in Russian).
- Dostupne kino [Accessible cinema]. (2019). *Hromadska orhanizatsiia Borotba za prava – Fight for Rights non-governmental organization*. Retrieved from <https://www.ffr.org.ua/projects/dostupne-kino> (in Ukrainian).
- Zhuk, O. (2019). Prodiuser «Ukrainskoho radio. Kharkiv» Volodymyr Noskov: «My staly tym ZMI, kudy khochut pryity» [Producer of «Ukrainian Radio. Kharkiv» Volodymyr Noskov: «We have become the media they want to visit»]. *Suspilne. DetectorMedia – Public. DetectorMedia*. Retrieved from https://stv.detector.media/reformuvannya/radio/prodyuser_-ukrainskogo_radio_kharkiv_volodimir_noskov_mi_stali_tim_zmi_kudi_khochut_pryiti/ (in Ukrainian).
- Zhurnalisty nachytaiut ponad 20 audioknyh dlia liudei z vadamy zoru [Journalists will record over 20 audio books for the visually impaired people]. (2017). *Hromadske radio – Public radio*. Retrieved from <https://hromadske.radio/podcasts/rankova-hvylya/zhurnalisty-nachytaiut-ponad-20-audioknyg-dlya-lyudey-z-vadamy-zoru> (in Ukrainian).
- Zavantazhyty shryft Inclusion UKR dlia nekomertsiiinoho vykorystannia [Download Inclusion UKR font for non-commercial use]. (2019). *Sotsialna synerhiia – Social synergy*. Retrieved from <https://social-synergy.org/inclusion-ukr-download/> (in Ukrainian).
- Zasenko, V. V., & Sofii, N. Z. (Ed.). (2007). Inkluzivna osvita: stan i perspektyvy rozvytku v Ukraini: nauk.-metod. zb. do Vseukr. nauk.-prakt. konf. v ramkakh realizatsii proektu «Stvorennia resursnykh tsentriv dlia batkiv ditei z osoblyvymy osvithnyimi potrebamy» za pidtrymky prohramy IBPP – TESIS Yevropeiskoi komisii [Inclusive education: state and prospects for development in Ukraine: scientific and methodological collection for the all-Ukrainian scientific and practical conference within the framework of the «Creating Resource Centers for Parents of Children with Special Educational Needs» project with the support of the European Commission's IBPP program]. Kiev : Prydatchenko P.M. (in Ukrainian).
- Ivanukha, M. (2019). «Tsina pravdy» dlia vsikh: v Ukraini adaptuvaly dlia nezriachykh i nechuiuchykh film pro Holodomor [«The Price of Truth» for all: in Ukraine, a movie about the Holodomor (Famine-Genocide) was adapted for the people with sight and hearing disabilities]. *Radio Svoboda – Radio Liberty*. Retrieved from <https://www.radiosvoboda.org/a/30294308.html> (in Ukrainian).
- Kolupaieva, A. (Ed.). (2012). *Osnovy inkluzyvnoi osvity [Fundamentals of inclusive education]*. Kiev : A.S.K. (in Ukrainian).
- Kravchenko, M. V. (2010). Aktualni problemy sotsialnoho zakhystu invalidiv v Ukraini [Current issues of social protection of persons with disabilities in Ukraine]. *Derzhavne upravlinnia: teoriia ta praktyka – Public administration: theory and practice*. Retrieved from www.academy.gov.ua/ej/ej12/txts/10kmvziu.pdf (in Ukrainian).
- Movnykiv khochut zoboviazaty do 2020 roku transliuvaty polovynu kontentu iz surdoperekladom abo subtytramy [They want to oblige broadcasters by 2020 to broadcast half of the content with sign language interpretation or subtitles]. (2017). *Detektor Media – Media Detector*. Retrieved from <https://detector.media/rinok/article/122880/2017-02-06-movnykiv-khochut-zoboviazati-do-2020-roku-translyuvati-polovynu-kontentu-iz-surdoperekladom-abo-subtytrami/> (in Ukrainian).
- «Moiu doliu zminyv napys na stini» – rezhyser teatru Anna Turlo [«My fate was changed by an inscription on the wall» – theater director Anna Turlo]. (2019). *Ukrainske radio – Ukrainian radio*. Retrieved from <http://www.nrcu.gov.ua/news.html?newsID=86769> (in Ukrainian).
- Muzei v temriavi «Tretia pislia opivnochi» [Museum in the Dark «Three in the Morning / 03:00»]. (2020). *03:00*. Retrieved from <http://www.0300.com.ua/> (in Ukrainian).

- Olha Herasym'yuk: Chy stane nashe telebachennia blyzhchym do liudei z obmezhenymy mozhlyvostyamy? («Mediasapiens») [Olha Herasym'yuk: Will our television be closer to people with disabilities? («Mediasapiens»)]. (2015). *Natsionalna rada Ukrainy pytan telebachennia i radiomovlennia – National Council of Ukraine for Television and Radio Broadcasting*. Retrieved from <https://www.nrada.gov.ua/olga-gerasym-yuk-chy-stane-nashe-telebachennya-blyzhchym-lyudej-z-obmezhenymy-mozhlyvostyamy-mediasapiens/> (in Ukrainian).
- Periodychni vydannia UTOS [UTOS Periodicals]. (2019). *Ukrainske tovarystvo slipykh – Ukrainian Association of the Blind*. Retrieved from <http://cputos.org.ua/periodychni-vidannya-utos/hazeta-promin/gazeta-promin-za-2019-pik/> (in Ukrainian).
- Pro biblioteku [About the Library]. (2020). *Tsentralna spetsializovana biblioteka dlia slipykh im. M. Ostrovskeho – M. Ostrovskiy Central specialized library for the blind*. Retrieved from <https://csbs.org.ua/2009-10-13-06-32-52> (in Ukrainian).
- Prohrama teleperedach [TV program]. (2020). *Telekanal Priamyi – Direct Channel*. Retrieved from <https://prm.ua/teleprogramma/> (in Ukrainian).
- Pro zabezpechennia funktsionuvannia ukraïnskoi movy yak derzhavnoi: Zakon Ukrainy [On Ensuring the Functioning of the Ukrainian Language as the State Language: The Law of Ukraine]. *Zakonodavstvo Ukrainy – The legislation of Ukraine*. Retrieved from <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19> (in Ukrainian).
- Radioprohrama «Spodivatysia» [«Hope» Program]. (2019). Retrieved from <http://www.nrcu.gov.ua/prog.html?id=544> (in Ukrainian).
- Senyk, I. (2019). *Sotsialnyi zakhyst naseleñnia Ukrainy [Social protection of the population of Ukraine]*. Kyiv : State Statistics Service of Ukraine (in Ukrainian).
- Sokolov, M. (2013). Setevoj mediaproekt kak sredstvo formirovaniya gotovnosti k professional'nomu samorazvitiyu budushhego pedagoga [Network media project as a means of forming readiness for professional self-development of a future teacher]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – News of Volgograd State Pedagogical University*, 10, 68–73 (in Russian).
- Tekuchova, I., & Sachuk, Yu. (2019). *Play off vyborchoi lihy: Derzhava proty liudei z invalidnistiu [Play-off of electoral league: the state against people with disabilities]*. Kyiv : «Borotba za Prava» public organization (in Ukrainian).
- Tochka zreniya [Point of view]. (2020). *Kontramarka*. Retrieved from <https://kontramarka.ua/ru/tocka-zoru-54501.html> (in Russian).
- Usia zala na tseremonii «VIVA! Naikrasyvishi» aploduvala Peremozhtsiam stoiachy [The whole hall at the «VIVA! Most Beautiful» gave the Winners a standing ovation]. (2018). *Telekanal 1+1 – 1 + 1 TV channel*. Retrieved from <https://1plus1.ua/viva-najkrasivisi/novyny/usa-zalana-ceremonii-viva-najkrasivisi-ploduvala-peremozcam-stoaci> (in Ukrainian).
- Khavkina, L. (2014). Sotsiokomunikatsiini mozhlyvosti adaptatsii ta intehratsii osib iz osoblyvymy potrebamy v umovakh informatsiinoho suspilstva [Socio-communication possibilities of adaptation and integration of persons with special needs in the conditions of information society]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu imeni V. N. Karazina. Seriya: Sotsialni komunikatsii – Bulletin of the V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Social Communications*, 1143, 6, 5–10 (in Ukrainian).
- Chyselnist naseleñnia (za otsinkoiu) na 1 hrudnia 2019 roku ta serednia chyselnist u sichni-lystopadi 2019 roku [Population (estimated) as of December 1, 2019 and average population in January-November 2019]. (2019). *Derzhavna sluzhba statystyky Ukrainy – State Statistics Service of Ukraine*. Retrieved from http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/eng/news/op_popul.asp (in Ukrainian).
- Bank-Mikkelsen, N. E., & Wolfensberger, W. (1969). Changing Patterns in Residential Services for the Mentally Retarded. In *A Metropolitan Area In Denmark: Copenhagen*. Washington :

- President's Committee on Mental Retardation (pp. 227–254) (in English).
- BOSIFEST 2020 – The Eleventh Belgrade International Film Festival for and by People with Disabilities. Retrieved from <http://www.bosifest.rs/eng/> (in English).
- Kaur, J., & Arora, B. (2014). Inclusive education – an integrated approach, *International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature*, 2 (1), 59–64 (in English).
- Konza D. Inclusion of students with disabilities in new times: responding to the challenge. *University of Wollongong Australia*. 2008. Retrieved from <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1036&context=edupapers> (in English).
- Mitiku, W., Alemu, Y., & Mengsitu, S. (2014). Challenges and Opportunities to Implement Inclusive Education, *Asian Business Consortium. AJHAL*, 1 (2), 118–136 (in English).
- National Center on Disability and Journalism. Retrieved from <https://ncdj.org/about/> (in English).
- Nirje, B. (1994). The Normalization Principle and its Human Management Implications. Classic Article from 1969, *The International Social Role Valorization Journal*, 1 (2), 19–23. Retrieved from https://www.canonsociaalwerk.eu/2008_inclusie/The%20Normalization%20Principle%20and%20Its%20Human%20Management%20Implications.pdf (in English).
- Peters, S. (2014). Inclusive education: an EFA strategy for all children. *World bank*. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.506.4948&rep=rep1&type=pdf> (in English).
- Rimmerman, A. (2014). *Social Inclusion of People with Disabilities. National and International Perspectives*. New York : Cambridge University Press (in English).

АНОТАЦІЯ

Мета дослідження – сформулювати загальну картину щодо соціальнокомунікаційних проєктних ініціатив для людей з інвалідністю в Україні. Досягнення цієї мети передбачало виконання таких завдань: проаналізувати літературу за темою; систематизувати соціальнокомунікаційні проєктні ініціативи для осіб з інвалідністю в Україні.

Методи та методика дослідження. У ході дослідження використано методи аналізу, синтезу, описовий, порівняльний, групування та систематизації, контент-аналіз під час опрацювання джерел із теми й групування розглянутих соціальнокомунікаційних проєктів за сімома напрямками.

Результати. Систематизовано медійні чи інші орієнтовані на соціалізацію людей з інвалідністю проєктні ініціативи за продуктивними напрямками: аудіовізуальний контент, пропонований телебаченням та кіномистецтвом; текстова інформація в цифровому форматі та в офлайн; зображення, зокрема фото; радіомовлення та широка лінійка аудіального матеріалу; театральні вистави; музейні екскурсії; спеціалізовані послуги, пропоновані бібліотеками.

Висновки. В Україні напрацьовано конкурентні, якісні зразки проєктної діяльності в соціальній сфері. Комфортна для учасників соціальна модель національного інклюзивного медіапростору, яка адаптована до потреб людей з інвалідністю й відповідає запитам та очікуванням більшості, охоплює не лише масовокомунікаційні засоби поширення інформації через аудіовізуальні, друковані, цифрові медіа, а й інноваційні інтегровані платформи в складі зразків театального, кіномистецтва, бібліотечних ініціатив, музейних проєктів, що їх можна вважати дружніми до аудиторії з різними потребами, смаками та баченням комунікаційного процесу. У науковому дискурсі осмислення цієї проблеми перспективне за умови фахової взаємодії дослідників архітектоники медійних стратегем, соціальних працівників, які усвідомлюють потреби людей з інвалідністю, та представників останніх, що зможуть оцінити й скоригувати розроблювані моделі налагодження комунікативних зв'язків у сучасному інклюзивному поліплатформовому медіапросторі.

Ключові слова: соціальнокомунікаційні ініціативи, проєкт, теорія «еластичного

павутиння», експертне опитування, люди з інвалідністю.

Submitted to the editor – 01.03.20

Reviewed – 22.03.20

Accepted for printing – 19.04.2020

Подано до редакції – 01.03.20

Рецензовано – 22.03.20

Прийнято до друку – 29.04.2020

Виправлено й подано вдруге до друку – 28.07.20

UDC 37.013.83

Visualization as an Important Means of Effective Communication in the Process of Training**Halyna Dehtiarova,**

Doctor of pedagogical science, Doctor of Philosophy (PhD)

Chief of methods of teaching languages and literature department

Associate Professor of Documentation and Ukrainian Language

E-mail: metukrlit@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8588-6098>

Public higher education institution «Kharkov Academy of Continuous Education»

24 Pushkinska str., Kharkiv, Ukraine, 61057

National Aerospace University, named after M.E. Zhukovsky, «Kharkiv Aviation Institute»

17 Chkalova str., Kharkiv, Ukraine, 61000.

ANNOTATION

For the purpose of our research, we chose to prove that the visualization of educational material affects the effectiveness of communication between teacher and students in the process of learning. To test the hypothesis, we turned to theoretical methods (hypotheses and deductions, analysis of the literature) and empirical (observational). The research methodology provides the help of a survey of respondents, masters of the Faculty of Humanities of the National Aerospace University, named after M.E. Zhukovsky, «Kharkiv Aviation Institute», to collect factual data on the understanding of the effectiveness of communication and find out what exactly, according to students, will promote better mastering of educational material during the study of the course «Fundamentals of Communication Theory».

One of the techniques of effective communication is an information visualization, as well as modern visual methods of teaching material (method of visual thinking, scribing, sketching) has been studied.

It has been established that the use of the above methods allows combining the tools of visual and verbal thinking, acquiring the language of objectification with the help of symbols, graphic elements, colour solutions, to structure the information perceived by ear in real time, or to record one's thoughts with sketches. It was emphasized that in order to avoid passive perception of the material, it is appropriate to conduct interactive lectures and visualizations during training, which will create conditions for visual communication.

Conclusion. Visualization is one of the means of establishing effective communication between the teacher and students in the process of learning by combining lecture material with visualization; allows the teacher to present the material in an interesting and attractive way; to arouse students' interest in educational material, to facilitate its comprehension and memorization, encourages them to think, analyze, decode and interpret information, to give it a visual image, develops the ability to communicate effectively.

Keywords: *visualization; effective communication; interactive lecture-visualization; visual thinking; scribing; sketching.*

Візуалізація як важливий засіб ефективної комунікації в процесі навчання**Галина Дегтярьова,**

доктор педагогічних наук, доктор філософії (PhD),

завідувач кафедри методики навчання мов і літератури,

Комунальний вищий навчальний заклад «Харківська академія неперервної освіти»;

доцент кафедри документознавства та української мови,

Національний аерокосмічний університет імені М. Є. Жуковського
«Харківський авіаційний інститут».**Вступ**

Сучасний інформаційний простір, у якому ми живемо, перенасичений інформацією, що надходить шаленими темпами, фактично миттєво застаріває, у ній переважають емоції та враження, які перемагають її усвідомлене сприйняття, що призводить до ускладнення процесу комунікації, під яким розуміють «процес обміну думками, ідеями, фактами з важливими для досягнення вашої мети групами людей або особами. Його мета – досягти взаєморозуміння та отримати довіру» (Коберник & Краснова, 2019: 9). Проте в такому просторі слово через те, що йому притаманна багатозначність, потребує від тих, хто його сприймає, певного часу для інтерпретації та вибору відповідного смислового відтінку, а отже, довше та менш результативно доходить до свідомості людини й знаходить відклик у її системі внутрішніх образів порівняно з невербальними візуальними повідомленнями, тому інформативний обмін стрімко поповнюється візуальними образами (Удріс, 2013: 38).

Крім того, ми раніше зазначали (Дегтярьова, 2019: 34), що «світ, у якому ми живемо, нині зростив покоління «screen-screen», покоління кліпового мислення, покоління тих, хто сприймає інформацію у вигляді картинок, коротких заголовків правою півкулею мозку, тобто «поверхневим регістром зору» (Дегтярьова, 2019: 34). Як правило, коли ми називаємо будь-який предмет, той, хто чує це слово, уявляє його по-своєму, наприклад, коли ми кажемо – «трикутник» – у кожного в голові з'являється свій образ, своя картинка, наприклад, трикутник прямокутний, рівносторонній, червоний, у смужку, любовний, бермудський тощо. Для того щоб ми говорили про один і той самий трикутник, мовець має чітко його описати, а ще краще – візуалізувати його» (Дегтярьова, 2019: 34). К. Андерсон також переконаний у тому, що «магія мови працює лише тоді, коли спікер і слухачі розуміють один одного. Це і є ключем до відтворення вашої ідеї в чужій голові» (Андерсон, 2016). Тому ми говоримо про важливість візуалізації в процесі комунікації, аби уникнути багатозначності лексики. При цьому важливо завжди усвідомлювати, що «комунікація – це завжди діалог, де присутні думки, почуття й реакція ваших аудиторій» (Коберник & Краснова, 2019: 9). Слід також пам'ятати, що не тільки чітке, персоналізоване і ясне повідомлення, а й те, що саме і як вас зрозуміла аудиторія, які думки, досвід, емоції залишилися в неї, які дії стали наслідком комунікації і є критерієм того, чи досягли ви успіху в комунікації.

Налагодження такої комунікації залежить від низки факторів, які суттєво можуть вплинути на формування комунікативного потенціалу та на вибір комунікативних стратегій. Для цього сучасній людині потрібно знати основні теорії та концепції, які стосуються сфери інформації, комунікації та формування громадської думки, і, що дуже важливо, навчитися аналізувати комунікативну ситуацію та комунікативний акт з огляду на їх ефективність і володіти навичками ефективної комунікації на різних рівнях (особистісному, груповому, професійному, масовому), які більшою мірою матимуть вплив на успішність подальшої професійної діяльності. Важливу роль у цьому відіграє викладання у вищих навчальних дисциплінах «Основи теорії комунікації», яка дозволяє всебічно розглянути основи комунікативного знання, познайомити студентів із понятійно-категоріальним апаратом теорії комунікації, висвітлити специфіку різних видів комунікацій через їх зіставлення, з'ясувати роль інформації в комунікативному процесі, а також висвітлити специфіку комунікативних процесів у промисловій галузі, сформувані й закріпити навички здійснення ефективних комунікацій (Робоча програма..., 2017: 3). Проте, як можна говорити про основи теорії комунікації, не показуючи шляхи її практичного застосування?

Проблема ефективної комунікації досліджувалася вітчизняними і закордонними науковцями (Андерсон, 2016; Vachir, 2018; Гоулман, 2013; Коберник, 2019; Краснова, 2019 та ін.), які в деяких своїх розробках розглядали комунікацію як важливе соціальне явище.

Важливість візуалізації як для кращого сприйняття інформації, так і навчання висвітлено в працях науковців (Виноградов, 2010; Войтов, 2019; Дегтярьова, 2019; Левченко, 2016; Роде, 2019; Роэм, 2013; Ситник, 2014; Смирнова, 2012; Удріс, 2013; Шарко, 2005 та ін.). Типовою в цьому аспекті є

думка Д. Гоулмана (Гоулман, 2013), який стверджує, що більшість людей у світі – візуали, а отже, саме через зір вони швидше сприймають інформацію, а не на слух чи дотик.

Актуальність теми зумовлена недостатньою вивченістю ролі візуалізації для налагодження ефективної комунікації в процесі організації навчання. Як зазначає О. Войтов (Войтов, 2019), її актуальність породила науки наочності, візуалістики, інфографіки – наріжні камені сучасного суспільства.

Отже, *об'єктом* дослідження стала комунікація в процесі організації навчання, а *предметом* – візуалізація як один із засобів побудови ефективної комунікації.

Гіпотеза. Вважаємо, що викладачі часто не враховують особливості сприйняття інформації сучасною молоддю, що не дозволяє їм налагодити дієву взаємодію. Саме тому за мету свого дослідження ми обрали доведення того, що візуалізація навчального матеріалу впливає на ефективність комунікації викладача й студентів у процесі навчання.

Методи та методики дослідження

Для перевірки висунутої гіпотези ми звернулися до *теоретичних методів (гіпотези й дедукції)*, що дозволило висунути гіпотезу та довести її, *аналізу наукової та спеціальної літератури (проблемно-цільовий, порівняльний)* та *емпіричних, зокрема обсерваційних*: педагогічного спостереження, що дозволило нам здійснити заздалегідь сплановану фіксацію впливу застосування методів візуалізації інформації на досягнення ефективної комунікації в процесі навчання, а також опитування та анкетування. Методикою дослідження передбачено за допомогою опитування 9 респондентів зібрати фактичні дані про розуміння ефективності комунікації та з'ясувати, що саме, на думку студентів (магістрів) групи 754дМ (спеціальність 029 Інформаційна, бібліотечна та архівна справа) 5 курсу гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «Харківський авіаційний інститут» (2018/2019 н.р.), сприятиме кращому засвоєнню навчального матеріалу під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації».

Дані анкетування, що було здійснено перед вивченням курсу «Основи теорії комунікації» за допомогою анкети «Ефективні комунікації» (див. Додаток 1), дозволили викладачу з'ясувати, які складові комунікації, на думку студентів, забезпечать її ефективність і результативність, та продумати формат, стратегію й дібрати продуктивні методики реалізації навчального курсу «Основи теорії комунікації», з урахуванням очікувань від навчання на ньому. Отримані результати подано нами в Додатках (див. Додаток 2, табл. 1).

Наприкінці навчання на курсі магістрам було запропоновано ранжувати твердження за значущістю, результати цього опитування подано в Додатку 6, табл. 2.

Результати та дискусії

Комунікативний процес може набувати різних форм залежно від числа учасників, цілей сторін-учасниць, каналів, засобів, стратегій, які використовуються, і є необхідною передумовою становлення, розвитку та функціонування всіх соціальних систем. Потрібно навчити студентів вибирати в майбутньому ту техніку й той різновид комунікацій (вербальну, невербальну або їх поєднання), який відповідатиме її комунікативному рівню й дозволить сказати, що комунікація була дієвою. У нагоді стане вивчення магістрами курсу «Основи теорії комунікації», але тут важливо для забезпечення якості освітнього процесу викладачеві вибрати доречний стиль комунікації, пам'ятаючи при цьому, що «ефективність комунікації оцінюється через те, як саме вас зрозуміли» (Коберник & Краснова, 2019: 10).

На першому занятті викладачу після висвітлення мети й завдань курсу, щоб вибудувати траєкторію навчання студентів, доречно познайомитися з ними, тобто вивчити свою цільову аудиторію. Для цього варто створити узагальнений емоційний портрет студентів групи, тобто нашої цільової аудиторії.

Для створення такого портрету студентам було запропоновано поступово дати відповіді на 8 запитань (Що вони люблять?, Про що мріють?, Що не встигають?, Що їх дратує і коли?, Хто/що

надихає?, Чим/ким пишається?, Про що хочуть дізнатися?, Чого прагнуть?), продумуючи відповідь на кожне запитання впродовж 1 хвилини та озвучуючи їх. Викладач заповнює заздалегідь підготовлений шаблон на дошці або фліпчарті (див. Додаток 3), фіксує та в разі потреби візуалізуючи відповіді студентів (див. Додаток 4). Далі відбувається аналіз відповідей, виокремлення та групування однакових. Крім того, коли студенти обдумують відповіді, у них можуть виникати цікаві й неочікувані ідеї, які ми пропонуємо теж фіксувати, адже вони мають тенденцію «випаровуватися», забуватися, а потім – визначитися з діями щодо їх реалізації (див. Додаток 4).

Перші шість питань дозволяють налагодити стосунки між учасниками навчального процесу завдяки розкриттю особистих уподобань або проблем. Для викладача найбільш корисними є відповіді на останні два запитання: Про що хочуть дізнатися? (наприклад, їх цікавить, як легко скласти іспит, чого навчуся на курсі, як бути успішним, що таке ефективні комунікації і як їх досягти тощо) та Чого прагнуть? (отримати стипендію, нові знання, прагнуть кар'єрного зростання, великих грошей тощо), оскільки саме там є підказки, на що треба йому орієнтуватися та що треба враховувати, готуючись до навчальних занять.

Така робота вже на першому занятті дозволяє налагодити контакт між учасниками процесу, закласти підвалини майбутньої комунікації, адже вона може бути ефективною не з усіма, тому потрібно визначити досвід магістрів щодо того, чого ви намагаєтесь їх навчити, з'ясувати їхні очікування, потреби, зацікавленість у результаті, а також визначити комунікативну стратегію, інструменти та методи комунікації з цільовою аудиторією.

Крім того, цьому допоможе й інтерпретація результатів опитування за анкетною (див. Додаток 2, табл. 1). Ми змогли з'ясувати, що свої комунікації ефективними вважає третина опитаних, така ж кількість респондентів визнала їх неефективними, що підтвердило актуальність нашого дослідження. Більшість (66%) вважає, що успішним комунікаторам у сучасному інформаційному просторі потрібно знати, що турбує та що цікавить цільову аудиторію, та будувати свою комунікацію з урахуванням цього; 44% – максимально наблизитися до своєї цільової аудиторії та зосередитися на головному, що допоможе досягнути мети, 33% – сфокусуватися на простоті й доступності повідомлень та опрідметувати мову за допомогою символів, графічних елементів, кольорних рішень, що також свідчить про доречність застосування методів візуалізації в процесі навчання. На думку респондентів, результативність комунікації залежить від правильності визначення цільової аудиторії (100%), застосування візуалізації інформації (44%) та запакування повідомлень у найкращий для цього каналу комунікацій формат (33%). 55% з опитаних вважають, що ефективній комунікації сприяє поєднання вербальної, невербальної комунікації та візуалізації інформації, при цьому жодний не звернув увагу на невербальну комунікацію, тому під час проведення навчальних занять будемо прагнути переконати студентів, що це дуже важлива складова комунікації.

Корисними для викладача стали відповіді студентів щодо того, що сприятиме кращому засвоєнню навчального матеріалу під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації»: використання в навчанні технік ефективних комунікацій (55%); професіоналізм викладача (44%); урахування інтересів студентів, усвідомлення можливості використання отриманих знань у подальшому житті, проведення тренінгових занять та неординарне подання навчального матеріалу – по 33%. Ці відповіді доповнили складений нами узагальнений емоційний портрет студентів групи.

Далі ми хочемо висвітлити важливість такого сучасного освітнього тренду, як візуалізація процесу комунікації між її джерелом та отримувачем повідомлення як під час навчання, так і професійної діяльності, адже цей аспект був виокремлений у відповідях наших студентів.

І. Коберник, К. Краснова (Коберник & Краснова, 2019: 47) до технік ефективних комунікацій відносять персоналізацію, візуалізацію або візуальний сторітелінг, цифри, результати, зворотний зв'язок.

У нашому дослідженні зосередимо увагу на використанні в навчанні однієї з перелічених вище технік – візуалізації інформації, яка сьогодні активно застосовується в площині комунікативних практик і є одним з освітніх трендів. Це пов'язано з тим, що візуалізований контент має неабиякий

комунікативний потенціал, що, як вважає О. Ситник (Ситник, 2014), «зумовлено властивостями візуальної інформації: простота сприймання (80% інформації сприймається людиною через зір); змістовність і лаконічність (можливість поставити акценти на потрібні факти або події); інформативність; структурованість; компактність (економія місця на сторінці); економічність (зменшення часу на задоволення потреб користувачів); привабливість (можливість подавання серйозної інформації в розважальній формі); розширення аудиторії (можливість задоволення потреб користувачів із різним типом мислення); креативність, прогресивність». Ця думка є в П. Виноградова, який зазначив, що візуальні форми та образи «... несуть у собі цілісну і в той же час різноманітну інформацію «в згорнутому вигляді», відбиваючи узагальнене – в одиничному, типове – в унікальному» (Виноградов, 2010).

Основну частину навчального матеріалу студенти, як правило, отримують на лекціях. У такому випадку, щоб не було пасивного сприйняття матеріалу, доречно під час навчання проводити інтерактивні лекції-візуалізації, коли завдяки інтерактивності забезпечується взаємодія студентів один з одним, із лектором і навчальним матеріалом, що дозволяє студентам здобувати нові знання й уміння, робити самостійні висновки, та в яких підсилено роль принципу наочності. Завдяки цьому відбувається «перекодування різних видів інформації у візуальну, яка має надалі слугувати суб'єкту опорою при розгортанні розумових і практичних дій» (Шарко, 2005: 41), тобто викладачеві потрібно забезпечити візуальну комунікацію, під якою розуміють передачу повідомлень, естетично привабливих, інформативних, здатних викликати емоційний відгук в аудиторії. Вона дозволяє мові (текст при його озвучуванні (усній комунікації) або читанні, коли він «озвучується», – проговорюється) набути опредмечування за допомогою символів (шрифту, малюнок якого здатний також створювати певний рівень сприйняття), графічних елементів (найрізноманітніших ілюстрацій і декоративних елементів), кольірних рішень (при цьому треба враховувати, що колір символічний як сам по собі, так і в поєднаннях). Таке синкретичне об'єднання народжує образи, що декодуються аудиторією (Смирнова, 2012: 92), тобто ми інтерпретуємо інформацію (ідеї, дані, текст лекції) у будь-яке зображення.

Серед сучасних візуальних методів викладу навчального матеріалу хочемо виокремити метод візуального мислення, скрайбінг, скетчноутинг.

За М. Роемом (Роем, 2013), *візуальне мислення* означає використання переваг природної здатності людини бачити не тільки за допомогою очей, але й у думках, що дозволяє виявляти ідеї, які в іншому випадку залишилися б непоміченими; швидко й інтуїтивно їх розвивати, а потім доносити до інших людей таким чином, щоб оточуючі швидко розуміли й приймали їх, тобто популяризувати їх. Він наголошує на тому, що використання методу візуального мислення передбачає об'єднання інструментів візуального й вербального мислення: трьох базових інструментів візуального мислення людини (очей, внутрішнього зору, рук); чотирьох етапів – подивитися, побачити, уявити, пояснити (показати) іншим; п'ятих ключових запитань SQVID для розв'язання складних проблем, а саме: **S** – просто (Simple) або детально (Elaborate), **Q** – якісно (Quality) або кількісно (Quantity), **V** – бачення (Vision) або здійснення (Execution), **I** – індивідуальні характеристики (Individual attributes) або порівняння (Comparison), **D** – змінювання (Delta) або поточний стан (Status Quo), а також шести способів сприймання образів, яким відповідають шість типів зображень: «хто» або «що», «скільки», «де», «коли», «як», «чому» або «навіщо» (Роем, 2013).

Скрайбінг (від англ. «scribing» – опис, розмітка) – один з активних методів навчання, що є візуалізацією інформації за допомогою графічних символів. Він супроводжується паралельним створенням викладачем намальованих від руки схем та ілюстрацій, графіків, діаграм тощо в реальному часі, які відтворюють ключовий зміст сказаного, завдяки чому студенти чують і бачать одночасно приблизно одне й те ж саме, що полегшує сприйняття ними інформації. При цьому «методи передавання інформації в аспекті комунікації мають бути підпорядковані принципам цілісності тексту й зображення, символізації позначуваного (спроможність передавати цілісний зміст через систему візуальних образів), декодованості складників (відповідність можливостям аудиторії інтерпретувати подану інформацію відповідно до авторського замислу)» (Ситник, 2014).

Ми цілком погоджуємося з думкою Я. Левченко (Левченко, 2016) щодо того, що в процесі підготовки до інтерактивної лекції-візуалізації слід спиратися на такі аспекти: по-перше, оскільки скрайбінг перетворює тези лекції на слова й образи, унаочнює зв'язки й підкреслює ключові моменти, важливо розуміти, як правильно змінювати іменники й дієслова на символи й образи у вигляді замальовок, при цьому не обов'язково володіти технікою класичного рисунку, а достатньо вміти малювати 5 фігур: коло, квадрат, трикутник, лінію й точку; по-друге, усі види схем і рисунки повинні складати цілісний візуальний образ, адже скрайбінг – це не тільки окремі образні рисунки, за допомогою нього наочно можна продемонструвати ідеї лекції, перетворивши їх на графіки, матриці, ієрархічні структури й діаграми; по-третє, обов'язково слід ураховувати, що основна мета скрайбінгу – це не просто замальовки, а це така форма роботи з інформацією, що дозволяє залучити тих, хто навчається, до усвідомленого сприйняття навчального матеріалу.

Скетчноутинг (від англ. «sketch» – ескіз, зарисовка) – спосіб структурування інформації, що сприймається на слух, або фіксація власних думок за допомогою скетчнотаток, під якими М. Роде розуміє «яскраві записи, створені завдяки поєднанню рукописного тексту, малюнків, текстового оформлення форм та візуальних елементів, як-от: стрілки, рамки та лінії» (Роде, 2019: 23). Скетчнотатки створюються в режимі реального часу впродовж лекції, презентації, розмови чи обговорення, вони допомагають зосередитися та задіяти одночасно два канали: вербальний і невербальний – та, спираючись на теорію подвійного кодування, структурувати матеріал. Дуже важливим для візуалізації інформації стає вміння активного слухання. Тут доречно згадати традиційний китайський символ «ting», що означає «слухати», складові частини якого ілюструють суть гарного слухання (рис 1).

Рис 1. Традиційний китайський символ «ting»

Якщо уважно придивитися, то характер 聽 (tīng) можна умовно розділити на шість частин: 耳 (ěr, означає вухо), 王 (wáng, означає король), 十 (shí, означає десять, у цьому випадку він відноситься до повного або 100%), 目 (mù, означає очі), 一 (yī, означає одне, в цьому випадку воно відноситься до нерозділеного), 心 (xīn, означає серце). Саме тому дія 聽 (tīng) означає, що треба слухати вухами, дивитись очима, ставитися до людини, як до царя, приділяти їй 100% свого серця й нерозділену увагу (Bachir, 2018). Отже, для скетчноутингу потрібно навчитися одночасно активно слухати, уникати подразників навколо, занурюватися в презентацію та зосереджуватися на інформації, аналізувати й синтезувати ідеї та, малюючи, переробляти їх в інформацію на папері, створюючи при цьому візуальну мапу цінних ідей для того, щоб легше запам'ятати їх і мати можливість відтворити їх через деякий час.

Наведемо декілька прикладів застосування схарактеризованих вище методів. Розглядаючи на заняттях курсу «Основи теорії комунікації» комунікацію як процес, структурні моделі комунікації,

акцентуємо увагу студентів на тому, що науковий дискурс, який розпочався в 30-ті роки ХХ ст. щодо парадигми комунікативного процесу, дав життя низці цікавих моделей комунікації, найбільшого поширення з яких набули лінійна (класична) модель, модель сигнального повідомлення, циркулярна (замкнута) модель, модель двоступеневого потоку, хоча перша модель комунікації описана була ще Аристотелем у «Риторичі» (Аристотель, 2000).

Так, знайомлячи студентів з універсальною моделлю Аристотеля, ми говоримо про те, що вона базується на переконанні давньогрецького філософа про те, що «мова складається з трьох елементів: з оратора, із предмета, про який він говорить, і з особи, до якої він звертається; вона-то і є кінцевою метою всього (я розумію слухача)» (Аристотель, 2000). Усвідомлення цього дозволяє дійти висновку, що ці елементи є відображенням комунікативного акту як в усній, так і в письмовій формах, у якому можна виокремити три основні елементи комунікації: ОРАТОР – МОВА – СЛУХАЧ. Отже, ефективна комунікація залежить від співвіднесеності «кодів» мовця й того, хто сприймає інформацію.

Щоб студенти краще опанували зміст отриманої інформації, запам'ятали сенс нової інформації, зокрема уявили й усвідомили, як відбувається процес комунікації за тією чи іншою моделлю, які переваги чи недоліки має кожна з них, доречно процес ознайомлення з ними супроводжувати візуалізацією матеріалу – скрайбінгом-фасилітацією, що є одним із методів розповіді чи пояснення, коли контент лекції, виступу перетворюється на слова та образи. Так, за допомогою скрайбінгу студентами було візуалізовано модель комунікації Аристотеля (рис. 2).

Рис. 2. Модель комунікації Аристотеля, створена за допомогою скрайбінгу.

Розглядаючи інші моделі, доходимо висновку, що різноманітний вплив повідомлення на масову аудиторію зумовлює певну її реакцію на повідомлення (ефект комунікації, її результат), а на збереження повноти інформації, що передається, із розвитком технічного прогресу стали впливати шуми (перешкоди), які за своєю суттю є бар'єром у процесі комунікації, бо вони супроводжують (а іноді і спотворюють) комунікацію. Тут уже можна запропонувати студентам упродовж пояснення викладачем моделі так званої універсальної (шумової) моделі комунікації, розробленої К. Шенноном спочатку для опису комунікації засобами телефонії й у подальшому перенесеної В. Вівером на всі види комунікації, самостійно відобразити її на папері за допомогою скетчнотування (рис. 3).

Рис. 3. Модель комунікації Шеннона – Вівера, створена студентами за допомогою скетчноутингу.

Звертаємо увагу на те, що візуалізація контенту лекції потребує від викладача ретельної підготовки, яка передбачає переконструювання інформації у візуальну для налагодження ефективної комунікації всіх учасників, ретельного продумування процесу скрайбінгу, а від тих, хто навчається, уваги та активного слухання для створення скетчнотаток.

По завершенню вивчення курсу «Основи теорії комунікації» студентам було запропоновано проранжувати за значущістю перелік тверджень, поданих в опитувальному листі (див. Додаток 5), указуючи, що саме максимально сприяло ефективній комунікації під час вивчення названого вище курсу, та позначаючи ці твердження балами від 1 (найбільше) до 11 (найменше). На думку респондентів (див. Додаток 6, табл. 2), найбільше ефективній комунікації сприяла вмотивованість до вивчення названого вище курсу (1,8), потім урахування викладачем потреб студентів та усвідомлення ними можливості використання отриманих знань у подальшому житті, ці твердження набрали однаково кількість балів (2,1). На четвертій позиції – використання методів візуалізації мислення (5,2) і відповідно на п'ятій – проведення лекцій-візуалізацій (5,6). На шостій позиції з 6,5 балами – використання скетчноутингу, на сьомому з 7 балами – скрайбінгу. Восьму позицію посідає проведення тренінгів (7,9), дев'яту – проведення практико орієнтованих занять (8,2). Студенти вважають, що найменше впливає на ефективність комунікацій використання завдань на пошук, аналіз, декодування, інтерпретацію інформації та її презентація (9,7) і моделюючих вправ (10).

Крім того, спостереження за студентами впродовж вивчення курсу дозволяють стверджувати, що використання візуалізації підвищує дієвість комунікації в процесі навчання та підвищує інтерес до нього.

Висновки

На початку дослідження була поставлена мета довести, що візуалізація навчального матеріалу впливає на ефективність комунікації викладача й студентів.

Поставлена мета була досягнута повністю, адже магістри під час опитування наприкінці вивчення курсу «Основи теорії комунікації» підтвердили, що використання методів візуалізації мислення, проведення лекцій-візуалізацій, а також застосування скетчноутингу та скрайбінгу сприяють ефективній комунікації, розмістивши їх посередині шкали значущості, попереду, як і очікувалось, опинилися мотивація до вивчення курсу, урахування викладачем потреб студентів та усвідомлення ними можливості використання отриманих

знань у подальшому житті.

Було встановлено, що:

- 1) виклад лекційного матеріалу в поєднанні з візуалізацією є важливим засобом забезпечення ефективної комунікації в процесі навчання;
- 2) візуалізація дозволяє викладачу викласти матеріал у цікавій і привабливій формі та досягти порозуміння зі студентами;
- 3) застосування методу візуального мислення, скрайбінгу, скетчноутингу викликає в студентів інтерес до навчального матеріалу, полегшує його усвідомлення та запам'ятовування, спонукає їх мислити, аналізувати, декодувати й інтерпретувати інформацію, надавати їй візуальної образної форми.

Література.

- Коберник, І. (2019). *Ефективні комунікації для освітніх управлінців*. Київ. Дата звернення 15.05.2020 <https://nus.org.ua/wp-content/uploads/2019/12/efektyvni-komunikacii-posibnyk-final-preview-20-12.pdf>.
- Удріс, Н. С. (2013). Візуалізація комунікативної практики як домінанта соціальної комунікації першого десятиріччя XXI ст. *Наукові праці. Соціологія*. Вип. 199. Том 211. 38–43.
- Dehtiarova, H. (2019). Teacher training in the postgraduate system education to visualize learning with the help of mental maps. *Danish Scientific Journal (DSJ)*. 2019. 5. Vol. 2. 33–39.
- Андерсон, К. (2016). *Успішні виступи на TED*. Рецепти найкращих спікерів. Київ. Видавництво: «Наш Формат». 256.
- Робоча програма «Основи теорії комунікацій» для студентів* (2017). Харківський авіаційний університет.
- Гоулман, Д. (2013). *Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ*. Москва: Изд-во Манн, Иванов и Фербер. 560.
- Войтов, А. Г. (2019). *Наглядность, визуалистика, инфографика системного анализа*. Москва : Торговая корпорация Дашков и К. 212.
- Ситник, О. (2014). Візуальна комунікація в системі композиційно-графічного моделювання інформаційних порталів. Дата звернення 16.05.2020 file:///C:/Users/User/Downloads/ped_in_2014_2_16.pdf
- Виноградов, П. (2010). Культура личности: генезис, структура и функции. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. Дата звернення 16.02.2020 <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-lichnosti-genezis-struktura-i-funktsii>.
- Шарко, В. Д. (2005). *Сучасний урок фізики*. Київ. 2005.
- Смирнова, Е. (2012). Инфографика в системе журналистских жанров. *Вестник ВолГУ*. Серия 8. Вып. 11. 92–95.
- Роэм, Д. (2013). *Визуальное мышление. Как «продавать» свои идеи при помощи визуальных образов*. Москва: Манн, Иванов, Фербер, Эксмо. 300.
- Левченко, Я. Е. (2016). Технологія візуалізації в інтерактивному навчанні майбутнього вчителя іноземної мови. *Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова*. Серія 16 : Творча особистість учителя: проблеми теорії і практики. Вип. 26. 105–109.
- Роде, М. (2019). *Скетчноутінг : Посібник з візуалізації ідей ; пер. з англ. Г. Литвиненко*. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». 224.
- Bachir, B. (2000). The Anatomy of Genuine Listening From a Traditional. Дата звернення 16.02.2020 <https://addicted2success.com/life/the-anatomy-of-genuine-listening-from-a-traditional-chinese-character/>
- Аристотель (2000). *Поэтика. Риторика*. Санкт-Петербург : Азбука. 346.

References

- Kobernik, Ivanna (2019). *Efektivni komunikacii dlya osvithnih upravlinciv [Effective communications for educational managers]*. Kyiv. Data zvernennya 15.05.2020 <https://nus.org.ua/wp-content/uploads/2019/12/efektyvni-komunikacii-posibnyk-final-preview-20-12.pdf> [in Ukrainian].
- Udris, N. S. (2013). Vizualizaciya komunikativnoi praktyky yak dominanta socialnoi komunikacii pershogo desyatirichchya HKHI st. [Visualization of communicative practice as a dominant of social communication of the first decade of the XXI century]. *Naukovi praci. Sociologiya [Scientific works. Sociology]*. Vip. 199. Tom 211. 38–43 [in Ukrainian].
- Dehtiarova, Halyna (2019). Teacher training in the postgraduate system education to visualize learning with the help of mental maps. *Danish Scientific Journal. [Teacher training in the postgraduate system education to visualize learning with the help of mental maps]*. 2019. 5. Vol. 2. 33–39.
- Anderson, Kris (2016). *Uspishni vistupi na TED. Recepti najkrashchih spikeriv [Successful performances at TED. Recipes of the best speakers]*. Kyiv. Vidavnytvo: «Nash Format». 256 [in Ukrainian].
- Robocha programa «Osnovi teorii komunikacij» dlya studentiv [Syllabus «Fundamentals of Communication Theory» for students]*. (2017). Harkivskij aviacijnij universitet [in Ukrainian].
- Goulman, D. (2013). *Emocionalnyj intelekt. Pochemu on mozhet znachit bolshe, chem IQ [Emotional intelligence. Why it can mean more than IQ]*. Moskva: Izd-vo Mann, Ivanov i Ferber. 560 [in Russian].
- Vojtov, A. G. (2019). *Naglyadnost, vizualistika, infografika sistemnogo analiza [Visuality, visualization, infographics of system analysis]*. Moskva : Torgovaya korporaciya Dashkov i K. 212 [in Russian].
- Sitnik, O. (2014). *Vizualna komunikaciya v sistemi kompozicijno-grafichnogo modelyuvannya informacijnih portaliv [Visual communication in the system of compositional and graphic modeling of information portals]*. Data zvernennya 16.05.2020 file:///C:/Users/User/Downloads/ped_in_2014_2_16.pdf [in Ukrainian].
- Vinogradov, P. (2010). Kultura lichnosti: genesis, struktura i funkcii [Personality culture: genesis, structure and functions]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen.]*. Data zvernennya 16.02.2020 <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-lichnosti-genesis-struktura-i-funksii> [in Russian].
- SHarko, V.D. (2005). *Suchasnij urok fiziki [Modern lesson of physics.]*. Kyiv. 2005 [in Ukrainian].
- Smirnova, E. (2012). Infografika v sisteme zhurnalistskih zhanrov [Infographics in the system of journalistic genres]. *Vestnik VolGU [Bulletin of Volgograd State University]*. Seriya 8. Vyp. 11. 92–95 [in Russian].
- Roem, Den (2013). *Vizualnoe myshlenie. Kak «prodavat» svoi idei pri pomoshchi vizualnyh obrazov [Visual thinking. How to «sell» your ideas with the help of visual images]*. Moskva: Mann, Ivanov, Ferber, Eksmo. 300 [in Russian].
- Levchenko, YA.E. (2016). Tekhnologiya vizualizacii v interaktivnomu navchanni majbutnogo vchitelya inozemnoi movi [Visualization technology in interactive teaching of a future foreign language teacher]. *Naukovij chasopis NPU imeni M. P. Dragomanova [Scientific Journal of the National Educational University named after M.P. Dragomanov]*. Seriya 16. Vip. 26. 105–109 [in Ukrainian].
- Rode, Majk (2019). *Sketchnouting : Posibnik z vizualizacii idej [The sketchnote handbook: the illustrated guide to visual note taking]*. Harkiv : Knizhkovij Klub «Klub Simejnogo Dozvillya». 224 [in Ukrainian].
- Bachir, B. (2000). *The Anatomy of Genuine Listening From a Traditional*. Data zvernennya

16.02.2020 <https://addicted2success.com/life/the-anatomy-of-genuine-listening-from-a-traditional-chinese-character/>

Aristotel (2000). *Poetika. Ritorika [Poetics. Rhetoric]*. Sankt-Peterburg : Azbuka. 346 [in Russian].

Додатки

Додаток 1

Анкета

Ефективні комунікації

1. Чи завжди ваші комунікації є ефективними?

1. Так.
2. Ні.
3. Іноді.

2. Щоб бути успішними комунікаторами в сучасному інформаційному просторі, потрібно... Оберіть три варіанти відповіді.

1. Бути наполегливими та послідовними в донесенні своїх думок, ідей та фактів.
2. Повторювати повідомлення багато разів, щоб вас почули.
3. Знати, що турбує та що цікавить цільову аудиторію, та будувати свою комунікацію з урахуванням цього.
4. Зосередитися на головному, що допоможе досягнути вашої мети.
5. Сфокусуватися на простоті й доступності повідомлень.
6. Опредмечувати мову за допомогою символів, графічних елементів, кольорних рішень.
7. Мати унікальні історії, що надихають.
8. Максимально наблизитися до своєї цільової аудиторії.

3. Щоб комунікація була результативною, вам потрібно... Оберіть три варіанти відповіді.

1. Визначити цільову аудиторію.
2. Розробити для неї повідомлення.
3. Запакувати повідомлення в найкращий для цього каналу комунікацій формат.
4. Застосувати візуалізацію інформації.
5. Передати/надіслати його через найкращий для цієї цільової аудиторії канал комунікації.
6. Отримати зворотний зв'язок, щоби переконатися, що саме ваша аудиторія запам'ятала, зрозуміла й сприйняла.
7. Зрозуміти те, які думки, досвід, емоції залишилися в цільової аудиторії.

4. Сприяє ефективній комунікації

1. Вербальна комунікація.
2. Невербальна комунікація.
3. Поєднання вербальної та невербальної комунікації.
4. Візуалізація інформації.
5. Поєднання вербальної, невербальної комунікації та візуалізації інформації.

5. Сприятиме кращому засвоєнню навчального матеріалу під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації». Оберіть три варіанти відповіді.

1. Професіоналізм викладача.
2. Корисний і цікавий матеріал.
3. Усвідомлення можливості використання отриманих знань у подальшому житті.
4. Використання в навчанні технік ефективних комунікацій.
5. Урахування інтересів студентів.
6. Мотивація до вивчення курсу.
7. Проведення тренінгових занять.
8. Неординарне подання навчального матеріалу.

Дякуємо за відповіді!

Додаток 2

Таблиця 1

Результати аналізу відповідей респондентів

(студенти, м. Харків, вибірка – 9 осіб/100%)

Варіанти відповідей	Код респондента									Разом
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1. Чи ваші комунікації є ефективними?										
1. Так.	+	+		+						3/33%
2. Ні.			+					+	+	3/33%
3. Іноді.					+	+	+			3/33%
2. Щоб бути успішними комунікаторами в сучасному інформаційному просторі, потрібно... Оберіть три варіанти відповіді.										
1. Бути наполегливими та послідовними в донесенні своїх думок, ідей та фактів.		+				+	+	+		4/44%
2. Повторювати повідомлення багато разів, щоб вас почули.		+			+					2/22%
3. Знати, що турбує та що цікавить цільову аудиторію, та будувати свою комунікацію з урахуванням цього.	+	+	+			+	+		+	6/66%
4. Зосередитися на головному, що допоможе досягнути вашої мети.			+	+		+		+		4/44%
5. Сфокусуватися на простоті й доступності повідомлень.	+				+		+			3/33%
6. Опредмечувати мову за допомогою символів, графічних елементів, колірних рішень.				+				+	+	3/33%
7. Мати унікальні історії, що надихають.			+							1/11%
8. Максимально наблизитися до своєї цільової аудиторій.	+			+	+				+	4/44%
3. Щоб комунікація була результативною, вам потрібно... Оберіть три варіанти відповіді.										
1. Визначити цільову аудиторію.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	9/100%
2. Розробити для неї повідомлення.				+						1/11%
3. Запакувати повідомлення в найкращий для цього каналу комунікацій формат.	+				+			+		3/33%

Варіанти відповідей	Код респондента									Разом
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
4. Застосувати візуалізацію інформації.	+		+			+			+	4/44%
5. Передати/надіслати його через найкращий для цієї цільової аудиторії канал комунікації.		+					+			2/22%
6. Отримати зворотний зв'язок, щоби переконатися, що саме ваша аудиторія запам'ятала, зрозуміла й сприйняла.		+			+					2/22%
7. Зрозуміти те, які думки, досвід, емоції залишилися в цільової аудиторії.			+	+						2/22%
4. Сприяє ефективній комунікації										
1. Вербальна комунікація.								+		3/33%
2. Невербальна комунікація.										0/0%
3. Поєднання вербальної та невербальної комунікації.		+		+						2/22%
4. Візуалізація інформації.					+					1/11%
5. Поєднання вербальної, невербальної комунікації та візуалізації інформації.	+		+			+	+		+	5/55%
5. Сприятиме кращому засвоєнню навчального матеріалу під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації». Оберіть три варіанти відповіді.										
1. Професіоналізм викладача.	+	+		+				+		4/44%
2. Корисний і цікавий матеріал.		+				+				2/22%
3. Усвідомлення можливості використання отриманих знань у подальшому житті.	+				+		+			3/33%
4. Використання в навчанні технік ефективних комунікацій.	+				+	+		+	+	5/55%
5. Урахування інтересів студентів.			+	+		+				3/33%
6. Мотивація до вивчення курсу.		+	+							2/22%
7. Проведення тренінгових занять.				+			+	+		3/33%
8. Неординарне подання навчального матеріалу.			+				+		+	3/33%

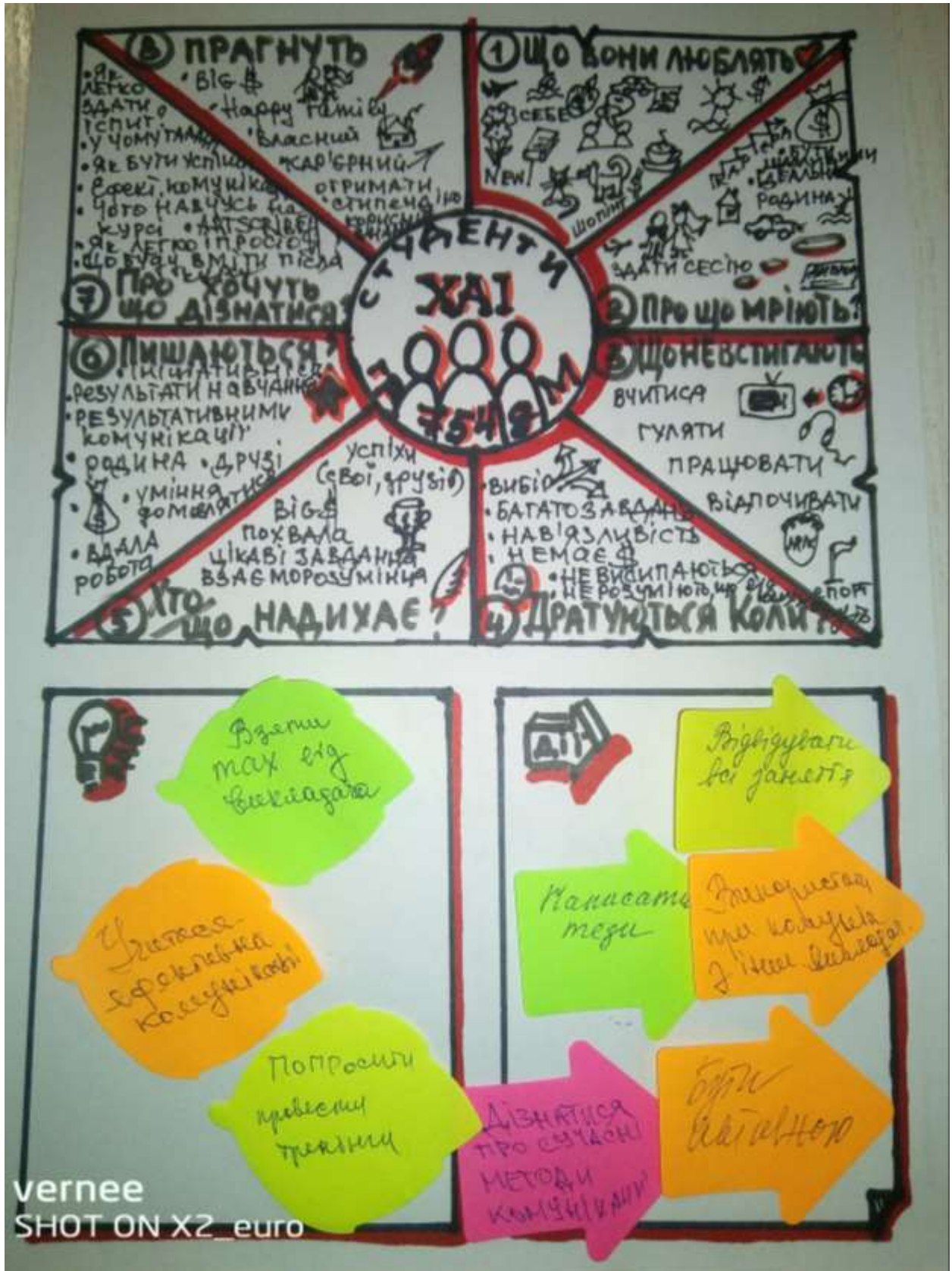
Додаток 3

Шаблон узагальненого портрету студентів групи

Додаток 4

Узагальнений портрет студентів групи

Додаток 5

Опитувальний лист

Проранжуйте поданий нижче перелік, указуючи, що саме максимально сприяло ефективній комунікації під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації», та позначаючи ці твердження балами від 1 (найбільше) до 11 (найменше):

- мотивація до вивчення курсу;
- урахування викладачем потреб студентів;
- усвідомлення можливості використання отриманих знань у подальшому житті;
- проведення лекцій-візуалізацій;
- проведення тренінгів;
- проведення практико орієнтованих занять;
- використання методів візуалізації мислення;
- використання скрайбінгу;
- використання скетчноутингу;
- моделюючі вправи;
- використання завдань на пошук, аналіз, декодування, інтерпретацію інформації та її презентація.

Додаток 6

Таблиця 2

Аналіз результатів ранжування тверджень опитувального листа

(студенти, м. Харків, вибірка – 9 осіб/100%)

Варіанти відповідей	Код респондента									Середній бал
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Проранжуйте поданий нижче перелік від 1 (найбільше) до 11 (найменше), що саме максимально сприяло ефективній комунікації під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації».										
Мотивація до вивчення курсу.	2	1	3	1	2	1	1	3	2	1,8
Урахування викладачем потреб студентів.	3	2	1	2	3	2	2	1	3	2,1
Усвідомлення можливості використання отриманих знань у подальшому житті.	1	3	2	3	1	3	3	2	1	2,1
Проведення лекцій-візуалізацій.	8	4	4	5	8	4	5	4	8	5,6
Проведення тренінгів.	9	8	10	4	9	8	4	10	9	7,9
Проведення практико орієнтованих занять.	4	9	11	11	4	9	11	11	4	8,2
Використання методів візуалізації мислення.	5	5	5	6	5	5	6	5	5	5,2
Використання скрайбінгу.	7	7	6	8	7	7	8	6	7	7,0
Використання скетчноутингу.	6	6	7	7	6	6	7	7	6	6,5
Моделюючі вправи.	10	11	9	10	10	11	10	9	10	10
Використання завдань на пошук, аналіз, декодування, інтерпретацію інформації та її презентація.	11	10	8	9	11	10	9	8	11	9,7

Візуалізація як важливий засіб ефективної комунікації в процесі навчання**Галина Дегтярьова,**

доктор педагогічних наук, доктор філософії (PhD)
завідувач кафедри методики навчання мов і літератури,
Комунальний вищий навчальний заклад «Харківська академія неперервної освіти»;
доцент кафедри документознавства та української мови,
Національний аерокосмічний університет імені М. С. Жуковського
«Харківський авіаційний інститут»

АНОТАЦІЯ

За мету свого дослідження ми обрали доведення того, що візуалізація навчального матеріалу впливає на ефективність комунікації викладача й студентів у процесі навчання. Для перевірки висунутої гіпотези ми звернулися до теоретичних методів (гіпотези й дедукції, аналізу літератури) та емпіричних (обсерваційних). Методикою дослідження передбачено за допомогою опитування респондентів, магістрів гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. С. Жуковського «Харківський авіаційний інститут», зібрати фактичні дані про розуміння ефективності комунікації та з'ясувати, що саме, на думку студентів, сприятиме кращому засвоєнню навчального матеріалу під час вивчення курсу «Основи теорії комунікації».

Досліджено одну з технік ефективних комунікацій – візуалізацію інформації, а також сучасні візуальні методи викладу навчального матеріалу (метод візуального мислення, скрайбінг, скетчноутинг). Установлено, що використання перелічених вище методів дозволяє об'єднати інструменти візуального й вербального мислення, набуті мові опредмечування за допомогою символів, графічних елементів, кольорних рішень, у режимі реального часу структурувати інформацію, що сприймається на слух, або зафіксувати власні думки за допомогою скетчнотаток. Наголошено на тому, щоб уникнути пасивного сприйняття матеріалу, доречно під час навчання проводити інтерактивні лекції-візуалізації, які створюють умови для візуальної комунікації.

Висновки. Візуалізація є одним із засобів налагодження ефективної комунікації між викладачем і студентами в процесі навчання завдяки поєднанню лекційного матеріалу з візуалізацією; дозволяє викладачу викласти матеріал у цікавій і привабливій формі; викликати в студентів інтерес до навчального матеріалу, полегшити його усвідомлення та запам'ятовування, спонукає їх мислити, аналізувати, декодувати й інтерпретувати інформацію, надавати їй візуальної образної форми, виробляє вміння здійснювати ефективні комунікації.

Ключові слова: візуалізація, ефективна комунікація, інтерактивна лекція-візуалізація, візуальне мислення, скрайбінг, скетчноутинг.

Submitted to the editor – 19.05.20

Reviewed – 20.06.20

Accepted for printing – 29.06.2020

Подано до редакції – 19.05.20

Рецензовано – 20.06.20

Прийнято до друку – 29.06.2020

PATIENT LIBRARIES - FROM THE RISE AND DECLINE OF AN INSTITUTIONAL ARRANGEMENT

Hans Elbeshausen,

Associate Professor

E-mail:hel@hum.ku.dk

[https:// orcid.org/0000-0002-9245-9489](https://orcid.org/0000-0002-9245-9489)

University of Copenhagen

Department of Communication

Karen Blixens Plads 8, 2300

Copenhagen S. Denmark

ANNOTATION

Patient libraries in hospitals have been a recognized and valued institution in the Danish public library system for over 60 years. The first patient library was established in 1926 on an experimental basis at Odense District Hospital. At the beginning of the seventies, this institution could be found at almost all hospitals. Their sudden decline began in the mid-1980s. By 2020, there are only two libraries of this kind left, which are furthermore disconnected from the public library system. The article explores the rise and fall of this institution.

It does so by questioning the widespread assumption in the library system that external reasons are mostly to blame for the decline of patient libraries. By distinguishing between the supply of books to patients and distinct bibliotherapeutic activities, the article also points to internal reasons that have accelerated the decline.

The article uses the theory and methodology of Historical Institutionalism. Historical Institutionalism is interested in the long-term functioning of institutions and therefore puts the emphasis mainly on external causes for their instability. The period under study spans nearly 100 years. While patient libraries were established in the period of the first modernity, their decline is linked to the second modernity of industrial societies. In second modernity, the stability of institutions depends on their ability to mobilize sufficient reflexive potential for continuous change. Therefore, central concepts of Historical Institutionalism are questioned with regard to their analytical potential in situations of accelerated institutional change.

Keywords: *patient libraries, path dependency, institutional change, reflexive capability.*

PATIENTENBIBLIOTHEKEN – VOM AUFSTIEG UND NIEDERGANG EINES INSTITUTIONELLEN ARRANGEMENTS

Hans Elbeshausen,
außerordentlicher Professor
Universität Kopenhagen

Einleitung

Im Frühjahr 1983 veröffentlichte der Fachverband der Bibliothekare eine Artikelserie ausschließlich zum Thema: Schließung der Patientenbibliotheken an Krankenhäusern in Dänemark (Pamflet 13). In dieser Ausgabe wurde eine Entwicklung aufgegriffen und kritisch kommentiert, die

sich seit etwa fünf Jahren abgezeichnet hatte. Sie nahm in der Folgezeit an Bedeutung und Umfang zu und führte in den kommenden 20 Jahren zur Abwicklung der Krankenhausbibliotheken als Institution.

Die konjunkturellen und strukturellen Schwierigkeiten der dänischen Wirtschaft ließen sich seit der zweiten Ölkrise im Jahre 1979 nicht länger durch eine interventionistische Wirtschaftspolitik beheben. 1982 wurde die amtierende sozialdemokratische Regierung durch eine bürgerliche Koalitionsregierung abgelöst, die eine umfassende Sparpolitik mit dem Ziel in die Wege leitete, die Wettbewerbsfähigkeit der dänischen Wirtschaft zu verbessern. Der Gesundheitssektor war von den Sparmaßnahmen nicht ausgenommen; hier klaffte eine große Lücke, den medizinischen Fortschritt zu finanzieren. Politiker sahen sich daher zunehmend mit der Frage konfrontiert, auf welche Leistungen das Gesundheitssystem verzichten und wie trotzdem eine solidarische medizinische Versorgung garantiert werden kann. Es ging mit anderen Worten um eine Neubestimmung der Kernaufgaben in diesem kostenintensiven Bereich des öffentlichen Sektors. Die Schließung von Patientenbibliotheken war eine Sparmaßnahme, die den Krankenhausbetrieb nicht sonderlich beeinträchtigte, aber auch keinen nennenswerten Spareffekt hatte.

Für die Bibliothekare und ihren Fachverband stand dagegen mehr auf dem Spiel als die Schließung einiger Bibliotheken an Krankenhäusern. Sie sahen die Versorgung der Bevölkerung mit Informationen und Büchern vor allem in Situationen gefährdet, in denen der Einzelne keine öffentliche Bibliothek aufsuchen konnte - sei es, dass er/sie krank war, eine Strafe abbüßte, den Wehrdienst ableistete oder z.B. als Matrose auf einem Handelsschiff unterwegs war. Mit der Schließung der Patientenbibliotheken drohte die Institution *aufsuchende Bibliotheksarbeit* insgesamt abgeschafft zu werden. Entsprechend aufgebracht war der Ton in den einzelnen Beiträgen.

Im oben genannten Themenheft findet sich ein interessantes Interview, das ein Vertreter des Fachverbandes mit dem Bürgermeister eines Kommunalverbundes führte. Die einzelnen Kommunen hatten sich in größeren Einheiten, dem Kommunalverbund, zusammengeschlossen; die Kommunalverbände waren unter anderem für das Krankenhauswesen zuständig. Das Interview ist deshalb interessant, weil hier die unterschiedlichen Interessen der Bibliotheken und Krankenhäuser sichtbar wurden. Søren Trolborg, dem Bürgermeister des Kommunalverbundes Storstrømsamt, ging es um eine solidarische Gesundheitspolitik und eine umfassende medizinische Versorgung der Bevölkerung in Zeiten wirtschaftlicher Schwierigkeiten; dem Vertreter des Fachverbandes der Bibliothekare lagen dagegen eine demokratische Kulturpolitik und die umfassende Versorgung aller mit Büchern am Herzen.

Ihre gegensätzlichen Interessen lassen sich auf das Selbstverständnis der Institutionen zurückführen: Demokratisierung der Kultur durch Vermittlung von Literatur und Informationen; umfassende Gesundheitsförderung zum Wohl der Patienten. Der Vertreter der Bibliotheken argumentierte legalistisch und verwies auf geltende Gesetze. Der Gesundheitspolitiker Trolborg machte auf eine prekäre Finanzierung im Gesundheitssektor aufmerksam und begründete seine Haltung utilitaristisch. Solange die Lektüre von Büchern, so sein Argument, einen vergleichsweise geringen therapeutischen Effekt habe, sei die medizinische Versorgung das höhere Gut; ihr sei daher Vorrang gegenüber der kulturellen Demokratisierung zu geben.

Das Interview hat meiner Meinung nach exemplarischen Charakter und stellt einen Wendepunkt in der Bibliotheksentwicklung dar. Denn hier wird deutlich, dass die Politik das öffentliche Bibliothekswesen nicht mehr in allen Belangen unterstützt - eine Unterstützung, die seit dem ersten Bibliotheksgesetz von 1920 die Grundlage der Kulturpolitik gewesen ist und zur enormen Ausbreitung und Popularität der öffentlichen Bibliotheken beigetragen hat. Dieser Artikel setzt sich mit der Frage auseinander, welchen Entwicklungspfad die Patientenbibliotheken als Teil des öffentlichen Bibliothekswesens in Dänemark seit Mitte der zwanziger Jahre des vorigen Jahrhunderts eingeschlagen haben und welche Gründe zu seinem abrupten Ende geführt haben. Als

theoretisches Fundament dient der historische Institutionalismus (HI) und die Frage, nach welcher Logik sich Institutionen entwickeln und verändern.

1. Methodologische Überlegungen

Der Zeitabschnitt, der hier darzustellen und analytisch zu bearbeiten versucht wird, misst etwa einhundert Jahre. Sein Beginn ist von zaghaften Versuchen gekennzeichnet, einen institutionellen, organisatorischen und diskursiven Rahmen zu schaffen, in dem die öffentlichen Bibliotheken an Krankenhäusern arbeiten konnten. Dieser Entwicklungspfad kommt in den Jahren zwischen 1985 und 2010 an sein Ende. Anschließend entwickeln sich andere Strukturen und neue Diskurse. 100 Jahre sind ein langer Zeitabschnitt, in dem sich nicht nur unser Verständnis von Institutionen geändert hat, sondern die Zeit selber zu einem kritischen Faktor beim Wandel von institutionellen Gefügen geworden ist.

Der HI, einer von drei Theorieansätzen des neuen Institutionalismus, befasst sich mit langfristigen Prozessen des institutionellen Wandels. Institutionen werden als formelle Regeln und Organisationen sowie als informelle Normen und Werte verstanden. Sie legitimieren Machtstrukturen und haben Einfluss darauf, wer an der strategischen Umsetzung von Entscheidungen mitwirken darf. Im HI ist die Geschichte der Rahmen, in dem verschiedene einander bedingende Faktoren den Inhalt und die Entwicklungsrichtung einer Institution bestimmen. Er ist deshalb "explicitly interested in these interactive effects on the interdependence of multiple causal variables" (Steinmo 2008, S. 128). Auch wenn von der Interaktivität kausaler Faktoren ausgegangen wird, so hat der HI hauptsächlich das Bestehende und die Dauerhaftigkeit von Institutionen im Blick. Veränderungen und Wandel werden eher als Störungen denn als Möglichkeiten begriffen. Seine Modelle und Konzepte sind von einem Stabilitätsbias gekennzeichnet.

In diesem Artikel wird auf die Modelle "kritische Weggabelung" und "Pfadabhängigkeit" zurückgegriffen. Weggabelungen markieren einschneidende Zäsuren in der Geschichte einer Institution. Capoccia und Kelemen definieren sie "as relatively short periods of time during which there is a substantially heightened probability that agents' choices will affect the outcome of interest" (2007; p. 348). In diesen historischen Zwischenräumen büßt das bestehende institutionelle Arrangement seine prägende Kraft ein. Machtbeziehungen werden neu geordnet. Neue Meinungen, Interessen, Ideen und Werte von Akteuren finden schneller Gehör und lassen sich leichter durchsetzen. Capoccia und Kelemen gemäß ist die Weggabelung von relativ kurzer Dauer gemessen an der Dauerhaftigkeit eines Entwicklungspfades. Das Zeitfenster der Möglichkeiten schließt sich, sobald eine neue institutionelle Ordnung instituiert worden ist. Der anschließende Entwicklungspfad ist so lange stabil, bis sich ein neues Zeitfenster auftut.

Kritische Weggabelungen sind eng mit dem Konzept der Pfadabhängigkeit verbunden. Entwicklungspfade sind institutionelle Arrangements, die sich aufgrund eines, wenn man so will, historischen Kompromisses herausgebildet haben. Sie sind der Grund für und das Ergebnis von langfristigen Entwicklungen in institutionellen Feldern. Pierson erklärt die Stabilität einer einmal eingeschlagenen Richtung damit, dass es oft vorteilhafter ist, am Bestehenden festzuhalten als eine mögliche und realistische Alternative aufzugreifen und umzusetzen. Pfadabhängigkeiten können als selbstverstärkende Prozesse verstanden werden, die sich aufgrund von Kosten-Nutzen-Abwägungen der Akteure stabilisieren. "Increasing returns processes can also be described as self-reinforcing or positive feedback processes" (Pierson 2000; p. 252).

Ob es jedoch allein Kosten-Nutzen-Abwägungen sind, die die Dauerhaftigkeit eines Pfades erklären, scheint mir zweifelhaft zu sein. Denn eine solche Annahme würde voraussetzen, dass die Akteure jederzeit in der Lage sind, derartige Kalküle anzustellen und strategisch umzusetzen. Instrumentelle Rationalität mag zu Beginn eines Entwicklungspfades ein plausibler Beweggrund für institutionelles Handeln sein – also in Situationen, in denen die Entscheidung für eine bestimmte institutionelle Ordnung noch nicht verblasst ist und die Akteure den Zwang institutioneller Arrangements noch nicht verinnerlicht haben.

In späteren Phasen der Geschichte einer Institution scheint es mir angebrachter zu sein, nicht von unter- sondern von übersozialisierten Akteuren auszugehen. Sobald Strukturen und Diskurse als natürlich erscheinen, ist der Entwicklungsrahmen gefestigt und hat bestimmenden Einfluss auf das Verhalten der Akteure. Handeln erscheint als normal und richtig, wenn es den institutionellen Regeln entspricht. Aus diesem Blickwinkel sind Entwicklungspfade Selbstverständlichkeiten, die ihre Gültigkeit mit jedem Tag und mit jeder Handlung neu bestätigen. Alternative Optionen geraten aus dem Blickfeld, zukünftige Entwicklungsmöglichkeiten werden eingeschränkt.

Es mag analytisch plausibel sein, entweder von übersozialisierten Akteuren wie im HI oder von untersozialisierten Akteuren wie in der Rational-Choice Variante auszugehen (Blyth 1997). Ob dieser Dualismus bei der Analyse selbstverstärkender Prozesse Sinn macht, darüber sollte der Prozess selbst Auskunft geben. Empirisch scheint mir eine andere Annahme plausibler zu sein; Institutionen können als strukturierender Rahmen verstanden und gleichzeitig als strategisches Mittel eingesetzt werden. Dieses Argument hat Lecours in seiner Auseinandersetzung mit der identitätspolitischen Programmatik der Kulturalisten vorgebracht. Er kommt dabei zu dem Ergebnis, dass Institutionen der Kontext sind, "that... affect the strategic calculations of actors" (Lecours 2000; s. 517).

Die Frage, wie sich Patientenbibliotheken als Institution Anfang der zwanziger Jahre des vorigen Jahrhunderts konstituiert haben, kann dergestalt präzisiert werden. Einmal wäre nach den strategischen Zwecken und Optionen zu fragen, die die Herausbildung eines bestimmten Entwicklungspfades dieses Bibliothekstyps beeinflusst haben. Zum anderen geht es darum, den jeweiligen institutionellen Ordnungsrahmen näher zu bestimmen, in dem sich die Zusammenarbeit von Krankenhaus- und Bibliothekswesen entwickelt hat. Das Augenmerk liegt somit sowohl auf den institutionellen Effekten von "collectively shared expectations" (Katzenstein) als auch auf dem strategischen Kalkül der Akteure hinsichtlich dieser institutionellen Effekte.

Wenn die Dauer eines Entwicklungspfades 50 oder 60 Jahre beträgt, wie im Fall der Patientenbibliotheken, dann wird die Frage bzw. die Auffassung der Zeit von entscheidender Bedeutung. Institutionen sind ihrer Definition gemäß stabile Einrichtungen, die sich im Gleichgewicht mit ihrer Umwelt befinden. Der HI hat sich intensiv mit der Frage auseinandergesetzt, ob nur externe oder auch interne Gründe den institutionellen Wandel verursachen (Streeck & Thelen 2005; Thelen 2000, Steinmo 2008). Die Überzeugungskraft von Pfadabhängigkeit und institutionellem Gleichgewicht scheint mir jedoch auch darauf zu beruhen, dass sich der HI mit seiner Stabilitätsannahme an der ersten Moderne orientiert. Mit erster Moderne wird die Phase in der Geschichte industrieller Gesellschaften bezeichnet, in der die Geschwindigkeit des gesellschaftlichen Wandels mithilfe fester Ordnungsprinzipien zu zähmen versucht wird. Ein illustratives Beispiel wäre Max Webers Bürokratisierungstheorem mit seinen Rationalisierungs- und Konditionierungseffekten.

Institutionen sind in Zeiten eines beschleunigten gesellschaftlichen Wandels einem enormen Veränderungsdruck ausgesetzt. Der Soziologe Ulrich Beck charakterisiert den Unterschied zwischen erster und zweiter Moderne als Zunahme an Reflexivität. "Die Moderne transformiert das industriegesellschaftliche Institutionengefüge, und die Reflexivität ist Maßstab und Medium dieser Transformation" (Beck 1992; S. 24). Die Stabilität von Institutionen ergibt sich in der zweiten Moderne aus ihrer Fähigkeit zur Reflexion, nicht aus dem Befolgen starrer Ordnungsprinzipien. Das reflexive Potential wird zu einer Voraussetzung für ihre Existenz. Reflexivität ist dabei sowohl eine Reaktion auf als auch ein Grund für die Zunahme von Unsicherheiten und Risiken.

Moderne Patientenbibliotheken wurden in Dänemark in der Phase der ersten Moderne aufgebaut und institutionell verankert. Ihr Niedergang fällt in die Phase der zweiten oder reflexiven Moderne; er wird von den beteiligten Akteuren als abrupter Prozess erlebt, der ein existierendes Sinngefüge auflöst. Die entscheidenden Fragen ließen sich folgendermaßen formulieren: A) Wie sah das institutionelle Ordnungsgefüge aus, das in der ersten Moderne geschaffen wurde? B) Welche Gründe haben dazu geführt, dass dieser Entwicklungspfad seine selbstverstärkende Kraft

eingebüßt hat? C) Wie sieht der Entwicklungspfad aus, der sich an der kritischen Weggabelung von der ersten zur zweiten Moderne herausbildet? D) Inwieweit tragen die hier angewandten Konzepte des HI dazu bei, den institutionellen Wandel in Bezug auf die Relation von Bibliotheks- und Gesundheitswesen angemessen zu beleuchten? Dieser Artikel setzt sich schwerpunktmäßig mit den Fragen A und B auseinander.

Als Quelle wurde vor allem *Bogens Verden*, eine dänische Kultur- und Literaturzeitschrift benutzt, die besonders in der Anfangsphase Entwicklungen in Bibliothekswesen genau registrierte und kommentierte. *Bogens Verden* wurde etwa zur gleichen Zeit geschaffen, in der das moderne öffentliche Bibliothekswesen in Dänemark instituiert wurde. Der erste Artikel über Patientenbibliotheken stammt aus dem Jahre 1928. Neben dieser Quelle wurden entsprechende Denk- und Jubiläumsschriften verwendet. Denkschriften geben vor allem über wichtige politische Weichenstellungen im Bibliothekswesen Auskunft. Jubiläumsschriften beschreiben rückblickend entscheidende Änderungen der institutionellen Ordnung aus der Sicht der Institution. Hinzu kommen Anträge zur Finanzierung von Entwicklungsprojekten im Grenzbereich von Bibliothek und Gesundheit.

2. Strategische Allianzen

1926 wurde am Kreiskrankenhaus Odense in einer Abteilung versuchsweise die erste Patientenbibliothek eingerichtet. Wichtig ist in diesem Zusammenhang nicht so sehr, dass Patienten an einem Krankenhaus mit Büchern versorgt werden. Patientenbibliotheken – auch gut ausgestattete – gab es bereits vor dieser Zeit. Harald Selmer, Arzt und Pionier in der dänischen Anstaltspsychiatrie, hatte in den sechziger Jahren des 19. Jahrhunderts eine Bibliothek für seine Patienten, die sog. *Morskabsbibliotek*, eingerichtet. Bücher hatten dabei die Funktion, Patienten zu unterhalten und von ihrer Krankheit abzulenken.

Der Versuch am Kreiskrankenhaus Odense ist vor allem deshalb bedeutsam, weil sich zwei Institutionen mit unterschiedlichen Aufgaben, Werten und Traditionen zu einer Zusammenarbeit entschließen. Krankenhäuser waren für die medizinische und therapeutische Versorgung der Bevölkerung zuständig. Dem öffentlichen Bibliothekswesen, das sich in Dänemark um 1900 gerade neu zu formieren begann, fiel die Aufgabe zu, Ausbildung, Aufklärung und Bildung zu fördern. Dänemark war im Begriff, sich von einer Agrar- in eine Industrienation zu wandeln. Sollte diese Zusammenarbeit erfolgreich sein, dann musste ein Modell gefunden werden, das kulturelle Bildung und medizinische Versorgung miteinander verband. Die Verhandlungsmacht war ungleich verteilt. Das Bibliothekswesen kämpfte zu diesem Zeitpunkt um seine Anerkennung als nationale Kultureinrichtung. Dagegen genoss das Gesundheitswesen großen politischen und gesellschaftlichen Respekt. Die strategische Allianz war mit anderen Worten eine Kooperation ungleicher Partner.

Die Annäherung des Bibliothekssystems an das Krankenhauswesen lässt sich aus der Sicht der Bibliotheken klar nachzeichnen. Den Rahmen bildete das Bibliotheksgesetz aus dem Jahre 1920; im Gesetz war festgeschrieben, dass das Bibliothekswesen zentral mit einem Bibliotheksdirektor an der Spitze zu organisieren sei. Der Materialbestand sollte vornehmlich aus Sachbüchern, nicht aus Belletristik oder Unterhaltungsliteratur bestehen. Kontrolle, Wissen statt Unterhaltung und gesellschaftlicher Nutzen – diese drei Fixpunkte bestimmten den Rahmen für die Neuordnung des Bibliothekswesens. Bei der Ausarbeitung des Gesetzes wurde die Einrichtung von Kinder- und Schulbibliotheken, nicht aber der Aufbau von Bibliotheken an Krankenhäusern diskutiert. Die zentralisierte Organisationsstruktur hatte großen Einfluss auf Art und Inhalt der Zusammenarbeit. Patientenbibliotheken sahen sich als Filiale des öffentlichen Bibliothekswesens. Eine dezentrale Struktur, die im Vorfeld auch erörtert wurde, hätte möglicherweise die Entwicklung einer eigenen Bibliotheksform gefördert, in der die Bibliotheken in die Strukturen und Diskurse des jeweiligen Krankenhauses stärker eingebunden waren.

Patientenbibliotheken in öffentlicher Regie waren keine genuine Erfindung des dänischen Bibliothekswesens, sondern wurden aus den USA importiert. Zwischen 1900 und 1930 reiste die

erste Generation der in Dänemark ausgebildeten Bibliothekare in die USA, um sich dort weiterzubilden. Zu dieser Gruppe zählte auch Elisabeth Ostefeld (1898 – 1959), die sich 1924 und 1925 an richtungsweisenden Bibliotheken von New York und Chicago zu Ausbildungszwecken aufhielt. Die amerikanischen Bibliotheken hatten zu diesem Zeitpunkt zwei neue und interessante Arbeitsgebiete entwickelt. Einmal ging es um die effektive Vermittlung von Informationen zur Verbesserung der Hygiene und Gesundheit (Rubinstein 2012) in Zusammenarbeit mit nationalen Gesundheitsorganisationen. Zum anderen hatten sich amerikanische Bibliotheken gegen Ende des Ersten Weltkrieges in Hospitälern der Streitkräfte um die Versorgung der Verwundeten mit Büchern verdient gemacht.

Während ihres Aufenthaltes musste sich Frau Ostefeld intensiv mit Krankenhausbibliotheken und dem Konzept der Bibliotherapie beschäftigt haben. Nach ihrer Rückkehr begann sie, die amerikanischen Erfahrungen zuerst am Kreiskrankenhaus Odense und später in anderen Krankenhäusern erfolgreich umsetzen. Durch Berichte in *Bogens Verden* (1928, 1930) und eine Einführungsschrift (1931) mit dem Titel *Biblioteksarbejde paa Sygehuse* gelang es, das Interesse an einem bislang unbekanntem Arbeitsfeld zu festigen. Die Arbeiten von E. K. Jones, Bibliothekar am McLean Hospital in Massachusetts und Pionier auf dem Gebiet der Bibliotherapie, dienten dabei als Vorlage. Ostefeld zitierte E.K. Jones Buch *A Thousand Books for the Hospital Library* (1914) indirekt, wobei sie auch Jones pathetischen Sprachduktus übernahm. Die Aussage eines amerikanischen Arztes über die Notwendigkeit der Bibliotheksarbeit diene als Legitimation für die Zusammenarbeit von Bibliotheks- und Gesundheitswesen.

“Diese Bibliotheken [an den Hospitälern der amerikanischen Streitkräfte; HE] sind herrliche Einrichtungen. Wir Ärzte gehen normalerweise davon aus, dass wir unserer Pflicht nachgekommen sind, sobald wir eine Operation erfolgreich durchgeführt haben. Wenn der Patient später an Heimweh stirbt, kümmert uns das wenig. Wir wissen schon, dass mit einem zufriedenen Gemüt an halber Sieg errungen ist, aber wir gaben uns nur wenig Mühe, den Patienten zufrieden zu stellen. Jetzt sind wir uns bewusst, dass das Hospital sich auch um die seelische Gesundheit eines Patienten kümmern muss. Und wir haben gelernt, dass gesunde Bücher oft mehr als alles andere dazu beitragen, ihn glücklich zu machen und ihm helfen gesund zu werden” (Ostefeld 1931; S.7; meine Übersetzung).

Ostefelds Initiative und strategische Überlegungen waren erfolgreich. Die Zusammenarbeit erwies sich schnell als robust und ausbaufähig. Als die Bibliotheken ihre Aktivitäten auch auf die psychiatrischen Krankenhäuser ausdehnen wollten, diente das amerikanische Vorbild wiederum als Türöffner. 1938 hatte *Danmarks Biblioteksforening* zu ihrem jährlichen Treffen Psychiater und eine norwegische Bibliothekarin eingeladen. Der vortragende Arzt machte sich Sorgen, ob die Bibliothekare die nötigen fachlichen und psychischen Qualifikationen für die Arbeit in der Psychiatrie mitbrächten; die norwegische Bibliothekarin gab Auskunft darüber, wie gründlich die Bibliothekare auf eine solche Arbeit an der Bibliotheksschule in Minnesota vorbereitet würden (Bogens Verden 1938; S. 305–318). Es ist gut vorstellbar, dass ihr Vortrag nicht nur die Bedenken der Ärzte zerstreuen sollte, sondern auch als Aufforderung an die dänische Bibliotheksschule gedacht war, einen ähnlichen Lehrplan auszuarbeiten. Das Treffen endete mit einer Empfehlung, die politischen Voraussetzungen zu schaffen, damit in Zukunft auch an psychiatrischen Krankenhäusern Patientenbibliotheken eingerichtet werden.

3. Bibliotherapie als therapeutischer Beitrag der Bibliotheken

Bibliotheks- und Gesundheitswesen mussten eine gemeinsame Basis für ihre unterschiedlichen Interessen und Werte finden. Die entscheidende Frage war, wie Bibliotheken und Bibliothekare sinnvoll zur Genesung der Patienten beitragen und gleichzeitig kulturelle Bildung vermitteln konnten. Diese Frage kann sicherlich nicht einheitlich für alle Krankheitsverläufe beantwortet werden. Ostefeld unterschied in ihrer Einführungsschrift zwischen Patienten mit somatischen Beschwerden und Patienten mit Nervenleiden. Bibliotherapie ließ sich nach ihrem Dafürhalten vorrangig bei Nervenleiden anwenden. Trotz dieser Einschränkung fungierte

Bibliotherapie zwischen 1920 und 1950 als tragfähiges Fundament für die institutionsübergreifende Zusammenarbeit in Dänemark.

Belletristik, Bücher und Gespräche über lesenswerte Bücher können Freiräume im sonst recht reglementierten Alltag im Krankenhaus schaffen und den Genesenden auf andere Gedanken bringen. Bibliotherapie in dieser Frühphase war nicht als klinische Therapie, sondern als Zerstreuung und persönliche Entwicklung der Patienten gedacht. Die Lektüre von Büchern bedeutete dreierlei: erstens ging es darum, in Gesprächen mit dem Patienten das für ihn/sie richtige Buch zu finden; zweitens dienten Bücherlisten mit Annotationen als autoritative Empfehlung, um einen passenden Buchbestand im Krankenhaus aufzubauen; drittens durfte das Lesen von Büchern die medizinischen Maßnahmen der Ärzte nicht beeinträchtigen. Ausschlaggebend für die schnelle Ausbreitung der Bibliotherapie als Teil der Bibliotheksarbeit im Krankenhaus war, dass die Ärzte vor allem die Lektüre von erbaulicher Literatur billigen konnten und dass die Versorgung mit und die Lektüre von Büchern im Krankenhaus ohne größere Mühe umzusetzen waren. Bücher waren zu dem Zeitpunkt das einzige Medium, das leicht zu transportieren war, das schnell an die individuellen Lesegewohnheiten angepasst werden konnte und das einen hohen Gebrauchswert für die Patienten hatte. Hinzu kam der lange Aufenthalt im Krankenhaus. Die durchschnittliche Verweildauer lag im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts bei etwa 30 Tagen. Die Patienten reagieren daher ausgesprochen positiv auf die regelmäßige Versorgung mit Lesestoff.

Das bibliotherapeutische Konzept änderte sich um 1950 in den USA grundlegend. Mit der Dissertation von Caroline Shrodes wurden die klinisch-therapeutischen Aufgaben der Bibliotherapie ausgeweitet. Shrodes ging dabei von der Annahme aus "that there is an integral relationship between the dynamics of the personality and nature of vicarious experience" (Shrodes 1955). Jetzt konnte man sich nicht länger damit begnügen, zusammen mit dem Patienten die richtigen Bücher für eine erbauliche Lektüre zu finden. Dem Lesen fiel im psychodynamischen Ansatz die Aufgabe zu, das heilende Potential im Patienten zu wecken und zu formen sowie die ärztlichen Maßnahmen lesetherapeutisch zu begleiten. Dazu waren andere Qualifikationen als die genaue Kenntnis eines für das Krankenhauswesen relevanten Buchbestandes und gute Fertigkeiten bei der Vermittlung nötig. Shrodes forderte daher Lehrer und Bibliothekare auf, sich lesetherapeutisch weiterzubilden (Russel & Shrodes 1950).

In der angelsächsischen Literatur wird im Anschluss an Shrodes deutlich zwischen therapeutischen und unterstützenden Aufgaben in der Bibliotherapie unterschieden. Hannigan (1962) macht den Gegensatz anhand eines Bildes deutlich: der Therapeut oder Arzt stellt das Rezept aus; der Bibliothekar ist der Pharmazeut, der die richtige Medizin in Form von gesundmachenden Büchern zusammenstellt. Eine strikte Arbeitsteilung zwischen Ärzten und Therapeuten auf der einen Seite und Bibliothekaren auf der anderen Seite bestimmte den neuen Ansatz der Bibliotherapie.

Ob das dänische Bibliothekswesen die psychodynamische Konzeption im Krankenhausalltag umgesetzt hat, lässt sich anhand der verfügbaren Quellen nicht endgültig sagen. Unterrichtspläne und Fachlehrgänge deuten darauf hin, dass dem klinisch-therapeutischen Teil in der Ausbildung stärkere Aufmerksamkeit geschenkt wurde. Helga Nielsen, Bibliothekar an einer Einrichtung für Kinder mit Epilepsie, berichtete davon, dass die dänische Bibliotheksschule einen Spezialkursus mit 15 Lektionen für Krankenhausbibliothekare eingerichtet hat. Sechs der Lektionen beschäftigten sich mit psychologischen Fragestellungen und sechs mit Fragen der Auswahl von Büchern (Nielsen 1972). Dies deutet daraufhin, dass Bibliothekare stärker auf die therapeutische Arbeit im Krankenhaus vorbereitet worden sind.

Es wird aber auch auf Begrenzungen hingewiesen, die sich aus der zunehmenden Arbeitsteilung ergaben und Bibliothekare ungewollt in der Rolle des Helfers in einer äußerst spezialisierten Einrichtung wie dem Krankenhaus drängten. Die direkte Kommunikation mit dem Patienten, so eine Analyse von 1989, werde durch die Arbeitsteilung erschwert. Oftmals sähen sich die Bibliothekare gezwungen, die Leser indirekt durch anderes Personal zu bedienen (Lodberg

1989, S. 62). Zusammenfassend lässt sich zweierlei sagen: a) der klassische Ansatz der Bibliothherapie hat über die gesamte Periode eine erstaunlich gute und effektive Versorgung der Patienten mit Informationen und Büchern gesichert; selbst in den Krisenjahren nach 1980 hat das System seine Funktionsfähigkeit nicht eingebüßt; b) das Konzept erwies sich als krisenanfällig, als die Arbeitsteilung und Spezialisierung im Krankenhauswesen zunahm, der direkte Kontakt mit Patienten erschwert wurde und das Bibliothekswesen keine spezifisch therapeutischen Aufgaben übernehmen konnte – sei es, weil die Verteilung institutioneller Macht dies nicht zuließ; sei es, dass den Bibliothekaren die notwendigen Fertigkeiten fehlten.

4. Selbstverstärkende Prozesse

Die systematische Bibliotheksarbeit an Krankenhäusern war von Beginn an direkt mit dem öffentlichen Bibliothekswesen verknüpft. Bibliothekarische Systematik, kompetente Vermittlung von Informationen und Literatur, profundes Wissen hinsichtlich des Materialbestandes und eine Orientierung an humanistischen Werten bestimmten das Arbeitsethos der Bibliothekare. Hinzu kam der Auftrag, durch Bildung, Ausbildung und Aufklärung den politischen, sozialen und kulturellen Wandel in der dänischen Gesellschaft zu unterstützen. Bibliothekar zu sein war in der Anfangsphase Berufung und Lebenssinn.

Die Dynamik selbstverstärkender Prozesse hat ihr Ziel erreicht, wenn die Normen und Werte einer Profession gesellschaftlich anerkannt und institutionell verankert worden sind. Es begann – wie gesagt – 1926 mit einer Versuchsordnung in einer Abteilung des Kreiskrankenhauses Odense. Die Ärzte waren skeptisch; doch bereits nach einem Jahr wurde aus dem Versuch eine permanente Einrichtung, die vom Krankenhaus mitfinanziert wurde. 1931 gab es bereits Patientenbibliotheken an 12 Krankenhäusern; es wurden etwa 1200 Patienten mit Büchern versorgt. Die großen Krankenhäuser in den Ballungszentren jedoch hatten keine Eile und warteten bis Ende der dreißiger Jahre. Aus einem Bericht über die sozialen Aufgaben der öffentlichen Bibliotheken geht hervor, dass es Mitte der vierziger Jahre 67 Patientenbibliotheken in den medizinischen und chirurgischen Abteilungen der Krankenhäuser gab. Gleichzeitig wurde hinzugefügt, dass es noch ein langer Weg sei, bis alle 141 Hospitäler regelmäßig Besuch von den öffentlichen Bibliotheken bekommen würden (Folkebibliotekernes Sociale Særopgaver 1948).

Neben der numerischen Erweiterung ist auch die qualitative Ausweitung erwähnenswert. Nach dem oben erwähnten Treffen im Jahre 1938 wurden in den nachfolgenden Jahren viele Bibliotheken an psychiatrischen Krankenhäusern eingerichtet. Auch dies geschah im Verbund und in Zusammenarbeit mit dem öffentlichen Bibliothekswesen. Anfang der fünfziger Jahre wurde in einer Denkschrift (Betænkning 165 vedrørende Statens sindssygevæsen) hervorgehoben, dass die Entwicklung so schnell gehe, dass die Nachfrage nach Personal und Büchern das Angebot übersteige.

Nach langen vergeblichen Bemühungen wurden 1942 die ersten Bibliotheken an Krankenhäusern und Sanatorien für Tuberkulosepatienten eingerichtet. Weil man fürchtete, dass diese ansteckende Krankheit durch Bücher verbreitet werden könnte, wurden sämtliche 35 Bibliothekseinheiten durch ein separates und in sich geschlossenes System bedient, der Zentralbibliothek für Tuberkulosekranke.

Zu Beginn der siebziger Jahre wurde eine Denkschrift über die Bibliotheksarbeit an Krankenhäusern erstellt (Betænkning om sygehusbiblioteker 1973). Das Dokument markierte gleichsam den Höhepunkt der Entwicklung, die 1926 begann und – im Nachhinein betrachtet – Anfang der achtziger Jahre ihr abruptes Ende fand. Patientenbibliotheken waren jetzt an fast allen Krankenhäusern zu finden; die materiellen Bedingungen und die Finanzierung aber seien, so die Denkschrift, sehr verschieden, was nicht zufriedenstellend sei. Es wurde deutlich unterstrichen, dass die Bibliotheksarbeit auch weiterhin von der öffentlichen Bibliothek vor Ort organisiert werden solle. Damit war ein zentrales Interesse des Bibliothekswesens realisiert worden. Die Patientenbibliotheken unterschieden sich von den örtlichen Bibliotheken hauptsächlich dadurch, dass man auf die krankheitsbedingten Begrenzungen ihrer Nutzer Rücksicht genommen hatte.

Patienten wurden in dieser Denkschrift nicht als Personen mit einer bestimmten Krankheit betrachtet, sondern als Benutzer einer öffentlichen Bibliothek, die aus krankheitsbedingten Gründen verhindert sind, diese Einrichtung zu besuchen. Auffallend ist, dass sich nur ein einziges therapeutisches Argument finden lässt, das Patientenbibliotheken aus medizinischen Gründen rechtfertigt. “Es kann kaum Zweifel daran bestehen, dass die verschiedenen Angebote der Bibliothek ein wichtiger Faktor sind, wenn es um das Wohlbefinden und die Zerstreuung der Patienten im Krankenhaus geht” (Betænkning om sygehusbiblioteker 1973; S. 12; meine Übersetzung). Es gehört offensichtlich zum Wesen selbstverstärkender Prozesse, dass “collectively shared expectations” ungefragt übernommen werden und als Legitimation für vorgeschlagene Empfehlungen ausreichen. Anders lässt sich nur schwer erklären, warum in der Denkschrift nicht auf neuere bibliothераapeutische Methoden hingewiesen wurde. Man kann auch daraus schließen, dass das Bibliothekswesen sich seiner Sache sehr sicher gewesen sein muss, dass keiner der zentralen Akteure die “collectively shared expectations” infrage stellen würde. Eine Situation wie die Anfang der achtziger Jahre schien beim Abfassen der Denkschrift unvorstellbar zu sein.

5. Gründe

Im Jahre 2020 gibt es zwei Patientenbibliotheken. Die eine der beiden Bibliotheken befindet sich in Kopenhagen am führenden Krankenhaus Dänemarks, dem “Rigshospital”. Neben klassischen Aufgaben bietet diese Bibliothek ein umfassendes Kulturprogramm an und versteht sich als Freiraum im Krankenhausalltag. Die andere Bibliothek findet man in der Abteilung des Krankenhauskomplexes “Psykiatrien i Region Syddanmark” in Middelfart. Typische Bibliotheksfunktionen wurden in Middelfart durch ein umfassendes Informations-, Aufklärungs- und Antistigmatisierungsprogramm ergänzt. Projekte und Veranstaltungen dieser Art richten sich sowohl an Patienten, an deren Angehörige und an die Öffentlichkeit. In beiden Fällen ist das öffentliche Bibliothekswesen nicht mehr länger für die Organisation der Bibliotheksarbeit am Krankenhaus verantwortlich.

Die Ursachen für den Niedergang der Patientenbibliotheken lassen sich nur summarisch wiedergeben. Wichtige externe Gründe sind a) umfassende Einsparungen bei den kommunalen und nationalen Haushalten, b) ein Gesundheitsbegriff in dem Recovery, Wohlbefinden und Prophylaxe in den Vordergrund treten, c) kurze Verweildauer im Krankenhaus. Doch sind nicht nur externe Gründe für den Niedergang der Patientenbibliotheken verantwortlich. Als Institution ist es ihnen nicht geglückt, ein Servicemodell zu entwickeln, das der forcierten Spezialisierung und Differenzierung im Krankenhauswesen Rechnung trug. Auch konnten die Bibliotheken keine tragfähigen strategischen Allianzen aufbauen, die ihre geschwächte Verhandlungsposition der öffentlichen Hand gegenüber stärkte. Zudem gelang es ihnen in den achtziger und neunziger Jahren nicht, genügend reflexives Potential zu mobilisieren, um dem gesellschaftlichen Veränderungsdruck innovativ zu begegnen. Als die öffentlichen Bibliotheken ab 2007 selbst in eine umfassende Krise gerieten, verstärkte sich der Druck auf die Bibliotheken an Krankenhäusern zusätzlich. Die Krankenhausbibliothek Odense, die 1926 die Entwicklung in Gang setzte, schloss 2012 nach mehreren vergeblichen innovativen Änderungsversuchen.

6. Zusammenfassung

Das abrupte Ende der Patientenbibliotheken wurde von den Betroffenen unmittelbar als *cosmology episode* erlebt, diskutiert und interpretiert. Karl Weick versteht darunter Situationen, die durch einen plötzlichen Sinnverlust gekennzeichnet sind, dann in eine Phase transformativer Veränderung übergehen und schließlich die Voraussetzungen für ein neues Sinngefüge schaffen (Weick 1993; 1995). Mit Hilfe von Konzepten wie *kritische Weggabelung* und *Pfadabhängigkeit* kann der Aspekt des Sinnverlustes durch externe Einwirkungen analytisch präzise erfasst werden. Die erzwungene Schließung der Patientenbibliotheken und die Erfahrungen mit einer anhaltenden Sparpolitik sind externe Einwirkungen, die eine bislang gut funktionierende institutionelle Ordnung aus dem Gleichgewicht gebracht haben. Der zweite Aspekt einer kosmologischen Episode, also der transformative Wandel und das Entstehen eines neuen Sinngefüges, lässt sich jedoch mit diesen

Modellen weniger gut beschreiben. Da das Ende der Patientenbibliotheken mit dem Beginn der zweiten Moderne zusammenfällt, wäre es notwendig, auch auf die Frage einzugehen, welches reflexive Potential die Patientenbibliotheken mobilisieren konnten und worin sie ihre Möglichkeiten für eine fortgesetzte Arbeit an Krankenhäusern sahen. Reflexives Potential zeigt sich, wenn bestehende institutionelle Arrangements und anerkannte Narrative kritisch hinterfragt werden. Bezogen auf die Situation dänischer Patientenbibliotheken sind mit reflexivem Potential zum einen Überlegungen gemeint, wie und zu welchen Zwecken bibliothераpeutische Methoden in Krankenhäusern eingesetzt werden können. Ein innerinstitutioneller Wandel wäre in den sechziger Jahren möglich gewesen, wurde aber – so meine Vermutung – deshalb verschoben, weil es einfacher war am klassischen Modell der Bibliothekstherapie festzuhalten. Zum anderen wären organisatorische Fragen, die sich auf die wachsende Arbeitsteilung und Spezialisierung an Krankenhäusern beziehen, zu erörtern. Auch gehören medizinethische Fragestellungen und die Kritik an der naturwissenschaftlichen Schiefelage der modernen Medizin (Maio 2014) zu Themen, die ein kulturell orientiertes Bibliothekswesen passenderweise hätte aufgreifen und vermitteln können.

Mark Blyth operationalisiert das Theorem der reflexiven Modernisierung für den HI, indem er zwischen Situationen grundlegender Unsicherheit und komplexen Situationen unterscheidet. In komplexen Situationen kennen die Akteure ihre Interessen, haben aber Schwierigkeiten die Risiken bei der Umsetzung dieser Interessen abzuwägen. Anders bei grundlegenden Unsicherheiten; hier ist nicht nur die Risikoabwägung, sondern auch die Interessenfindung schwierig (Blyth 2003; S. 31/32). Die Patientenbibliotheken befanden sich seit Mitte der achtziger Jahre in einem Zustand grundlegender Unsicherheit. Sie verweisen auf ihre Mission, nämlich die Bevölkerung auch im Krankheitsfall mit Literatur und Informationen zu versorgen. Es fällt ihnen aber schwer zu bestimmen, wie diese Interessen im modernen Gesundheitssystem verwirklicht werden können, wie denkbare Interessenkonflikte zu lösen sind und welche Organisationsform ihren Interessen am besten entgegenkommt. Es mag dramatisch klingen, aber die Institution Patientenbibliothek befand sich seit 1985 in einer Situation grundlegender Verunsicherung.

2020 existieren zwei Patientenbibliotheken; beide sind vom öffentlichen Bibliothekswesen abgekoppelt und werden von den Krankenhäusern finanziert. Beide haben ein klares Profil, das den strategischen Zielen der Mutterinstitution zuarbeitet. Bibliothераpeutische und Gesundheitsvorsorge werden seit 2010 zunehmend von den öffentlichen Bibliotheken in spezifischen Projekten angeboten. Öffentliche Bibliotheken sind gewissermaßen ein Ambulatorium der Volksgesundheit geworden. Der Niedergang der Patientenbibliotheken und die Durchführung gesundheitsunterstützender Projekte an öffentlichen Bibliotheken haben auch das klassische bibliothераpeutische Programm verändert. Statt der Vermittlung von Literatur ist jetzt das gemeinsame Lesen ein anerkannter therapeutischer Ansatz, der soziale und gesundheitliche Aspekte (Jensen 2017) miteinander verbindet. Welche Erfahrungen aus der Krankenhauszeit überdauert haben und welche seit 2010 neu hinzugekommen sind, wäre zu einem späteren Zeitpunkt genauer zu untersuchen.

References

- Beck, U. (1992). Reflexive Modernisierung. *Wissenschaftskolleg zu Berlin Jahrbuch*, 1990/91, 23–26.
- Betænkning 165*. (1956). Betænkning afgivet af kommissionen af 29. marts 1952 vedrørende Statens sindssygevesen. København.
- Betænkning om sygehusbiblioteker*. (1973). Afgivet af den af Bibliotekstilsynet oktober 1970 nedsatte arbejdsgruppe for sygehusbiblioteker.
- Blyth, M. (1997). 'Any more bright ideas?' The ideational turn of comparative political economy. *Comparative Politics*, 29, 229–250.

- Blyth, M. (2003). *Great transformations. Economic ideas and institutional change in the twentieth century*. Cambridge University Press Reprinted.
- Bogens Verden (BV) (1928). Hospitals-Biblioteker. 51–53.
- Bogens Verden (BV) (1930). Hospitalsbiblioteket. En Bogvogn. 38–41.
- Bogens Verden (BV) (1938). Biblioteksvirksomhed paa Hospitaler; 305–318.
- Capoccia, G. & Kelemen, R. D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World politics*, 59(3), 341–369.
- Folkebibliotekernes Sociale Særopgaver* (FSSO). (1948). København: Folkebibliotekernes Bibliografiske Kontor.
- Hannigan, M.C. (1962). 'The Librarian in Bibliotherapy: Pharmacist or Bibliotherapist?'. *Library Trends*, 11(2), 184–198.
- Høgh, S. (1999). Danmarks første folkebibliotekslov. *Bibliotekshistorie*, 5(1), 74–98.
- Jensen, A. (red.). (2017). *Kultur og sundhed – en antologi*. Turbine.
- Jones, E. K. (Ed.). (1923). *The Hospital Library: Comprising Articles on Hospital Library Service, Organization, Administration and Book Selection, Together with Lists of Books and Periodicals Suitable for Hospitals*. American Library Association.
- Lecours, A. (2000). Theorizing cultural identities: historical institutionalism as a challenge to the culturalists. *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*, 33(3), 499–522.
- Lodberg, K. (1989). Mellemløbet i det opsøgende biblioteksarbejde. *Biblioteksarbejde. Tidsskrift for informations- og kulturformidling*, 26, 62–65
- Maio, G. (2014). *Medizin ohne Maß? Vom Diktat des Machbaren zu einer Ethik der Besonnenheit*. Stuttgart.
- Nielsen, H. (1972). (1) Denmark, 1968 Danish Hospital Libraries and the Training of Hospital Librarians. *International Library Review*, 4(3), 351–355.
- Ostenfeld, E. (1931). *Biblioteksarbejde paa Sygehuse*. København.
- Pamflet 13 (1983). Hofteoperation eller biblioteksbetjening. Interview med amtsborgmester Søren Trolborg. *Bibliotek 70*.
- Pierson, P. (2000). Increasing returns, path dependence, and the study of politics. *American political science review*, 94(2), 251–267.
- Rubenstein, E. (2012). From social hygiene to consumer health: Libraries, health information, and the American public from the late nineteenth century to the 1980s. *Library & Information History*, 28(3), 202–219.
- Russell, D. H., & Shrodes, C. (1950). Contributions of research in bibliotherapy to the language-arts program. II. *The School Review*, 58(7), 411–420.
- Shrodes, C. (1955). Bibliotherapy. *The Reading Teacher* 9(1), 24–29.
- Steinmo, S. (2008). *Historical institutionalism*. In: Della Porta, D., & Keating, M. (Eds.). (2008). *Approaches and methodologies in the social sciences: A pluralist perspective* (pp. 118-138). Cambridge University Press.
- Streeck, W., & Thelen, K. (Eds.). (2005). *Beyond continuity: institutional change in advanced political economies*. Oxford et al.: Univ.Press.
- Thelen, K. (2000). Timing and Temporality in the Analysis of Institutional Evolution and Change. *Studies in American political development*, 14(1), 101–108.
- Weick, K. E. (1993). The collapse of sensemaking in organizations: The Mann Gulch disaster. *Administrative Science Quarterly*, 38, 628–652.
- Weick, K. E. (1995). *Sensemaking in organizations*. Thousand Oaks, CA: Sage.

PATIENTENBIBLIOTHEKEN – VOM AUFSTIEG UND NIEDERGANG EINES INSTITUTIONELLEN ARRANGEMENTS

Hans Elbeshausen,
außerordentlicher Professor
Universität Kopenhagen
Abteilung für Kommunikation
Copenhagen S. Dänemark

ANMÆRKNING

Patientenbibliotheken in Krankenhäusern sind seit über 60 Jahren eine anerkannte und geschätzte Einrichtung im dänischen öffentlichen Bibliothekssystem. Die erste Patientenbibliothek wurde 1926 experimentell im Odense District Hospital eingerichtet. Anfang der siebziger Jahre war diese Einrichtung in fast allen Krankenhäusern zu finden. Ihr plötzlicher Niedergang begann Mitte der 1980er Jahre. Bis 2020 gibt es nur noch zwei Bibliotheken dieser Art, die außerdem vom öffentlichen Bibliothekssystem getrennt sind. Der Artikel untersucht den Aufstieg und Fall dieser Institution.

Dies geschieht, indem die weit verbreitete Annahme im Bibliothekssystem in Frage gestellt wird, dass externe Gründe hauptsächlich für den Rückgang der Patientenbibliotheken verantwortlich sind. Durch die Unterscheidung zwischen der Lieferung von Büchern an Patienten und unterschiedlichen bibliothераpeutischen Aktivitäten weist der Artikel auch auf interne Gründe hin, die den Rückgang beschleunigt haben.

Der Artikel verwendet die Theorie und Methodik des historischen Institutionalismus. Der historische Institutionalismus interessiert sich für das langfristige Funktionieren von Institutionen und legt daher den Schwerpunkt hauptsächlich auf externe Ursachen für ihre Instabilität. Der Untersuchungszeitraum umfasst fast 100 Jahre. Während Patientenbibliotheken in der Zeit der ersten Moderne eingerichtet wurden, ist ihr Niedergang mit der zweiten Moderne der Industriegesellschaften verbunden. In der zweiten Moderne hängt die Stabilität von Institutionen von ihrer Fähigkeit ab, ein ausreichendes Reflexionspotential für einen kontinuierlichen Wandel zu mobilisieren. Daher werden zentrale Konzepte des historischen Institutionalismus hinsichtlich ihres analytischen Potenzials in Situationen eines beschleunigten institutionellen Wandels in Frage gestellt.

Schlüsselwörter: Patientenbibliotheken, Pfadabhängigkeit, institutioneller Wandel, Reflexionsfähigkeit.

БІБЛІОТЕКИ ПАЦІЄНТІВ – ВІД ВІДНОВЛЕННЯ І ВІДКЛЮЧЕННЯ ІНСТИТУЦІЙНОЇ УСТАНОВКИ

Ханс Ельбешхаузен,
доцент
Електронна пошта: hel@hum.ku.dk
<https://orcid.org/0000-0002-9245-9489>
Копенгагенський університет
Відділ комунікації,
Карен Бліксенс Пладс 8, 2300,
Копенгаген С. Данія

АНОТАЦІЯ

Бібліотеки пацієнтів у лікарнях уже більше 60 років є визнаним і цінним закладом у датській публічній бібліотечній системі. Перша бібліотека пацієнтів була створена 1926 року на експериментальній основі в районній лікарні м. Оденсе. На початку сімдесятих років цей заклад можна було знайти майже в усіх лікарнях. Раптовий занепад таких бібліотек почався із середини вісімдесятих. До 2020 року залишилися лише дві бібліотеки такого роду, які також відключені від публічної бібліотечної системи. У статті досліджено створення та занепад цих установ.

На нашу думку, саме зовнішні причини здебільшого винні в занепаді бібліотек пацієнтів. Розрізняючи постачання книг пацієнтам та різну бібліотерапевтичну діяльність, стаття також указує на внутрішні причини, які активізували занепад.

У статті використано теорію та методологію історичного інституціоналізму. Історичний інституціоналізм зацікавлений у довгостроковому функціонуванні установ, тому робить акцент в основному на зовнішніх причинах їх нестабільності. Період, який досліджено, триває майже 100 років. Хоча бібліотеки пацієнтів були створені в період першої сучасності, їх занепад пов'язаний із другою сучасністю індустріальних суспільств. У другій сучасності стабільність інститутів залежить від їхньої здатності мобілізувати достатній рефлексивний потенціал для постійних змін. Саме тому центральні концепції історичного інституціоналізму ставлять під сумнів їхній аналітичний потенціал у ситуаціях пришивдшених інституційних змін.

Ключові слова: бібліотеки пацієнтів, залежність від шляху, інституціональні зміни, рефлексивні можливості.

Submitted to the editor – 19.05.20

Reviewed – 20.06.20

Accepted for printing – 29.06.2020

Подано до редакції – 19.05.20

Рецензовано – 20.06.20

Прийнято до друку – 29.06.2020

УДК 007:659.1

The Effectiveness of Content on the Pages of Publishers in the Social Network Facebook: an Analysis of the Functionality of the Internet Service

Victoria Kovpak,

*Associate Professor, Doctor of Science in Social Communications,
Professor at the Department of Communication,
Advertising and Public Relations at the Faculty
of Journalism*

E-mail: Kovpak.viki@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0001-9461-0536>

ResearcherID: <https://publons.com/researcher/3653401/>

*Zaporizhzhya National University,
st. Zhukovsky, 66, Zaporozhye,
Ukraine, 69600.*

ANNOTATION

The goal is realized in the article: highlights the contemporary issues of the Ukrainian book market in the context of promoting the Ukrainian book; content performance metrics on «A-BA-BA-HA-LA-MA-GA» publishing sites on Facebook's social network were analyzed using Popsters. The following research methods were used to achieve this goal: descriptive (content of content of sites and pages in the social network of publishers, data of a professional survey of Ukrainian publishers Ukrainian Reading and Publishing Data 2018), method of using the Popsters service to measure the effectiveness of posts on social networks by various parameters.

Results. Based on the results of professional surveys, it was found that in the top three types of advertising and PR publishers use and consider the most effective in selling books promotion on social networks. And the most used and effective social network among the official or unofficial publisher pages / channels was called Facebook. It is on the pages of this social network that the participants of the Ukrainian book market raise conceptual and strategic questions, in particular, about the threat of a new wave of Russian occupation of the book market.

Popsters service functionality, which evaluates an account (or linked accounts of one person) by 35 parameters, but the main three areas: reach or number of users, has helped to evaluate the effectiveness of content perception of the pages of analyzed publishers by the public, analyzing its presence on social networks. evaluate, comment on the record; true reach – the number of people affected; network score – an estimate of the audience's response to the impact, or how far the network information diverges (how many share information on this page).

Conclusions. It is established that the fuller the profile, the more effective communication strategies for promoting the products of the publishers will be. The publisher has a powerful website, so professionals should take care of the consistency between all social media accounts and the website, make sure that the basic information matches. The SMM-policy of the publishing house can be improved according to the analytical data of the functionality of the Internet service.

Key words: social networks, Ukrainian publishing house, Ukrainian book market, means of promotion, Internet service.

Ефективність контенту на сторінках видавництв у соціальній мережі Facebook: аналіз засобами функціоналу інтернет-сервісу

Вікторія Ковпак,

*доцент, доктор наук із соціальних комунікацій,
професор кафедри теорії комунікації,
реклами та зв'язків із громадськістю,
факультет журналістики,
Запорізький національний університет.*

Вступ

Популяризація української мови, української книги та підвищення культурного рівня суспільства як місія українських видавництв, успішність просування видавничої продукції в Україні в умовах інформаційної війни є надважливою стратегією соціально-гуманітарного простору, запорукою ефективної комунікації, державотворчого, національно орієнтованого руху смислів у часі й просторі. Актуальність дослідження стану видавничої справи в Україні, промоційної спроможності видавництв знову активізується новими викликами в контексті російської інтервенції українського ринку книги. На важливості промоції видань серед основних інструментів книжкового маркетингу наголошували, зокрема в інтернет-просторі, у своїх працях такі вчені, як О. Жолдак (Жолдак, 2012), О. Каньшина (Каньшина, 2017), І. Копистинська (Копистинська, 2015), Ю. Мельник (Мельник, 2010) та ін.

«Однією з найважливіших потреб у сучасному книговидаванні є формування інформаційного поля в електронних комунікаційних мережах, суть яких полягатиме в ефективній реалізації виданих новодруків. Передусім ідеться про промоцію як принцип творення популярності видання та його автора (авторів) нерекламними засобами через електронні медіа» (Скочинець, 2011: 153).

Актуальність дослідження ефективності контенту на сторінках видавництв у соціальних мережах давно підтверджена їх надзвичайною популярністю та щоденною мільйонною відвідуваністю: YouTube, Instagram, Twitter, Facebook та ін. За даними комунікаційного агентства PlusOne, «кількість українських користувачів у соцмережі Instagram в 2019 році збільшилася на 4,5% – до 11,5 млн (майже 11 млн у 2018 році), кількість користувачів Facebook – на 7,7%, до 14 млн. Такі дані дослідження української аудиторії соцмереж оприлюднило комунікаційне агентство PlusOne на сайті» (Кількість користувачів Facebook, 2020). Цьому зростанню сприяв закон, прийнятий у 2017 році, про заборону російських «Однокласників» та «Вконтакте».

Не менш актуальним видається аналіз ефективності контенту на сторінках видавництв у соціальних мережах саме засобами функціоналу інтернет-сервісів, адже моніторинг, аналітика таких ресурсів набуває нових категоріальних показників, удосконалюється технологічно: так, активно використовується інструментарій таких сервісів: Mention (для регулярного стеження за конкурентами з відображенням повної аналітичної картини за допомогою спеціальної панелі з візуалізацією ключових показників); TrackMaven (відстеження показників в абсолютних цифрах); Moz (для роботи з корпоративними ключовими словами, фразами та для аналізу конкурентів); BuzzSumo (для створення порівняльних звітів та пошуку лідерів суспільної думки в блогосфері та соцмережах); InfiniGraph (для стеження за конкурентами в соцмережах із відображенням показників та налаштуванням цілей у режимі реального часу); Simply Measured (для агрегації метрики соцмереж); Ubermetrics Delta (для моніторингу спілкування в соцмережах та відстеження

загальної тональності повідомлень та постів щодо корпоративного бренду та брендів конкурентів) та ін. (Мельник, 2017).

Як стверджує О. Каньшина, «аналітика отриманих даних може призвести до розв'язання низки надважливих завдань з популяризації іміджу видавництва та видавничої продукції, а особливо формування різних систем взаємин зі споживачами видавничої продукції. Соціальні сервіси сприяють проведенню моніторингу пізнаваності бренду видавництва і його продукції на ринку, оцінювання рівня або тональності згадок» (Каньшина, 2017: 748).

Так, топові види реклами та PR, що обирають українські видавництва, дізнаємося з опитування Ukrainian Reading and Publishing Data 2018, у якому «взяли участь топ-менеджери, директори, головні редактори 102 українських видавництв (учасники найбільших книжкових виставок в Україні – Форуму видавців у Львові й Книжкового Арсеналу в Києві). Саме учасники цих виставок можна назвати найактивнішими видавцями України, які формують політику галузі й впливають на економіку країни, упроваджують тренди й формують читацький попит. Не всі учасники взяли участь в опитуванні. Опитування проводилось у два етапи – шляхом онлайн-анкетування учасників дослідження й шляхом глибинних інтерв'ю впродовж 12–23 листопада 2018 року» (Книговидання в Україні, 2018). У результаті анкетування на запитання, які різновиди реклами і PR видавництво використовує та які вважає найефективнішими щодо продажів книжок, було отримано відповіді, що засвідчили першість трьох позицій: 1) організація окремих подій (презентації книг, зустрічі з авторами, дискусії та ін.); 2) виставки, фестивалі, ярмарки (презентації книг, зустрічі з авторами, дискусії та ін.); 3) просування в соцмережах. У 85 % видавництв є сайт, 13 % – над ним працюють, а 3 % – не мають зовсім. Запитання: «У яких соціальних мережах є офіційна чи неофіційна сторінка/канал видавництва? Також назвіть три найефективніші соціальні мережі для вашого видавництва?» виявило таке лідерство серед соціальних мереж: 1) Facebook, 2) Instagram, 3) YouTube.

Соцмережі демонструють контент зацікавленості українського читача у відвідуваність найбільших книжкових форумів, в акаунтах прихильників книги часто багато постів із фото з придбаними фоліантами та автографами відомих письменників, українська книга стає інструментом міжнародної дипломатичної комунікації (так, наприклад, книги «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» не раз ставали інструментом культурної дипломатичної комунікації: офіційні особи дарували продукцію цього видавництва іноземним послам та ін.). Питання ефективності промоції видавничої продукції в Україні загострюється в контексті смислових, інформаційних інтервенцій. Так, «на кожного українця в рік припадає менше однієї надрукованої книги, а 57% наших співгромадян не прочитали жодної книги за останні 12 місяців. Такі невтішні дані опитування опублікували соціологи Research & Branding Group у листопаді 2019 року» (Російська книжка повертається, 2020). В інтерв'ю «Главкому» керівниця аналітичного відділу Українського інституту книги Ірина Батуревич розповіла, чому «“бум” книгодрукування є оманною»: «Великі видавництва країни агресора, такі, наприклад, як «Альпіна», утворюють українські «дочки». Вони друкують книги українською або ж отримують права на видання книг російською в Україні... Станом на кінець серпня 2019 року діяло 13,6 тис. ліцензії на російські книжки. Тобто стільки назв книжок, виготовлених в РФ, можна було легально продавати в Україні. Приблизно стільки ж у нас на рік видається нових назв українською мовою, разом з навчальною літературою. Сьогодні можна чітко простежити, що кількість російських книжок почала збільшуватися» (Російська книжка повертається, 2020). Такий деструктивний процес має переконливі цифрові показники: «...був такий унікальний період у дев'ять місяців в 2017 році, коли заборона була повною, коли регулятори ринку ще не визначилися з тим, як діяти. Саме цим періодом скористалися вітчизняні видавництва, щоб “наздогнати” ринок, заповнити нішу, яка звільнилася, своєю продукцією. Уявіть – у 2013 році в Україну з Росії було імпортовано

3 300 тонн російських книжок, а у 2017-му – 336 тонн, тобто в десять разів менше. Цього «”вагового”» розриву і часу вистачило багатьом видавцям, щоб здійснити якісний стрибок» (Російська книжка повертається, 2020). У цьому ж контексті «Книгарня “Є”» на своїй сторінці у Facebook зробила допис-заяву з промовистим заголовком «Загроза нової російської окупації книжкового ринку», де аргументує факт, що станом на 2019 рік розвиток українського книжкового ринку практично загальмувався, а причиною є сформована нова система просування російської книги в Україні, спрямована на витіснення україномовного продукту, називаючи головним каналом промоції російської книги найбільший інтернет-магазин України: «Читача, який уже звик читати українською, знову “русифікують” введенням і активною промоцією російськомовних аналогів українських книг, спокушаючи знижками та акціями на користь російського варіанта. Немає сумніву в тому, що держава-агресор, як і раніше, знаходитиме можливість субсидувати російським видавцям та їхнім філіям в Україні проведення такої демпінгової політики. Проблемою є й те, що на сьогодні українські видавництва ще не настільки потужні, щоб повною мірою конкурувати з російськими видавництвами (менші накладі, висока вартість прав, а в результаті – вища собівартість книг, ніж у російських видавництв та їхніх філій в Україні) (Книгарня «Є», 2019).

Першою вищезазначене питання підняла в соцмережах засновниця «Моєї книжкової полиці» Наталія Моспан, яка також на своїй сторінці у Facebook заявила про відмову співпраці з «найбільшим і найвпливовішим книжковим інтернет-оператором в Україні YakaBoo» через його дії як «амбасадора російської культурної експансії в Україні» (Моспан, 2019).

Отже, соціальні мережі стають і «майданчиком» для розв’язання концептуальних проблем українського книжкового ринку, його стратегічного плану дій, й активним механізмом безпосереднього просування видавничої продукції з мультимедійним контентом.

Отже, *мета* розвідки – проаналізувати ефективність контенту на сторінках видавництва «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» у соціальній мережі Facebook за допомогою інтернет-ресурсу. Відповідно до поставленої мети треба виконати *такі завдання*: висвітлити сучасну проблематику українського книжкового ринку в контексті просування української книги; проаналізувати показники ефективності контенту на сторінках видавництва «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» у соціальній мережі Facebook за допомогою сервісу Popsters.

Методи й методики дослідження

Для досягнення зазначеної мети було застосовано такі методи дослідження: описовий (зміст контенту сайтів та сторінок у соціальній мережі видавництв, дані фахового опитування українських видавництв Ukrainian Reading and Publishing Data 2018), порівняльний (варіанти подання контенту), метод застосування сервісу Popsters для вимірювання ефективності дописів у соцмережах за різними параметрами.

Результати та дискусії

Видавництво «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» і на корпоративному сайті, й у соціальних мережах, і в рамках соціокультурних ініціатив із активним використанням технології персонального брендингу керівника Івана Малковича демонструє на мапі українського книжкового ринку ефект упізнаваності.

Впливовість контенту реклами видавництва «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» та ефективність сприйняття її громадськістю крізь призму аналізу його присутності в соцмережах дослідили «за допомогою сервісу Popsters, який оцінює акаунт (або з’єднані акаунти однієї особи) за 35 параметрами, але головних напрямів три: охоплення (amplification) – зона впливу, або скільки користувачів оцінюють, коментують запис; досяжність (true reach) – кількість людей, на яких здійснюється вплив; мережевий рейтинг

(network score) – оцінка реакції аудиторії на вплив, або як далеко розходиться мережею інформація акаунта (як багато людей діляться інформацією цієї сторінки). У підсумку користувач мережі отримує оцінку своєї впливовості від 0 до 100» (цит. за: Ковпак & Троценко, 2020: 116).

Залученість (Engagement) слід розуміти як наявність різних реакцій передплатників: лайків, коментарів, репостів, кліків тощо. Коефіцієнт залучення людей за день або обраний період – ERday – це відсоток активних людей за день від кількості передплатників, при цьому необхідно враховувати, що одна людина може проявляти активність у декількох публікаціях. «ERpost – коефіцієнт залучення людей з обраної публікації (% активних людей по кожній публікації), залежить від кількості передплатників. ERpost є найбільш корисним коефіцієнтом, що дозволяє оцінити й порівняти популярність і вірусність постів, а також який тип публікації цікавий для Вашої аудиторії. Наприклад, у сторінки 55 тисяч передплатників і на першу публікацію залишили 10 реакцій (лайки, коментарі, репости), а на другій публікації реакцій – 200. У першому випадку ERpost дорівнює 0,018%, а в другому – 0,363%. Другий буде більш популярним» (ERday, ERpost, ERview, 2020).

За допомогою сервісу Popsters ми змогли отримати такі статистичні дані, представлені, зокрема, на рис. 1, 2, 3.

Як ми вже зазначали, у контексті мови про видавництво «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» велику роль у просуванні продукції має self-brand самого засновника, поета, члена Спілки письменників з 1986 р., лауреата Шевченківської премії (2017) та інших літературних премій, кавалера «Ордену усмішки» (Польща). Багато матеріалів Івана Малковича – інтерв'ю, виступи на публічних заходах – у вигляді посилань на них зустрічаються на сторінці FB.

Цікаво, що на офіційному каналі Youtube «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» відео набирають набагато менше переглядів, ніж на сторінці FB. Наприклад, актуальне відео «Нова радість стала: улюблені українські народні колядки та щедрівки» має 172 перегляди, 0 коментарів, а на сторінці соціальної мережі (із дописом – цитатою І. Малковича) – 1,4 тис., 62 коментарі, 465 поширень 18 тис. переглядів.

Допис звучить так, ніби окреслює й цільову аудиторію, й анонсує виконавців як сучасних, так і класичних, і вітає з прийдешніми святами: «Ось вам, любі малята від 2 до 102, ця прегарна книжка улюблених колядок та щедрівок, яку ви зможете не лише розглядати й читати, а й послухати у безкоштовному музичному додатку за допомогою вашого смартфона, навівши його на QR-код... Тут і нові (спеціально для цієї книжки), і трохи давніші записи відомих виконавців і нових музичних формацій (Нова Опера (уклін Романові Григоріву), Dakh Daughters (уклін Соломії Мельник), Менестрелі (уклін Павлові Табакову), і уривки з двох щойно народжених Різдвяних симфоній Мирослава Скорика та Івана Небесного, появу яких мені пощастило спродюсувати цього року (велика прем'єра цих розкішних симфоній відбудеться 19 січня в Національній Опері). Я давно мріяв про таку книжку, і просив художників (А. Потурайла, В. Єрка і Р. Попського), щоб ілюстрації до неї нагадували Український Різдвяний Рай, де всі нарешті вдома і всі одне одному колядують, де всюди світло й затишно, а з димарів в'ються дими, єднаючи небо й землю. Буду щасливий, коли ця книжка спонукає когось вивчити бодай дві-три колядки, щоб заспівати їх з друзями і відчути незнану досі насолоду... Отож колядуймо натхненно, щедруймо завзято – на радість добрим людям і самим собі! Хай повсюдно лунають наші неймовірні різдвяні співи – у кожному місті, в кожному селі, у кожній оселі – по всій Україні, в усьому світі, де є українці, бо вірю, що наша спільна коляда здатна творити особливу духовну єдність і витравлювати усяку скверну...» (Видавництво «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА», 2020).

На рисунку 1 бачимо, що показники середньої ефективності публікацій із посиланнями по відношенню до середньої ефективності інших видів вмісту найвищі. Загальні тенденції гіпертексту, де основою є гіперпосилання – слова чи зображення документа, що вказують на

інший документ, збігаються в даному випадку з контентом профілю соціальної мережі. «Мінімальна залежність відвідуваності сторінки від змісту розташованого на ній матеріалу і максимальна залежність – від того, який текст супроводжує посилання на неї і де це посилання розміщене» (Новітні медіа, 2012: 119).

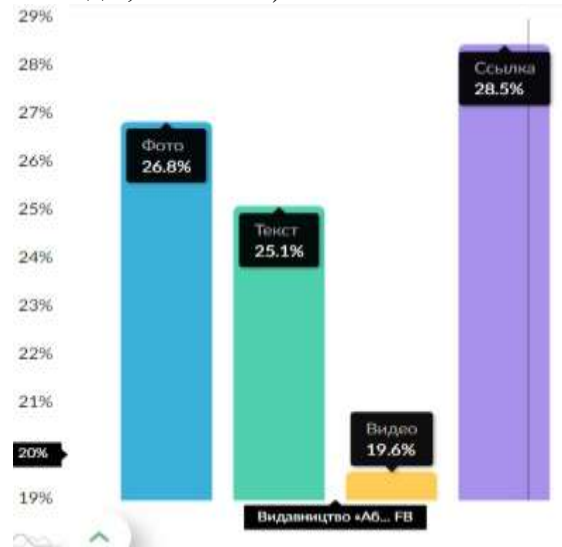

Рис. 1 Показники середньої ефективності публікацій із певним змістом по відношенню до середньої ефективності інших видів вмісту.
Джерело: сервіс Popsters.

Отже, аналізоване видавництво ефективно використовує посилання.

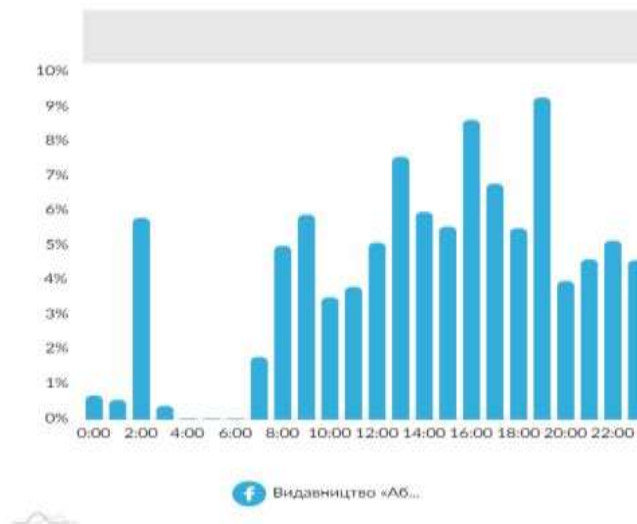
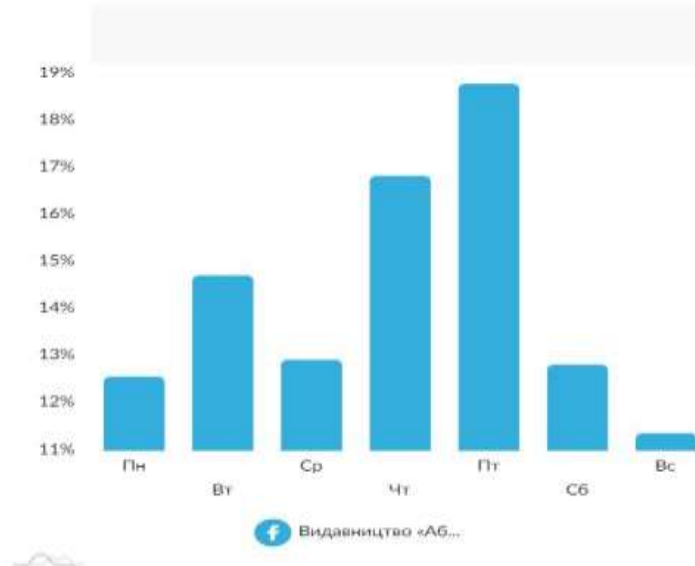

Рис. 2 Показники середньої ефективності публікацій за часом доби по відношенню до їх середньої ефективності в інший час за весь проаналізований період, %.
Джерело: сервіс Popsters.

За даними відображеної ефективності, найоптимальніший час середньої ефективності публікацій – від 18:00 до 20:00.

Цей показник (рис. 2) відрізняється від загальноприйнятих визначених «годин для фоловерів». «Найбільшу кількість досліджень проводять сайти соціальних мереж та аналітичних центрів і платформ роботи з контентом, зокрема Hootsuite. Команда цієї

платформи виявила, що найкращі періоди для публікації у Facebook – з 12:00 до 15:00 у понеділок, середу, четвер та п'ятницю; а також щосуботи та щонеділі з 12:00 до 13:00. У разі, коли у вас є потреба в публікації контенту в інші дні, слід публікувати приблизно в ті ж години» (Інфографіка: як обрати, 2018). Знання такого показника буде впливати на вибір оптимального часу для поновлення інформації.

*Рис. 3. Показники середнього ERpost записів із текстом певної довжини, опублікованих у різний час доби за весь проаналізований період.
Джерело: сервіс Popsters.*

На рис. 3 відображено, що показники середнього ERpost записів із текстом певної довжини, опубліковані в п'ятницю, найвищі, що збігається з фаховими рекомендаціями SMM-менеджерів.

*Рис. 4. Сумарний показник кількості записів за довжиною публікацій.
Джерело: сервіс Popsters.*

Отже, найбільшу кількість постів складають записи середньої довжини від 160 до 1000 символів (рис. 4). Проте, на наступному рисунку спостерігається ефективність дописів іншої категорії (рис. 5).

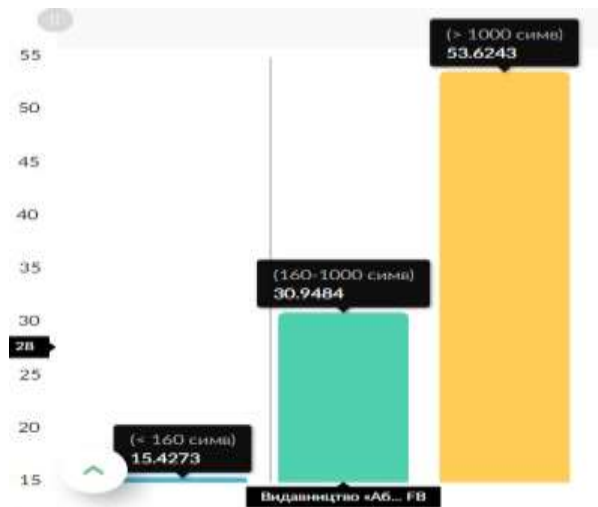

Рис. 5 Показник середньої ефективності публікації із певною довжиною тексту по відношенню до середньої ефективності записів інших форматів. Значення зліва направо короткий текст, середній і довгий.

Джерело: сервіс Popsters.

Показники на рисунку засвідчують нестандартну для соціальної мережі динаміку ефективності довгих постів – лонгвідів, які є часто коротким змістом анонсованої книги, «паспортом» видання, цікавинками про автора, цитатами з творів, оздобленими багатим ілюстративним матеріалом тощо.

Дисонанс між рис. 4 та 5 доводить, що SMM-політика має бути вдосконалена відповідно до аналітичних даних.

«Мати на своїх ресурсах лонгвіди сьогодні вважається трендом. Лонгвід можна розуміти по-різному. По-перше, це формат подачі матеріалу, що включає в себе аудіо, фото, відео, текст, анімацію, програмування, інтерактивні карти й інфографіку. По-друге – це текст, одиницею інформації якого є сенси, що в ньому закладені. Лонгвід не варто сприймати буквально як великий обсяг для читання, очевидно, що “лонг” стосується одиниці інформації» (Біда, 2016).

За словами О. Біди, «найбільш вдалі теми – це історія людини – портрет або нарис, актуальна подія, через яку можемо розповісти історію людини або людей, історична подія, в якій намагаємося знайти паралелі з сьогоденням, есеїстичний жанр, коли певна подія пропущена через особистий досвід, через Я-автора» (Біда, 2016). Наприклад, матеріали про історії успіху видавництва, біографія І. Малковича, презентація І. Малковичем історичної дати, участь видавництва в соціальному проєкті.

Фотопроекти, оформлені в лонгвід, також гарантують велику кількість переглядів. Зокрема, викладені збіркою тематичні ілюстрації Владислава Єрка, Євгенії Гапчинської, Костя Лавро та інших, провідними майстрами української книжкової графіки, – це, зазвичай, «вдалиий» за ефективністю допис, що зацікавить читача.

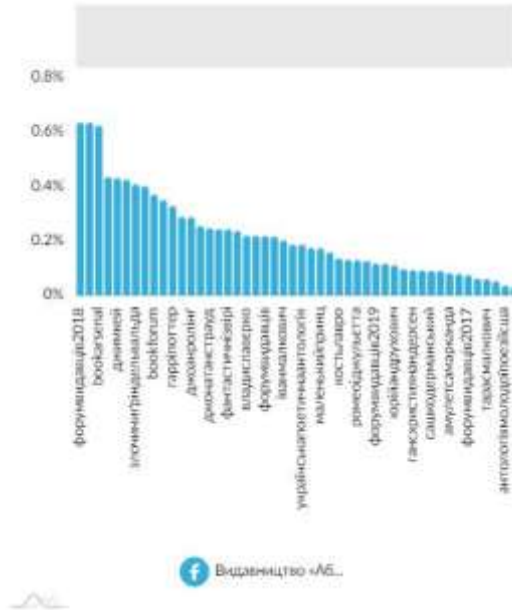

Рис. 8 Відображає середню ефективність публікацій із хештегом по відношенню до публікацій з іншим хештегом.
Джерело: сервіс Popsters.

Аналіз публікацій у соціальних мережах, що містять хештег, виявив, що хештег як інноваційний інструмент та універсальна комунікаційна платформа може допомогти ефективніше вивчати нативну рекламу, спростивши пошук інформації. Хештеги формують контекст, спонукають людей вести діалог, читати нові пости. Водночас аналіз складників публікацій дозволив нам виділити вид публікацій, на який користувачі інтернетом звертають більше уваги, а також з'ясували, які публікації потребують додаткових елементів для підвищення інтересу до тексту (рис. 4, 5, 6).

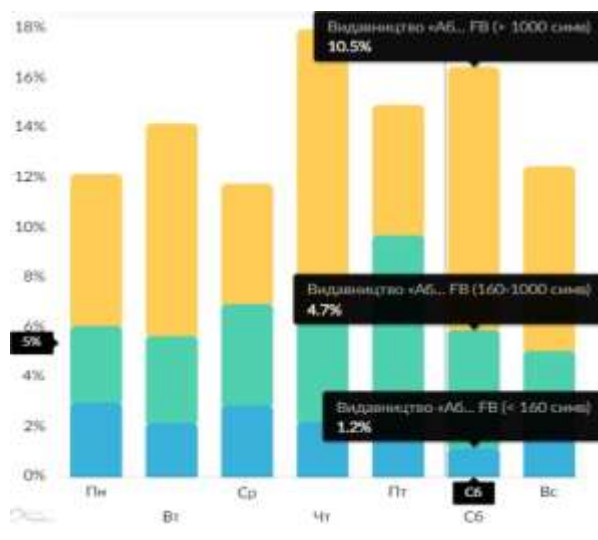

Рис. 9 Відображає середню ефективність записів із текстом певної довжини, опублікованих у різні дні тижня, щодо публікацій, які вийшли в інші дні за весь проаналізований період у процентному співвідношенні.
Джерело: сервіс Popsters.

розважливо й не зловживати кількістю в одному пості або частотою публікації постів із тегами протягом доби.

Висновки

Отже, аналітичні дослідження за допомогою інтернет-ресурсів дадуть змогу компаніям, зокрема видавництвам, зробити профіль корисним, що містить вичерпну інформацію, дає користувачам уявлення про те, власне, чим є компанія, які продукти та послуги вона пропонує, як це може бути корисним для її відвідувачів. Чим повнішим буде профіль, тим комунікаційні стратегії просування продукції видавництв будуть ефективнішими. Аналізоване видавництво «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» має потужний сайт, тож варто фахівцям дбати про узгодженість між всіма акаунтами в соціальних медіа й веб-сайтом, переконатися, що основні відомості збігаються.

Публікації з посиланнями (посилання з міткою, із застосуванням компонування URL, гіперпосилання на інші профілі, сайти тощо) продемонстрували свою ефективність, що засвідчив аналітичний функціонал інтернет-сервісу.

Найоптимальніший час середньої ефективності публікацій (від 18:00 до 20:00) не збігся з відомими показниками-орієнтирами SMM-фахівців. Це означає, що дослідження ефективності корпоративного профілю в соціальній мережі має специфічні особливості, залежить від характеристики цільової аудиторії, контенту тощо, проте підтвердився факт, що в п'ятницю ефективність публікацій найвища. Також нестандартною для SMM-практики в соціальній мережі виявилася динаміка ефективності довгих постів – лонгрідів, що виправдовується запитами «читаючої» аудиторії, проте аналітичні дані продемонстрували більшість публікацій більш короткого змісту, таким чином, постає чітке завдання для оптимізації контенту.

Якщо безстрокові хештеги на сторінці видавництва мають іміджевий ефект, то ефект залучення аудиторії мають так звані «конкурсні» хештеги, наприклад, у постах про розігрування книги.

Отже, перспективним видається подальший аналіз ефективності соціальних мереж у просуванні книжкової продукції, використання спецпроектів (різновиду нарративу) українських книжкових брендів та культурно-просвітницьких платформ, що особливо актуально в умовах інформаційної небезпеки та необхідності захисту української книги з боку державних та комерційних ініціатив.

Література

- Біда, О. (2016). *Лонгрід – це рушниця, що вистрілює декілька разів* – редактор Focus.ua Дата звернення: 01.03.2020 <https://ua.ejo-online.eu/3276/etyka-ta-yakist>.
- Видавництво «А-Ба-Ба-Га-Ла-Ма-Га» (2020). Дата звернення: 01.04.2020 <https://www.facebook.com/ababahalamaha.publishers/>
- Жолдак, О. (2012). Книжкові конкурси як об'єкт висвітлення в інтернет-виданнях. *Поліграфія і видавнича справа. № 4 (60)*. 40–44.
- Інфографіка: як обрати оптимальний час для постів у соцмережах* (2018). Дата звернення: 01.03.2020 <https://nachasi.com/2018/05/23/best-time-to-post/>
- Каньшина, О. (2017). Промоція книжкових видань у мережі Інтернет. *Молодий вчений. № 11*. 746–750.
- Кількість користувачів Facebook в Україні у 2019 році зростає на 7,7%, Instagram – на 4,5% – дослідження* (2020). Дата звернення: 01.03.2020 <https://ua.interfax.com.ua/news/telecom/647363.html>
- Книгарня «Є»* (2019). Дата звернення: 01.03.2020 https://www.facebook.com/knyharniaye/posts/10162692649610150?__tn__=K-R
- Книговидання в Україні* (2018). Дата звернення: 01.03.2020 <http://data.chytomo.com/knygovydannya-v-ukrayini/>

- Ковпак, В., Троценко, Н. (2020). Прагматичний потенціал нативної реклами: форми, тренди (на прикладі нативного контенту в соціальній мережі Facebook щодо бренду факультету журналістики ЗНУ). *Держава і регіони. Серія: Соціальні комунікації. № 1 (41)*. 113–121 doi.org/10.32840/cpu2219-8741/2020.1(41).18.
- Копистинська, І. (2015). Засоби промоції книжкових видань: досвід незалежної України. *Наукові записки [Української академії друкарства]. Серія : Соціальні комунікації. № 1*. 37–46.
- Мельник, О. *20 корисних інструментів для онлайн-маркетолога* (2017). Дата звернення: 01.03.2020 <https://nachasi.com/2017/10/17/20-tools/>
- Мельник, Ю. (2010). Аналіз комплексу маркетингу книговидавничої справи. *Маркетинг і менеджмент інновацій. № 1*. 96–101.
- Моспан, Н. (2019). *Непопулярний пост на нуль лайків*. Дата звернення: 01.03.2020 https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2962510277167179&id=100002247061793
- Новітні медіа та комунікаційні технології* (2012). Київ: Паливода А. В. 412.
- Російська книжка повертається на наш ринок* (2020). Дата звернення: 01.03.2020 <https://glavcom.ua/interviews/irina-baturevich-bilshist-lyudey-v-ukrajini-ne-bachat-potrebi-chitati-knizhki-651462.html>
- Скочинець, О. (2011). Електронні медіа в контексті їх залучення до реалізації акцій книжкової промоції: спроба типологічного аналізу. *Наукові записки (Українська академія друкарства). № 4 (37)*. Львів: Укр. акад. друк. 152–160.
- ERday, ERpost, ERview – что это такое? И для чего они нужны? (2020). Дата обращения: 01.03.2020 <https://feedspy.net/blog/view/id/10>

References

- Bida, O. (2016). Longrid – це rushnitsya, shcho vistrilyue dekilka raziv – redaktor Focus.ua Retrieved from : 01.03.2020 <https://ua.ejo-online.eu/3276/etyka-ta-yakist>
- Vidavnistvo «A-Ba-Ba-Ga-La-Ma-Ga» (2020). Retrieved from: 01.04.2020 <https://www.facebook.com/ababahalamaha.publishers/>
- ZHoldak, O. (2012). Knizhkovy konkursi yak obekt visvitlennya v internet-vidanniah. *Poligrafija i vidavnicha sprava [Printing and publishing]. № 4 (60)*. 40–44.
- Infografika: yak obrati optimalnij chas dlya postiv u socmerezhhah (2018). Retrieved from : 01.03.2020 <https://nachasi.com/2018/05/23/best-time-to-post/>
- Kanshina, O. (2017). Promociya knizhkovih vidan u merezhi Internet. *Molodij vchenij [A young scientist]. № 11*. 746–750.
- Kilkist koristuvachiv Facebook v Ukraini u 2019 roci zrosla na 7,7%, Instagram – na 4,5% – doslidzhennya (2020). Retrieved from : 01.03.2020 <https://ua.interfax.com.ua/news/telecom/647363.html>
- Knigarnya «Є» (2019). Retrieved from : 01.03.2020 https://www.facebook.com/knyharniaye/posts/10162692649610150?__tn__=K-R
- Knigovidannya v Ukraini (2018). Retrieved from : 01.03.2020 <http://data.chytomo.com/knygovydannya-v-ukrayini/>
- Ковпак, В., Троценко, Н. (2020). Прагматичний потенціал нативної реклами: форми, тренди (на прикладі нативного контенту в соціальній мережі Facebook щодо бренду факультету журналістики ЗНУ). *Держава і регіони. Серія: Соціальні комунікації [State and regions. Series: Social Communications]. № 1 (41)*. 113–121 doi.org/10.32840/cpu2219-8741/2020.1(41).18.
- Копистинська, І. (2015). Засоби промоції книжкових видань: досвід незалежної України. *Наукові записки (Української академії друкарства) Серія : Соціальні комунікації [Scientific notes (of the Ukrainian Academy of Printing). Series: Social Communications]. № 1*. 37–46.

- Melnik, O. 20 korisnih instrumentiv dlya onlajn-marketologa (2017). Retrieved from : 01.03.2020 <https://nachasi.com/2017/10/17/20-tools/>
- Melnik, Y.U. (2010). Analiz kompleksu marketingu knigovidavnichoi spravi. *Marketing i menedzhment innovacij [Marketing and innovation management]*. № 1, 96–101.
- Mospan, N. (2019). Nepopulyarnij post na nul lajkiv. Retrieved from : 01.03.2020 https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2962510277167179&id=100002247061793
- Novitni media ta komunikacijni tekhnologii [The latest media and communication technologies] (2012). Kyiv: Palivoda A. V. 412.
- Rosijska knizhka povertaetsya na nash rinek (2020). Retrieved from : 01.03.2020 <https://glavcom.ua/interviews/irina-baturevich-bilshist-lyudey-v-ukrajini-ne-bachat-potrebi-chitati-knizhki-651462.html>
- Skochinec, O. (2011). Elektronni media v konteksti ih zaluchennya do realizacii akcij knizhkovoi promocii: sproba tipologichnogo analizu. *Naukovi zapiski (Ukrainska akademiya drukarstva) [Scientific notes (Ukrainian Academy of Printing)]*. № 4 (37). Lviv: Ukr. akad. druk. 152–160.
- ERday, ERpost, ERview – chto eto takoe? I dlya chego oni nuzhny? (2020). Retrieved from : 01.03.2020 <https://feedsby.net/blog/view/id/10>

**Ефективність контенту на сторінках видавництва
у соціальній мережі Facebook:
аналіз засобами функціоналу інтернет-сервісу**

Вікторія Ковпак,

*доцент, доктор наук із соціальних комунікацій,
професор кафедри теорії комунікації,
реклами та зв'язків із громадськістю,
факультет журналістики,
Запорізький національний університет.*

АНОТАЦІЯ

У статті реалізовано **мету**: висвітлено сучасну проблематику українського книжкового ринку в контексті просування української книги; проаналізовано показники ефективності контенту на сторінках видавництва «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» у соціальній мережі Facebook за допомогою сервісу Popsters. Для досягнення зазначеної мети було застосовано такі **методи** дослідження: описовий (зміст контенту сайтів та сторінок у соціальній мережі видавництва, дані фахового опитування українських видавництв Ukrainian Reading and Publishing Data 2018), порівняльний (варіанти подання контенту), метод застосування сервісу Popsters для вимірювання ефективності дописів у соцмережах за різними параметрами.

Результати. На основі результатів фахових опитувань було з'ясовано, що серед трійки лідерських різновидів реклами і PR видавництва використовують і вважають найефективнішими щодо продажів книжок просування в соцмережах. найвикористовуванішою та найефективнішою соціальною мережею серед офіційних чи неофіційних сторінок/каналів видавництва було названо Facebook. Саме на сторінках цієї соціальної мережі учасники українського книжкового ринку піднімають концептуальні та стратегічні питання, зокрема про загрозу нової хвилі російської окупації книжкового ринку. Оцінити ефективність сприйняття громадськістю контенту сторінок про вищезазначене видавництво, аналізуючи її присутність у соцмережах, допоміг функціонал сервісу Popsters, «який оцінює акаунт (або з'єднані акаунти однієї особи) за 35 параметрами, але головних напрямів три: охоплення (amplification) – зона впливу, або скільки користувачів оцінюють,

коментують запис; досяжність (*true reach*) – кількість людей, на яких здійснюється вплив; мережевий рейтинг (*network score*) – оцінка реакції аудиторії на вплив, або як далеко розходитьса мережею інформація акаунта (як багато людей діляться інформацією цієї сторінки)» (цит. за: Ковпак & Троценко, 2020: 116).

Висновки. З'ясовано: чим повнішим буде профіль, тим комунікаційні стратегії просування продукції видавництв будуть ефективнішими. Видавництво має потужний сайт, тож варто фахівцям дбати про узгодженість між всіма акаунтами в соціальних медіа й веб-сайтом, переконатися, що основні відомості збігаються. SMM-політика видавництва може бути удосконалена відповідно до аналітичних даних функціоналу інтернет-сервісу.

Ключові слова: соціальні мережі, українське видавництво, український книжковий ринок, засоби просування, інтернет-сервіс.

Submitted to the editor – 04.03.2020

Reviewed – 23.05.2020

Accepted for printing – 31.05.2020

Подано до редакції – 04.03.2020

Рецензовано – 23.05.2020

Прийнято до друку – 31.05.2020

УДК 007 : 304 : 004.9 + 001 + 659.3

Social and Communication Practices to Counter Mental Injuries In Paradigm «Consciousness – Information – Energy – Matter»

Vasily Krutov,

Honorary Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine,

Doctor of Law, Professor, vice president

<https://orcid.org/0000-0003-0972-4200>

kv.gusp@gmail.com

Ukrainian Union of Entrepreneurs and Industrialists,

01001, Ukraine, Kyiv, Khreschatyk, 34.

ANNOTATION

The purpose of the study was a theoretical justification and a detailed description (with verification elements) of those social and communication practices that help to counteract the consequences of mental trauma in the paradigm «Consciousness – Information – Energy – Matter», different from the quantum exercises performed by S. Wolinsky.

The positions of monistic idealism have become the methodological platform of our study. Suffered from a traumatic event (subject) with his idea of the One, which can be cognized only by «dissolving” the subject in this One, merges with this One.

As a result of the study, an in-depth analysis of the process of counteracting mental injuries was made from the positions of 1) the formula of quantum Consciousness in the concept of S. Wolinsky, 2) its transpersonal concept of Consciousness / Subconsciousness, 3) analysis of trauma in the light of the transpersonal approach to Consciousness, 4) the method of cosmic transformation, and also during the exercises of «space transformation».

The results obtained allowed us to formulate the following conclusions. An analysis of the possibilities of a theoretical and practical study of sociocommunication practices in countering mental trauma is most effective from the perspective of the key methodological formula of monistic idealism – «Consciousness – Information – Energy – Matter». The formula of quantum Consciousness in the concept of S. Wolinsky is not valid (corresponding to the tasks set) for the application of socio-communication practices to completely counteract mental trauma. Analysis of trauma in the light of the transpersonal approach to Consciousness using the method of cosmic transformation increases the range of possibilities for effectively counteracting psychological trauma;

Key words: mental trauma, monistic idealism, social and communication techniques, the method of space transformation.

Социально-коммуникационные практики по противодействию психическим травмам в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя»

Василий Крутов,

*доктор юридических наук, профессор,
почётный академик Национальной академии педагогических наук Украины,
вице-президент
Украинского Союза Промышленников и Предпринимателей.*

Введение

Проблема нашего исследования многомерна, поскольку предполагает констатацию нескольких уровней незнания, о чём мы заявляли ранее (см.: Крутов, 2014; Крутов, 2018; Холод, 2018). Во-первых, в современной материалистической науке остро ощущается кризис знаний об эффективных формах профилактики, лечения и коррекции последствий психических травм. Во-вторых, предлагаемые инновационные социально-коммуникационные практики, направленные на устранение и коррекцию последствий психических травм, неадекватно воспринимаются представителями материалистической медицины и специалистами социальных коммуникаций в связи с необычным подходом к их построению. В-третьих, предлагаемые нами и описанные в статье социально-коммуникационные практики профилактики и коррекции негативных последствий психических травм базируются на субъект-субъектном принципе лечения и опираются на парадигму идеалистического субъективизма в рамках когнитивной парадигмы «Сознание – Информация – Энергия – Материя», которая имеет достаточные основания для внедрения в социально-коммуникационные практики общества на современном этапе.

Исходя из изложенного, *объектом* дальнейшего исследования предлагается избрать противодействие психическим травмам в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя», *предметом* – социально-коммуникационные практики упомянутого противодействия.

Целью нашего изучения определено теоретическое обоснование и детальное описание (с элементами верификации) тех социально-коммуникационных практик, с помощью которых будет фиксироваться противодействие последствиям психических травм в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя», отличное от предложенных технологий в рамках квантовой теории С. Волински.

Методы и методика исследования

В своём исследовании мы опираемся на методологические положения монистического идеализма, которые постулируются в философии Г. Гегеля (Гегель, 1970). Однако задолго до воззрений немецкого философа в метафизике были высказаны идеи, предопределяющие зарождение монистического идеализма. Здесь уместно вспомнить размышления Платона, который утверждал, что «основой всего сущего является некое идеальное начало – божественный принцип («Единое»), который, в сущности, является прототипом мира идей Платона» (Гегель, 1970: 227). В отличие от Платона, Плотин видел единство во всём: «Если ты теперь постигаешь единое растения, – а это и есть его пребывающее начало, – единое живого существа, единое души, единое всего, то тем самым ты в каждом случае постигаешь самое могущественное и ценное» (Антология мировой философии, 552). Здесь

примечательным для нашего исследования социально-коммуникационных практик по противодействию психическим травмам в формуле «Сознание – Информация – Энергия – Материя» можем считать формулирование Плотиним цели человеческой жизни, состоящей в «восхождении к Единому, которое является источником истины и озаряет светом путь познания. Созерцание души человека есть отображение созерцания бытия, или бога. Поэтому оно может быть слабой копией божественного созерцания» (Антология мировой философии, 552).

По нашему убеждению, психические травмы могут поддаваться коррекции в случае полного принятия идеи Плотина о поиске Единого: «...люди, когда становятся слабыми для созерцания, совершают деятельность, эту тень созерцания и смысла. Поскольку для него недостаточно способности созерцания по слабости души, они, не будучи в состоянии достаточно постичь предмет созерцания и им не насыщаясь, а стремясь его увидеть, устремляются к деятельности, чтобы увидеть то, чего не способны видеть умом» (Антология мировой философии, 552). Как для Плотина, так и для философии античного периода свойственен методологический подход к анализу окружающей реальности, сутью которого является тезис о том, что разум непосредственно «видит» суть идей. Причём такое «видение» может совершаться в определённом состоянии «слияния» субъекта с объектом созерцания. Иными словами, применительно к предмету нашего исследования можно говорить о некоем «слиянии» пострадавшего от травмирующего события (субъекта) с его представлением о Едином, которое поддается познанию лишь с помощью «растворения» субъекта в этом Едином, в которое объект уже априори включён. Исследователи называют такое состояние «способностью к созерцанию идей разумом» (см., например, Чащегорова, 2009: 104–108).

Применять метод монистического идеализма могут не все, по мнению Плотина и его последователей, поскольку метод доступен лишь просвещённым («возвышенным») людям. «Возвышенный человек поднимается от низшего состояния существования к высшему его состоянию. Он переносит центр тяжести своего бытия с телесного на душевное» (Плотин и Августин, 1998). И здесь Плотин подчеркивает, что такой возвышенный человек «развивает в себе способности к сверхчувственному интеллектуальному умозерцанию, он обращается от внешнего мира в глубины своей души и находит там истину, покой и безмятежность, которые столь недоступны низменному человеку» (Плотин и Августин, 1998). В душе возвышенного человека метод монистического идеализма рождает возможность «отворачиваться от чувственной красоты, презирать ее и искать красоту истинную» (Плотин и Августин, 1998). Применяя описываемый Плотиним метод монистического идеализма к противодействию психическим травмам в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя», мы обратимся к социально-коммуникационным практикам, которые опишем далее подробно. Пострадавший от психической травмы человек приобретает статус «возвышенного» человека уже потому, что он познал некие истины, к которым нет доступа обычным людям. Для нашего исследования метод монистического идеализма применим именно потому, что даёт возможность пострадавшему от травмирующего его события «увидеть то, что не видит низменный (*не пострадавший от травмирующего события – прим. наше – В.К.*) человек: красоту добродетели, благоразумных действий, добрых нравов, красоту величия характера, справедливости сердца и т.п. На этой ступени человеческого бытия душа в своей деятельности всё ещё пребывает в теле, но она от тела независима» (Монистический идеализм, 2020). И именно в таком состоянии душевно пострадавший от травмирующего события человек как субъект может направить свои ментальные усилия на объект коррекции – посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). По мнению Плотина, такая «независимость души от тела возвышенного человека» (Плотин и Августин, 1998) может считаться «предсуществованием души» (Плотин и Августин, 1998), так как «эта душа созерцала и добродетель, и справедливость, и саму красоту в чистом виде как нечто

совершенно идеальное, как идею. От того она и способна узнать все это в заземлённой и частной, конкретной форме существования» (Монистический идеализм, 2020).

Таким образом, в дальнейшем эмпирическом исследовании мы обращаемся к потенциалу метафизического метода, потому что «основными объектами исследования в метафизике становятся такие понятия, как «бытие», «свобода», «бессмертие», «Бог», «жизнь», «материя», «истина», «душа», «дух», «природа», а также проблемы, связанные с интерпретацией данных категорий» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 226). По мнению Р. Декарта, «критерием бытия выступает человеческая субъективность, которая отождествляется с его сознанием» (Декарт, 1989: 495). Средневековый мыслитель предположил, что внешний мир возможен к изучению с позиций того, кто познаёт его. Другими словами, познание мира зависит от сознания познающего. Мы согласны с утверждением Р. Декарта, который считал, что «сознание не может быть описано, и его существование не может быть доказано с помощью методов, применяющихся для изучения внешних объектов» (Декарт, 1989: 495).

Наиболее чёткое представление о монистическом идеализме предложил Г. Гегель, который во главу своей философии ставил понятие «абсолютная идея» (Гегель, 1959; Гегель, 1970). В нашем исследовании не используются категории абсолютного идеализма («мировой разум», «абсолютная идея», «мировой дух»), хотя мы активно обращаемся к понятиям «Разум» и «Дух», что сближает наш подход с идеями монистического идеализма немецкого философа.

Как и Гегель, современные исследователи относят монистический идеализм к числу методологических принципов изучения сознания на основе метафизики и натурализма. В основе такого принципа лежит тезис о том, что «природа выступает единым универсальным принципом объяснения всего сущего» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 225). Следует учесть, что в натурализме дух, духовные феномены и сознание рассматриваются «в качестве производных от природных феноменов» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 225). Поскольку метафизика при изучении сознания объектом выбирает «объективацию духа», которая фиксируется «в языке в отдельных категориях, идеях, теориях и ценностях» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 225), в них с помощью сознания отражается внешний мир и его атрибуты. Согласно монистическому идеализму (и метафизике как общем представлении о мире) «реалии внешнего мира определяются через идеи и понятия» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 225). В данной теории проблема изучения сознания имеет двоякое трактование: с одной стороны, сознание следует считать «результатом длительной целенаправленной эволюции живой материи, с другой стороны, сознание представляется в виде некоторой идеальной целостности» (Багаутдинов, Харисов, 2014: 225).

По мнению А. Госвами, в философии монистического идеализма как противоположности материалистического реализма «фундаментальное место занимает сознание, а не материя» (Госвами, 2020). Поскольку мир материи и мир духа определяется сознанием, «идеализм постулирует трансцендентную, архетипическую сферу идей в качестве источника материальных и ментальных феноменов» (Госвами, 2020). И здесь следует согласиться с А. Госвами в том, что «монистический идеализм... является унитарной философией; любые деления, как, например, на имманентное и трансцендентное, существуют в сознании» (Госвами, 2020). Важным выводом из рассуждений А. Госвами является постулат «только сознание представляет собой окончательную реальность» (Госвами, 2020).

Исходя из утверждений А. Госвами, можно предположить, что современная наука со своим прежним (в XX веке) жёстким делением на материализм и идеализм и таким же отношением к методологии каждого направления начинает ощущать в XXI веке тенденцию к скептическому пересмотру доминанты в объяснении реалий окружающего мира и способов достижения Истины. В поисках ответа на вопрос о том, может ли материалистическая наука

объяснить открытия, например, в квантовой механике начала XX века, исследователь утверждает, что это может достаточно обосновано сделать идеалистическая наука с помощью методологии монистического идеализма. А. Госвами постулирует, что «монистический идеализм не только совместим с квантовой физикой, но и необходим для её интерпретации» (Госвами, 2020). Учёный уверен, что «парадоксы новой физики исчезают, когда мы рассматриваем их с точки зрения монистического идеализма» (Госвами, 2020). Его уверенность опирается на положение о том, что «квантовая физика в сочетании с монистическим идеализмом даёт нам мощную парадигму, с помощью которой можно разрешить некоторые из парадоксов мистицизма – например, вопрос о трансцендентности и множественности» (Госвами, 2020). А. Госвами считает, что сегодня ощущается «начало идеалистической науки и возрождения религии» (Госвами, 2020). Таким образом, в дальнейшем исследовании, обращаясь к постулатам квантовой механики, мы считаем целесообразным принять в качестве методологически близких для достижения поставленной цели положения одного из методов метафизики – монистического идеализма, который активно постулируется в современном научном мире постсоветского политического пространства.

Рассматривая методологию изучения социально-коммуникационных практик по противодействию психическим травмам, мы обращаемся к *предложенной нами ключевой формуле монистического идеализма – «Сознание – Информация – Энергия – Материя»*. С позиции методологии исследования такое принятие приводит нас к возможностям углублённого изучения основ процесса противодействия психическим травмам. Далее мы обращаем своё внимание на 1) формулу квантового Сознания в концепции С. Волински, 2) его трансперсональную концепцию Сознания/Подсознания, 3) анализ травмы в свете трансперсонального подхода к Сознанию, 4) метод «космической трансформации», а также предлагаем упражнения в рамках данного метода, которые направлены на коррекцию психических травм.

Результаты и обсуждение

Разделяя многие положения С. Волински о Сознании, считаем его психотерапевтические методы чрезвычайно эффективными, в чём не единожды убеждались на практике. Между нашим подходом и концепцией С. Волински в этом направлении существует целый ряд теоретических расхождений. Упомянутые расхождения имеют фундаментальный мировоззренческий характер. Поэтому мы не можем оставить их за пределами рассмотрения и не высказать свою позицию.

Теоретические просчёты квантовой психологии Стефена Волински

Начнём с того, что формула квантового Сознания у Волински выглядит следующим образом: Пустота – Хаос – Сущность Человека – Субличности (его ложные Эго). Очевидно, она находится в русле копенгагенской интерпретации квантовой механики, в основе которой лежит фигура Наблюдателя, играющего экстраординарную роль в процессе формирования материальной реальности (так называемой волновой редукции). В крайнем своём выражении этот подход может быть выражен в тезисе: нет Наблюдателя, нет Реальности, – что мы и наблюдаем у Волински. В основе его рассуждений о природе и сущности Сознания (и способах его избавления от травм) лежит тезис о Пустоте («точке нуля») как отсутствии субстанциональной реальности как таковой (Волински, 1997; Wolinsky, 1993). Переход от этого базового состояния полной бесструктурности к форме осуществляется, согласно Волински, благодаря «Хаосу». Эта онтологическая связка «пустоты» и «хаоса» отсылает нас не столько к платонизму, сколько к Лао-Цзы и его последователям. Как известно, в философии даосизма Дао – это непроявленная (информационная) основа всех вещей, в то время как Дэ – это проявленная мощь Дао, то есть Дао, наполненное энергией. В этом контексте «Пустота» Стефена Волински как всеобъемлющая информационная Матрица или «мир всех возможностей» – это Дао, в то время как «Хаос» – это Дэ, или, в «квантовой»

терминологии, «энергетические потоки», ещё не затронутые волновой редукцией. Таким образом, в основе Вселенной Стефена Волински нет ни Сознания, ни Материи, и то, и другое создаются Наблюдателем. Закономерно, что и проблему Человека Волински пытается решить в этом теоретическом контексте, т.е. сквозь призму концепции Пустоты/Хаоса. Поскольку, по убеждению автора, над сущностью Человека неизбежно надстраиваются пресловутые «субличности», ограничивающие возможности его сознания, её (сущности) воплощением для него выступает «младенец», который открыт миру и находится в абсолютной Гармонии с Пустотой/Хаосом (кстати, у Лао-Цзы образ ребёнка также является символом слияния человека с Дао).

Эта схема, как не трудно догадаться, порождает множество вопросов концептуального и мировоззренческого характера. Во-первых, остается невыясненным, *кто* является Наблюдателем, творящим форму и саму «реальность»? Если это «субличности», то ценностная значимость такого Наблюдателя весьма невелика, потому что он творит химеры, несущие человеку страдания и травмы. Во-вторых, встаёт резонный вопрос: является ли «Наблюдателем» заявленная Волински Сущность человека («самость» младенца)? Скорее всего, нет, потому что младенец слит с Хаосом и Пустотой, открыт их энергиям, а следовательно, обладает более высоким *онтологическим статусом* и находится на более высоком *уровне космической иерархии*, чем взрослый человек, «нашпигованный» субличностями. Но таким образом ценность фигуры Наблюдателя снижается ещё больше. Не менее важным является и третий вопрос, относящийся к сфере, которую мы называем *«эволюцией Сознания» («ментальной эволюцией»)*. Если предположить, что именно младенец – это её альфа и омега, то развитие человеческой личности приобретает парадоксальный регрессивный характер возвращения к «младенческой сущности» через освобождение от власти «субличностей». Конечно, если бы Волински был даосом, проблем бы не было: для Лао-Цзы возврат в «детство» представлялся венцом развития Сознания. Для приверженца концепции квантового Наблюдателя, как подлинного творца Реальности, такие представления логически недопустимы: освободившись от всех ложных «субличностей», человек не в силах избавиться от одной – собственно «субличности» Наблюдателя. Иными словами, Стефену Волински следует выбрать между двумя логиками: или Человек стремится к тому, чтобы осознать себя в качестве Наблюдателя (а именно в этом, как мы видели, состоит смысл множества предложенных им психотерапевтических упражнений), или он прикладывает усилия к освобождению от субличностей и в конце пути перестаёт быть Наблюдателем. В этом неразрешимом противоречии, по нашему убеждению, состоит главный теоретический просчёт квантовой психологии С. Волински.

Другое дело, что теоретические просчёты, как это вообще свойственно серьёзной психотерапии, не слишком сильно портят предложенные Стефеном Волински методики избавления от травм. В лечебном плане, как мы уже писали, его квантовый подход крайне эффективен и достоин массового применения на определённых этапах противодействия психотравмам. Это кажущееся противоречие легко объяснить, если помнить, что в основу квантовой терапии Волински положено в целом правильное объяснение психических травм как *иллюзорных конструкций человеческих «субличностей» (ложных «Эго»), закреплённых «ярлыками»*. Последние придают «химерам» сознания своего рода *«массу»* и имеют свойство *заполнять пространство психики целиком*. Подобное «метастазирование» приводит к тому, что травма может уничтожить появление любых нормальных проявлений человеческого сознания, поражая человека тяжелейшей психосоматикой, а в отдельных случаях приводя его к суициду. Кстати, описание вредоносных последствий всякого рода «псевдосущностей» у Волински очень *схоже* с описанием деструктивной силы «инграмм» у Р. Хаббарда (Хаббард, 2007).

При этом следует понимать, что комплексная психотерапия *не может* завершаться удалением «ментальных ярлыков», здесь важно понимать, что делать дальше. По Волински,

разблокировав травму, человек должен как бы *растворить* её в Пустоте. Вопрос в том, как совместить это требование с очевидным для нас положением, согласно которому *ментальная терапия неотделима от ментальной (духовной) эволюции*. У Волински выходит, что первая есть, а второй нет, ведь какая же может быть эволюция в Пустоте? Акцентируем внимание на том, что «младенец» С. Волински может рассматриваться как отправная точка эволюции, но не как её конечный пункт.

Трансперсональная концепция Сознания/Подсознания

Ранее мы обращались к словам о том, что «вся трагедия человека состоит в том, что он приходит в жизнь стопроцентным гигантом, а в силу своего незнания своей собственной природы и проявленной слабости уходит из неё пятипроцентным лилипутом» (Крутов, 2014). Исходя из смысла цитаты, в маленьком человеческом существе кроются колоссальные возможности, о которых мы не догадываемся и которые в большинстве своём не используем. Считаем, что С. Волински отдаляется от истины: эволюция Сознания состоит не в консервации его потенциала, а в направленности Сознания в бесконечность совершенствования, следуя по пути к *Мировому Разуму* или *Абсолюту*. Другое дело, что зачастую вместо реализации этих драгоценных даров Мироздания у представителей рода человеческого, наоборот, имеет место инволюция, а то и вообще откровенная *деградация* сознания. Этот «эволюционный тупик» имеет место только потому, что на себя и на мир большинство из нас смотрит *сквозь* иллюзорную призму материализма. С одной стороны, этому способствуют животные элементы человеческой психики (вульгарный материализм, помещающий в центр Жизни бытового гедонизм, в котором наслаждения и удовольствия признаются высшим благом перед лицом неминуемой смерти), а с другой – мировоззренческие табу, исключаящие измерение Сознания из картины Бытия. В частности, такое исключение свойственно целому ряду интерпретаций квантовой физики, на самом деле безуспешно пытающихся объяснить Вселенную *без учёта* Сознания, интерпретируя фигуру Наблюдателя как математическую абстракцию или вообще отрицая ее существование. Стефен Волински также сидит в этой теоретической «волчьей яме»: в его «Пустоте» также нет Сознания. По нашему мнению, он делает ту же оплошность, что и многие учёные, принявшиеся вслед за Фридьофом Капррой исследовать *параллели* между новой физикой и древней восточной метафизикой. Большая ошибка – *приспосабливать* положения квантовой механики, теории относительности и космологии к онтологии индуизма, буддизма или даосизма. Здесь необходим *диалог и синтез идей*, не достижимый для сознания, заражённого вирусами материализма.

Мышление в категориях духовной парадигмы «Сознание – Информация – Энергия – Материя» *избавлено* от этого недостатка, поскольку постулирует, что в *основе Мироздания лежит именно Сознание*. Признание этого фундаментального положения полностью меняет «оптику» и *горизонт* наших представлений о Мире. Оно *освобождает* наше мышление от навязчивых поисков сознания в черепной коробке, утверждает, что сознание человека не является функцией его мозга, а представляет собой *функционал* от Божественного (Космического) Сознания. Это означает, что уровень развития человеческого Сознания *напрямую* зависит от его способности *коммуницировать* с Мировым Разумом и принимать от него те или иные сообщения.

В этом контексте совершенно *новое* значение приобретает тема Подсознания, которое психология традиционно рассматривает преимущественно в негативных значениях, что не соответствует действительности, и не понимает его *истинной* роли в жизни человеческого Духа.

Предлагаемая нами концепция Подсознания исходит из предпосылки, выраженной в базовой формуле Мироздания: Сознание – Информация – Энергия – Материя. Согласно ей *Сознание является единственной Субстанцией Бытия, которая с помощью*

«информационных программ» организует уровни и потоки энергии, превращающиеся в иерархически структурированные виды материи. Сказанное означает, что Сознание порождает Материю, но материя любого уровня организации не может породить Сознания. Это означает, что Сознание не является *свойством* головного Мозга и не является *высшей формой психики*, которая неразрывно связана с физиологией.

Тезис о том, что Сознание есть субстанция, некое *Мировое Поле* позволяет предположить, что и индивидуальное сознание человека – *частичка* этого Поля и *существует лишь во взаимодействии* с ним. Какова же в этом случае роль Мозга? Логично предположить, что он является совершенным *инструментом* такого взаимодействия. Метафора «телевизора» позволяет наглядно пояснить эту мысль и определить истинный смысл многочисленных эмпирических наблюдений, якобы доказывающих, что сознание по частям локализовано в разных его участках. Очевидно, что, механически воздействуя на те или иные устройства внутри телеприёмника, меняя настройки и дергая за кабель подключения к сети, мы будем влиять на качество сигнала. Если вынуть вилку из розетки, никакого «кино» *не будет*. Из этого не следует, что каналы CNN или National Geographic рождаются в кинескопе, нет, они на него *транслируются*.

Сознание человека *возникает* в результате коммуникации с Мировым Сознанием, или Космическим Разумом, и Мозг выступает в качестве сложного биохимического устройства – приёмника, который обеспечивает эту коммуникацию. На эмпирическом уровне этот вывод в значительной мере подтверждают *опыты с изменённым сознанием* Станислава Грофа и других представителей трансперсональной психологии. Ими было показано, что *изменение* параметров деятельности Мозга под воздействием психоделических препаратов *расширяет* границы *трансперсональных* возможностей сознания, в результате чего оно оказывается способным *подключаться* к сознанию других людей и живых существ, общаться с «духами» умерших, «вспоминать» опыт своих прошлых рождений и т.п.

Признание трансперсонального (и коммуникативного) характера человеческого сознания позволяет нам достичь *синтетического понимания* природы и сущности *Подсознания*. Согласно ему Подсознание складывается из четырёх взаимосвязанных сфер: а) *вне-сознательное*; б) *неосознанное*; в) *бессознательное*; г) *собственно подсознательное*, каждая из которых представляет отдельный функциональный паттерн. «Вне-сознательное» и «неосознанное» – это области психических автоматизмов и навыков; «бессознательное», с которым зачастую отождествляют Подсознание как таковое, – это скрытый от рационального Я психический «омут», в котором прячутся тайные желания, комплексы, травмы и т.п. Вместе эти сферы образуют «подсознание» как непосредственно недоступную для индивидуального сознания *персональную* часть психики. В её рамках Подсознание представляет собой *набор программ, хранящих всю Информацию об индивиде*, эта информация может быть зафиксирована как на уровне жизнедеятельности организма, так и на уровне паттернов поведения человека. Наряду с этим персональным отделом существует *трансперсональное* Подсознание как нечто привнесённое в менталитет *извне*, никак не связанное с индивидуальным опытом. И если «персональное» может быть синонимом «психического», то «трансперсональное» по определению «непсихично», поскольку непосредственно не выработано *психикой* индивида. Эта область Подсознания представляет собой *набор программ, хранящий всю информацию о Космосе и Божественном разуме*. Оба отдела Подсознания играют существенную роль в жизни человека, взаимодействуют и, безусловно, *не существуют друг без друга*. Иной вопрос, что техники взаимодействия с подсознанием первого и второго типов, как и техники управления и модели диалога с ними, *существенно различаются*.

И все-таки *базовой формой Подсознания*, с нашей точки зрения, является *трансперсональное (коммуникативное) Подсознание*, которое является *частью Вселенского Сознания* и служит своего рода *мостиком* и одновременно *каналом связи* между

индивидуальным и Божественным. Мы можем утверждать, что *Подсознание – это часть посланий Мирового Разума в индивидуальном Сознании, которая некоторое время остаётся для нас закрытой, но по мере эволюции Сознания постепенно раскрывает своё содержание.* В рамках модели «Сознание – Информация – Энергия – Материя» данный подход не является единственным, однако он является *базовым и определяющим*, поскольку все вышеназванные сферы сознания/подсознания имеют *единый источник – Вселенское Сознание.* Кроме того, он позволяет сформулировать метод *ментальной эволюции* (или метод *расширения Сознания*) *индивида*, понимаемый как намеренное и прогрессирующее *открытие* духовной Личностью каналов коммуникации с Божественным Разумом.

Возвращаясь к психотерапевтической теме, следует указать, что такой подход, как легко убедиться, существенно меняет наши представления о психологических проблемах, травмах и способах избавления от них. Для нас очевидно, что *практики ментальной терапии* должны быть подчинены *методу ментальной эволюции*, то есть быть интегрированы в практики комплексной реализации человеческой личности – его *духовного и физического Здоровья.*

Травмы в свете трансперсонального подхода к Сознанию

В этой связи следует отметить, что признание наличия в Подсознании нескольких весьма разнородных составляющих позволяет нам лучше понять природу *травм* и *проблем*, с которыми человек сталкивается в течении жизни. В самом грубом приближении ментальные травмы можно разделить на две большие категории: а) *травмы психические*, то есть те, в которых задействована личная история индивида в его контактах с эмпирическим, материальным миром; б) *травмы трансперсональные*, которые с этим опытом не связаны, а приходят к нам как бы *извне.* Однако при этом надо иметь в виду, что даже наличие травм «мирских» зависит от уровня развития индивидуального Сознания (то есть от степени его способности к коммуникации с Высшим Разумом и открытости подобной коммуникации). Отметим, что до людей с высоким уровнем сознательной эволюции многие травмы никогда не «пристают», что уже априори выводит методы расширения Сознания на уровень Высших стратегий противодействия состояниям ПТСР.

Далее рассмотрим те методы избавления от травм, которые мы предлагаем в рамках идеологии *Духовной парадигмы.*

Взаимодействие с окружающим «материальным» миром

Метод космической трансформации

Как мы констатировали ранее (Крутов, 2014), первая группа травм и проблем (в более широком смысле слова) возникает в результате *внешнего* болезнетворного воздействия на психику человека. Такие травмы вызывают постоянный психологический дискомфорт, создают в сознании индивида целую вереницу *искажённых представлений* (по Р. Хаббарду – «аббераций») о мире. Известно множество разновидностей таких травм. Например, младенца роняют на пол или он попадает в автокатастрофу и чудом выживает; девушка отказывает влюблённому юноше во взаимности; долгое отсутствие карьерного роста внушает вроде бы зрелому человеку комплекс неполноценности и т. д. Психотерапевтические школы предлагают различные методы избавления от подобных «душевных ран». *Психоанализ и глубинная психология* будут настаивать на *рационализации* пациентом бессознательного комплекса; *саентологи* займутся *клирингом* «инграмм»; эксперты *НЛП* и ряда других направлений психологии постараются добиться «космического замещения» травмирующего переживания другим, нейтральным или позитивным; наконец, «квантовая психология» (С. Волински) постарается убедить человека *растворить* свои психологические проблемы в Пустоте.

Предлагаемый нами метод ментальной терапии *не отрицает* ни один из перечисленных выше подходов. Мы не можем не констатировать, что они эффективны в достаточно узком диапазоне применения. С какими-то травмами они справляются, с какими-то нет. На общем фоне «квантовый метод» *растворения* «плотных травматических образований» в человеческом Сознании выглядит почти «панацеей» от всех психологических бед, ведь он даже способен лечить *посттравматический синдром*, перед которым традиционная психотерапия серьёзно отстаёт. Тем не менее и у квантовой психологии С. Волински *есть* свои ограничения и недостатки. Ранее мы уже их перечислили: во-первых, С. Волински не смог верно интерпретировать сущность Энергии, а значит, и оценить её колоссальный *лечебный потенциал*, во-вторых, он поставил во главу угла своих практик дискуссионное понятие «Пустоты» как последнего основания Бытия. В противоположность Волински мы утверждаем, что этим основанием является Сознание, а также ограничения, которые наложены на возможности его эволюции у человека.

С. Волински парадоксальным образом объединяет Пустоту и Энергию, формулируя на этом единстве нечто наподобие *жизненной программы*. Для лучшего понимания отличия «квантового подхода» от метода, который мы предлагаем, приведём одно из наиболее характерных суждений С. Волински на эту тему: «Жить без намерения и цели, просто быть и действовать здесь и сейчас – это намерение без намерения. Для этого требуется переживать чувства, как чистую энергию, не замутняя их мыслями, оценками, обоснованиями и историями о том, что привело вас к вашим переживаниям. Ещё лучше воспринимать мысли, истории, оценки и ассоциации как энергию. Согласиться переживать чувства как энергию и жить без намерения – это означает принять дао хаоса» (С. Волински. Дао хаоса).

Вдумаемся в смысл цитированного постулата. В качестве *технического метода* избавления от психических проблем и псевдопроблем его можно принять. Но много ли найдётся людей, согласных жить по такой «программе», без цели и намерения, тем более что речь вообще-то идёт о психотерапии, а не о монашестве в поисках Пустоты Мироздания? Нам такой подход чужд. Для нас основой Бытия является Сознание, а жизненной целью человека выступает максимальный прирост его *потенциала*, эволюция индивидуального сознания в направлении Сознания Божественного. Точно также мы не можем согласиться с трактовкой сущности Энергии, которую выдвигает С. Волински. Из приведённого отрывка следует, что в его понимании *Энергия* – это некая нейтральная сущность, определённости которой придаёт *ярлык* и сугубо *количественные показатели* (по шкале «сила/слабость»). Такое понимание энергии близко к физическому, поскольку, как, по всей видимости, считает Волински, опирается на закон превращения энергии, демонстрирующий *относительность различий*, существующих между разными формами энергии (электрической или тепловой). Мы утверждаем, что энергии отличаются *качественно*, что следует говорить об *иерархии энергий*, в которой более высокие уровни занимают *тонкие (или духовные) энергии*, а низшим градациям соответствуют *энергии грубые, материальные*. Подобная иерархия имеет место и в самом человеке как сложной *энергоинформационной сущности*. Человек представляет собой систему энергетических тел и полей разного уровня, которая позволяет рассматривать его как *многомерную сущность*. Это положение было основным в системе древнего знания (в частности, индийского), а открытия новой физики в XX веке подвели под него *новые доказательства*.

Упомянутое фундаментальное положение позволяет нам существенно скорректировать основной метод С. Волински, смысл которого, как мы знаем, состоит в том, чтобы снять с травмы или негативного переживания их *ярлык*, воспринять *чистую энергию этого переживания* с тем, чтобы всё его негативное содержание «растворить» в Пустоте. Мы уже говорили о том, что такая методика эффективна в процессе избавления от страданий, но в ней отсутствует *механизм внутреннего роста человека*, который преодолел свою проблему и стал *выше* неё. Данное отсутствие обусловлено тем, что, во-первых, энергия, порождённая

«низшими» эмоциями, не может быть «нейтральной» (поскольку энергия – это не абстрактная количественная сущность, и наличие в сознании человека такой «грязной энергии» мешает ему двигаться в направлении творческой духовной эволюции); во-вторых, Пустота хороша как *визуальный* образ, избавляющий от травм, но не как *ценностный* Идеал и платформа для дальнейшей эволюции.

Исходя из этих доводов, предлагаем *скорректировать* методы квантовой психологии в направлении, которое чётко выражено в названии того метода, который мы предлагаем: *метод космической трансформации*. Чем он отличается от метода *космического замещения*, мы поясним далее. Последний (как и квантовые методы вообще) не учитывает уровней энергий, их иерархии по шкале «*грубые/тонкие*», существенную разницу частоты их *вибраций*. При попытке «космического замещения» травм психотерапевт априори предполагает, что замещаются *однопорядковые энергии*, одна из которых сильнее в количественном отношении (например, эмоция страха заменяется эмоцией гнева). Это чаще всего помогает человеку разрешить некую ситуативную проблему, однако при этом он остаётся на том же уровне духовного развития (ментальной эволюции). Метод *космической трансформации* имеет совершенно иной смысл. Он предполагает замену, трансформацию *низких энергий* на *энергии высшие*.

Как это осуществимо на практике? Прежде всего, *космическая трансформация* должна проходить в два этапа: а) сначала необходимо «растворить» негативную эмоцию или травму в «пустоте» по методам квантовой психологии, а затем б) «наполнить» возникшие «пустоты» энергией более высокого ранга. Подчеркнём, что под высшими энергиями имеем в виду *энергии Любви, Сострадания, Благодарности*, представление о которых отсутствует у С. Волински.

Далее проанализируем, как данная техника работает на практике. Возьмём любое упражнение из «квантового сознания» С. Волински, целью которого является достижение состояния «Пустоты». Например, квантовое упражнение 50, описывающее ситуацию, когда человеку в обстановке конфликта нужно выбрать тип отношений с другим человеком. Вот это упражнение:

Квантовое упражнение 50

«Шаг I: Заметьте конфликт, который вы переживаете, например, «сохранять отношения» или «не сохранять отношения». Шаг II: Заметьте форму, размер каждой части конфликта и пространство, окружающее их и находящееся между ними. Шаг III: Дайте себе почувствовать каждую часть конфликта. Шаг IV: Слейтесь по очереди с каждой из форм, а затем станьте между сторонами конфликта и слейтесь с пространством. Шаг V: Рассмотрите две эти частицы, плавающие в пустом пространстве, и пустое пространство, как состоящие из одного и того же вещества. Шаг VI: Заметьте оставшуюся пустоту. Шаг VII: Сгустите пустоту и создайте частицу 1: «Мне нужно сохранять эти отношения», сгустите ещё немного пустоты и создайте частицу 2: «Мне *не* нужно сохранять эти отношения». Шаг VIII: Теперь растворите эти две частицы и превратите их обратно в пустоту. Шаг IX: Несколько раз сгустите пустоту, превратив её в части конфликта, и рассейте частицы, превратив их обратно в пустоту» (Волински, 1997).

Что мы имеем в «сухом» остатке после ознакомления с этим упражнением, которое при определённых обстоятельствах может кому-то принести если не избавление, то хотя бы облегчение? На наш взгляд, в идеологии упражнения 50 имеется множество «смысловых пустот», значительно снижающих его терапевтический потенциал. 1) Кто *субъект* выбора в половом, возрастном, социальном плане: ребёнок, юноша, девушка, студент, учёный, политик, бомж? 2) Кем является второй участник конфликта, в каких *отношениях* с пациентом он состоит? Это муж, жена, начальник, друг, подруга, любовник(-ца), мать/отец, сын/дочь и т.д.? 3) Что послужило причиной этого конфликта и какова степень его глубины? Без этих уточнений мы будем иметь дело с неизвестным субъектом, с абстрактным

«другим», с невыясненными «отношениями», в финале – всё с той же Пустотой. Между тем *конкретность* – главная добродетель ментальной терапии. Поэтому для того, чтобы это и подобные ему упражнения стали ещё более эффективными, необходимо дополнить их по методу *космической трансформации*.

Чтобы не быть голословным, в своих умозаключениях предлагаем проанализировать одно известное стихотворение Генриха Гейне, в котором автор задолго до появления квантовой теории детально описывает методику космической трансформации как средство от психических травм.

Когда тебя женщина бросит, – забудь,
Что верил ее постоянству.
В другую влюбись или трогайся в путь.
Котомку на плечи – и странствуй.

Увидишь ты озеро в мирной тени
Плакучей ивовой рощи.
Над маленьким горем немного всплакни,
И дело покажется проще.

Вздыхая, дойдёшь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины,
Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
И клетот, услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы.
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало!

(Пер. С. Маршака)

Таким образом, мы имеем банальную ситуацию: от мужчины уходит его возлюбленная. Хотя это случается часто, для героя стихотворения это становится настоящей трагедией. Какой «терапевтический» сценарий предлагает ему в этой ситуации поэт? Оставим в стороне совет «в другую влюбись» (данный им между прочим) и сосредоточимся на варианте «динамической медитации», который Г. Гейне подробно и со знанием дела описывает. Несчастному влюблённому предлагается отправиться в путешествие, то есть «материализовать» идею «странствия души» как фундаментальной метафоры духовного роста. Затем в духе квантового подхода опытный сердцеяд Г. Гейне советует *расширить контекст события*, то есть превратить космическую трагедию в маленький и заурядный эпизод. На фоне прекрасных «озера» и «рощи» горе героя из «огромного» неотвратно становится «маленьким» («Над маленьким горем тихонько всплакни»). Однако поэт на этом не останавливается и советует своему герою *расширять контекст травмы*, благодаря чему его Сознание должно *радикально трансформироваться*. Взойти на высокую гору, увидеть перед собой *огромный простор Мира*, осознать, насколько *ничтожно* всё то, над чем он только что проливал горькие слезы.

Подведём итог и спросим себя, какие методы Г. Гейне *интуитивно* использовал для «терапии» своего героя? Вначале, как мы уже обращали внимание, налицо *квантовый метод уменьшения сверхзначимости события* путём его помещения в новый контекст¹⁵. Однако

15 В этой связи стоит вспомнить шуточную песенку слуги из комедии Лопе Де Вега «Собака на сене», в которой описан метод «космического замещения» как средства избавления от горячей влюблённости:
Если вы на женщин слишком падки,

далее мы видим, что поэт этим не ограничивается и снова интуитивно применяет метод *космической трансформации*. Сознание героя не отождествляется с Пустотой, в которую отправлена всего лишь измена бывшей возлюбленной. Герою стихотворения рекомендуется *трансформировать* чувства глубокой депрессии в эмоцию *радости, свободы и полноты Жизни!* Иными словами, победа над травмой означает для Г. Гейне не *сужение* горизонта сознания (полная отрешённость), а, наоборот, его *расширение*, его *трансцендирование* к наивысшим проявлениям Бытия. Очевидно, что здесь речь идёт не о *космическом замещении*, а именно о *космической трансформации*, потому что энергетический «регистр» состояния депрессии (начальное состояние) и просветлённого состояния внутренней свободы (финальное состояние) *радикально* отличаются друг от друга. В данном случае налицо не просто замена энергий одного типа эмоций на однопорядковый тип другой эмоции, а трансформация энергии низшего порядка (депрессия) к эмоции более высокого «духовного» ранга. Если бы герой решил внять *первому совету* поэта («в другую влюбись»), то тогда это был бы действительно механизм *космического замещения* в чистом виде¹⁶.

Возвращаясь к квантовому упражнению 50, используем его для «лечения» любовной драмы, описанной Г. Гейне, при этом дополнив элементами *космической трансформации*. Сначала нам нужно определиться, кто является субъектом выбора и какой конфликт лежит в основе проблемы, породившей травму. Стихотворение Г. Гейне помогает нам в этом. В нём, как мы помним, молодой человек сталкивается с изменой любимой женщины. Вопрос выбора: «продолжать отношения» – «прекратить отношения». По логике С. Волински его, этот выбор, можно вообще не делать, поскольку задача в том, чтобы показать равнозначность всех возможных решений конфликта, все их растворить в «пустоте» и успокоиться в полном безразличии. Согласится ли с такой «терапией» человек, для которого жизненно важно решить дилемму: продолжать отношения с женщиной или прервать их, а не уходить в монахи. Добиться этого можно, продолжив Упражнение 50 медитацией *космической трансформации*, которая поможет несчастному влюблённому найти решение мучающей его проблеме и, таким образом, окончательно избавиться от травмы, наполнив Пустоту энергией высшего порядка:

Упражнения «космической трансформации»

Шаг 1. «Растворить» травму или проблему в Пустоте по методу С. Волински (Упражнение 50).

Шаг 2. Рассмотреть ситуацию в *спокойном эмоциональном состоянии*, потому что именно в нём человек способен услышать «подсказку» со стороны Вселенского Разума и сделать действительно *правильный выбор, соответствующий* «законам Космоса» и задачам индивидуальной духовной эволюции. Сделанный в этом состоянии и с такого рода подсказкой, этот выбор будет лишён эмоциональной «горячки» и потому будет оптимальным, сообразным сложившимся обстоятельствам. В любом случае, то есть в случае любого решения, искусственно созданную в ходе Шага 1 Пустоту необходимо *заполнить* эмоциями, несущими энергетически *несравнимо более высокий потенциал*, чем эмоции, которые царили в ситуации мучительного выбора: депрессия, ревность, невозможность простить и одновременно осознание невозможности жить друг без друга и т.д.

В прелестях ищите недостатки.

Станет сразу все намного проще:

Девушка стройна, мы скажем: мощи!

Умницу мы наречём уродкой,

Добрую объявим сумасбродкой.

Ласковая – стало быть, липучка,

Держит себя строго – значит, злючка... (Лопе де Вега, 2009: 72).

¹⁶ В этом отношении заслуживают внимания технологии В. Зеланда по преодолению сверхзначимости жизненных ситуаций в процессе разрешения сложных психических состояний человека.

Конкретизируя сказанное, в случае решения о расставании надо *отпустить* любимую женщину с глубокой признательностью за всё хорошее, что было между вами, исходя из пушкинского рецепта: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим» (Пушкин, 1937). Без злобы, ненависти и обид, которые будут *трансформированы* в светлую эмоцию духовной Любви. Тот же алгоритм должен быть использован и в случае решения «продолжать отношения», когда вам придётся трансформировать весь спектр былых претензий в чувство безграничной любви и заботы. Чтобы определиться с нужным сценарием и необходимым эмоциональным фоном, который вы считаете целесообразным достичь, необходимо именно квантовые упражнения, усовершенствованные с помощью метода *космической трансформации*.

Можно было бы продолжить этот опыт и показать, как работает наш алгоритм на примере других упражнений и психологических ситуаций, предложенных уважаемым нами учёным. Их изложение в рамках настоящей статьи особой необходимости не требует. Способ превращения упражнений квантовой медитации в упражнения космической трансформации весьма прост. Чтобы понять простоту данного метода достаточно в этом направлении совершить несколько экспериментов на себе и, таким образом, убедиться в эффективности наших интерпретаций к квантовым упражнениям С. Волински.

Выводы

В начале исследования своей целью мы определили теоретическое обоснование и детальное описание (с элементами верификации) тех социально-коммуникационных практик, с помощью которых будет фиксироваться противодействие последствиям психических травм в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя», отличное от предложенных технологий в рамках квантовой теории С. Волински.

Результаты проведённого анализа позволяют нам констатировать, что поставленная цель достигнута в полном объёме. Нами было установлено следующее:

1) методология монистического идеализма имеет верификационный характер и валидна сформулированной цели исследования;

2) анализ возможностей теоретического и практического изучения социально-коммуникационных практик по противодействию психическим травмам наиболее эффективен с позиций ключевой онтологической и методологической формулы монистического идеализма – «Сознание – Информация – Энергия – Материя»;

3) формула квантового Сознания в концепции С. Волински не является валидной (соответствующей поставленным задачам) в контексте её применения в рамках социально-коммуникационных практик, так как она не охватывает всей полноты и целостности противодействия психическим травмам;

4) с позиций возможного применения трансперсональной концепции в процессе реализации потенциала социально-коммуникационных технологий противодействию психическим травмам и с опорой на теоретические постулаты о функциях Сознания/Подсознания необходимо учитывать дифференциацию травмы на психические (в которых задействована личная история индивида в его контактах с эмпирическим, материальным миром) и травмы трансперсональные, которые с этим опытом не связаны. Последние приходят к нам как бы извне и зависят от уровня развития индивидуального Сознания, степени его открытости и способности к коммуникациям с Высшим Разумом;

5) анализ преодоления травмы в свете трансперсонального подхода к Сознанию с помощью метода космической трансформации существенно увеличивает диапазон возможностей эффективного решения проблем, связанных с ПТСР;

6) упражнения «космической трансформации», представленные в виде специальных социально-коммуникационных технологий, являются надёжными инструментами социального инжиниринга, позволяющего с более действенной и продуктивной точки зрения трактовать квантовый смысл упражнений С. Волински.

7) метод «космической трансформации» при наличии многих его преимуществ перед традиционными технологиями коррекции и нейтрализации психотравм требует своего дальнейшего развития в условиях специального, более углублённого и детального изучения. Особые усилия необходимо сделать в направлении организации широкой экспериментальной практики, которую предлагается осуществить на основе системно-естественных знаний о природе Человека в рамках вышеизложенной онтологической парадигмы: Сознание – Информация – Энергия – Материя.

Перспективой дальнейших исследований применения социально-коммуникационных практик по противодействию психическим травмам в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя» может быть верификация валидности таких практик в работах, представленных Дж. Диспенза и Дж. Кехо.

Литература.

- Антология мировой философии в 4-х томах.* (1969). Т. 1: [под ред. В.В. Соколова]. Ч.1. Москва : Мысль, 299.
- Багаутдинов, А. М., Харисов М. Ф. (2014). Философская ретроспектива осмысления сознания в контексте идеалистического монизма. *Вестник Башкирского университета.* Т. 19, №1, 225–232.
- Волински, С. (2007). Квантовое сознание. Руководство по квантовой психологии, Москва: Старклайт, 224.
- Гегель, Г.В.Ф. *Сочинения.* Т.4 (1959). Система наук. Ч.1: Феноменология духа. Москва : Социально-экономическая литература, 438.
- Гегель, Г. В. Ф. (1970). *Наука логики.* В 3 т. Т. 1. Москва: Мысль, 227.
- Госвами, А. (2020). *Самосознающая вселенная. Как сознание создаёт материальный мир.* Гл. 4. Философия монистического идеализма. Дата обращения 30.11.2019 <https://fil.wikireading.ru/61377>; а также: Госвами, А. (2013). *Физика души. Квантовая книга жизни, умирания, перевоплощения и бессмертия.* Москва: Постум, 352.
- Вега, Л. де (2009). Собака на сене. *Собрание сочинений в 6 томах.* Москва, Т. 4, 72.
- Декарт, Р. (1989). *Страсти души.* Сочинения в 2-х т. Москва: Мысль. Т. 1, 654.
- Крутов, В. В. (2014). *Возвращение к себе. Основы развития сознания и управления мышлением.* Киев: Генеза, 400.
- Крутов, В. В. (2019). Психолінгвістический потенциал нейрогенеза (обоснование применения психолінгвістических методик для самосовершенствования механизмов Сознания человека с использованием идеи нейрогенеза). *Психолінгвістика.* Вип. 25(1), 165–193. doi.org/10.31470 /2309-1797-2019-25-1-165-193
- Монистический идеализм* (2020). Дата обращения 10.01.2020 <http://www.rondon.org/other/fn.htm#g4>
- Плотин и Августин (1998). *АРХЭ: Труды культурологического семинара.* Вып. 3. Москва: РГГУ, 232–250.
- Пушкин, А. С. (1937). *Полное собрание сочинений:* В 16 т. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 6. Евгений Онегин, 1–205.
- Хаббард Рон, Л. (2007). *Дианетика: современная наука о разуме.* Dianetics: The Modern Science of Mental Health. Копенгаген, Дания: New Era Publications International ApS, 2007, 664.
- Холод, О. М. (2019). Завдання психолінгвістичної методології досліджень і квантовий підхід. *Психолінгвістика.* Вип. 25(2), 338–370. doi: 10.31470/2309-1797-2019-25-2-338-370
- Чащегорова, Н.А. (2009). Формирование концепции интуитивного знания в философских учениях античности (от досократиков до неоплатонизма). *Вестник Оренбургского государственного университета.* N 7 (101), июль, 104–108.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (2010). *The Science of Logic,* Cambridge University Press, 2010, 609.

Wolinsky, Stephen H. (1993). *Quantum Consciousness The Guide to Experiencing Quantum Psychology*. Bramble Books, Connecticut, 1993.

Reference

- Antolohyia myrovoi fylosofyy v 4-kh tomakh*. [Anthology of world philosophy in 4 volumes.]. (1969). T. 1: [pod red. V.V. Sokolova]. Ch.1. Moskva : Mysl. 299 [in Russian].
- Bahautdynov, A. M., Kharysov M. F. (2014). Fylosofskaia retrospektyva osmysleniya soznanyia v kontekste ydealistycheskoho monyzma. [Philosophical retrospective of understanding consciousness in the context of idealistic monism]. *Bulletin of Bashkir University*. T. 19. №1. 225–232 [in Russian].
- Volynsky, S. (2007). *Kvantovoe soznanye. Rukovodstvo po kvantovoi psykhologyy*. [Quantum consciousness. Guide to quantum psychology]. Moskva: Starklait. 224 [in Russian].
- Hehel, H.V.F. Sochnyeniya. [Compositions]. T.4 (1959). Systema nauk. Ch.1: Fenomenolohyia dukha. [The system of sciences. Part 1: Phenomenology of the spirit]. Moskva : Sotsyalno-ekonomycheskaia lyteratura. 438 [in Russian].
- Hehel, H. V. F. (1970). *Nauka lohyky*. [Science of logic]. V 3 t. T. 1. Moskva: Mysl. 227 [in Russian].
- Hosvamy, A. (2020). *Samosoznaiushchaia vselennaia. Kak soznanye sozdaet materyalniy myr*. [Self-aware universe. How consciousness creates the material world]. №1. 4. Fylosofya monistycheskoho ydealyzma. [Ch. 4. The philosophy of monistic idealism]. Date of the application 12.01.2020 <https://fil.wikireading.ru/61377>; a takzhe: Hosvamy, A. (2013). *Fyzyka dushy. Kvantovaia knyha zhyzny, umyrania, perevoploshchenyia y bessmertyia*. [Physics of the soul. Quantum book of life, dying, reincarnation and immortality]. Perevod s anhl. A. Kyseleva. Moskva: Postum. 352 [in Russian].
- Veha, L. de (2009). Sobaka na sene [Dog in the manger]. Perevod M. Lozynskoho. *Sobranie sochnyenyi v 6 tomakh* [Collected Works in 6 volumes]. Moskva. T. 4. 72 [in Russian].
- Dekart, R. (1989). *Strasty dushy*. [Passion of the soul]. Sochnyeniya v 2-kh t. Moskva: Mysl. T. 1. 654 [in Russian].
- Krutov, V. V. (2014). *Vozvrashchenye k sebe. Osnovy razvytiya soznanyia y upravleniia myshleniem*. [Return to yourself. Fundamentals of the development of consciousness and control thinking]. Kyiv: Heneza. 400 [in Russian].
- Krutov, V. V. (2019). Psykhohinhvistychnyi potentsial neurohenezu (obgruntuvannia zastosuvannia psykhohinhvistychnykh metodyk dlia samovdoskonalennia mekhanizmiv Svidomosti liudyny z vykorystanniam idei neurohenezu). [Psycholinguistic potential of neurogenesis (justification for the use of psycholinguistic techniques for self-improvement of human consciousness mechanisms using the idea of neurogenesis)]. *Psykhohinhvistyka* [Psycholinguistics]. Vyp. 25(1). 165–193. doi.org/10.31470 /2309-1797-2019-25-1-165-193 [in Russian].
- Monistycheskyi ydealyzm* [Monistic idealism]. (2020). Date of the application 12.01.2020 <http://www.rondon.org/other/fn.htm#g4> [in Russian].
- Plotin i Avgustin (1998). ARHE: Trudy kulturologicheskogo seminaru [ARKHE: Proceedings of a cultural seminar]. Vyp. 3. Moskva: RGGU, 232–250 [in Russian].
- Pushkyn, A. S. (1937). *Polnoe sobranie sochnyenyi* [Full composition of writings]: V 16 t. Moskva; Lenynhrad : Yzd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 6. Evhenyi Onehyn. 1–205 [in Russian].
- Khabbard, Ron L. (2007). *Dianetics: The Modern Science of Mental Health*. Copenhagen, Denmark: New Era Publications International ApS, 2007. 664 s. [in Russian].
- Kholod, O. M. (2019). Zavdannia psykhohinhvistychnoi metodolohii doslidzhen i kvantovyi pidkhid. [Head of Psychological and Linguistic Methodology and Quantum]. *Psykhohinhvistyka* [Psycholinguistics]. Vyp. 25(2). 338–370. doi: 10.31470/2309-1797-2019-25-2-338-370 [in Ukrainian].

- Chashchekorova, N.A. (2009). *Formyrovanye kontseptsyy yntuytyvnoho znanyia v fylosofskykh ucheniyakh antychnosti (ot dosokratykov do neoplatonyzma)*. [The formation of the concept of intuitive knowledge in the philosophical teachings of antiquity (from pre-Socratics to Neoplatonism)]. *Vestnyk Orenburhskoho hosudarstvennoho unyversyteta [Bulletin of the Orenburg State University]*. N 7 (101), iul. 104–108 [in Russian].
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (2010). *The Science of Logic*, Cambridge University Press, 609.
- Wolinsky, Stephen H. (1993). *Quantum Consciousness The Guide to Experiencing Quantum Psychology*. Bramble Books, Connecticut.

**Социально-коммуникационные практики
по противодействию психическим травмам в парадигме
«Сознание – Информация – Энергия – Материя»**

Василий Крутов,

*доктор юридических наук, профессор,
почётный академик Национальной академии педагогических наук Украины,
вице-президент
Украинского Союза Промышленников и Предпринимателей.*

АННОТАЦИЯ

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и детальном описании (с элементами верификации) тех социально-коммуникационных практик, с помощью которых фиксируется противодействие последствий психических травм в парадигме «Сознание – Информация – Энергия – Материя», отличающейся от предложенных технологий в рамках квантовой теории С. Волински.

Методологической платформой нашего исследования стали положения монистического идеализма. Потерпевший от травмирующего события (субъект) с его представлением о Едином, которое поддаётся познанию только с помощью «растворения» субъекта в Едином, сливается с этим Единым.

В результате исследования проведён углублённый анализ процесса противодействия психическим травмам с позиций 1) формулы квантового Сознания в концепции С. Волински, 2) его трансперсональной концепции «Сознание/Подсознание», 3) анализа травмы в свете трансперсонального подхода к Сознанию, 4) метода космической трансформации, а также при выполнении упражнений «космической трансформации».

Полученные результаты позволили нам сформулировать такие выводы. Анализ возможностей теоретического и практического изучения социально-коммуникационных практик по противодействию психическим травмам наиболее эффективный с позиций ключевой методологической формулы монистического идеализма – «Сознание – Информация – Энергия – Материя». Формула квантового Сознания в концепции С. Волински не является валидной (соответствующей поставленным заданиям) для применения социально-коммуникационных практик для полного противодействия психическим травмам. Анализ травмы в свете трансперсонального подхода к Сознанию с помощью метода космической трансформации увеличивает диапазон возможностей эффективным противодействиям психическим травмам.

Ключевые слова: психические травмы, монистический идеализм, социально-коммуникационные техники, метод космической трансформации.

**Соціально-комунікаційні практики
з протидії психічних травм у парадигмі
«Свідомість – Інформація – Енергія – Матерія»**

Василь Крутов,

*почесний академік Національної академії педагогічних наук України,
доктор юридичних наук, професор, віце-президент
Українського Союзу Промисловців і Підприємців.*

АНОТАЦІЯ

Мета дослідження полягає в теоретичному обґрунтуванні та детальному описі (з елементами верифікації) тих соціально-комунікаційних практик, за допомогою яких фіксується протидія наслідків психічних травм у парадигмі «Свідомість – Інформація – Енергія – Матерія», що відрізняється від запропонованих технологій у межах квантової теорії С. Волінські.

Методологічною платформою нашого дослідження стали положення моністичного ідеалізму. Потерпілий від травмуючої події (суб'єкт) із його уявленням про Єдине, яке піддається пізнанню лише за допомогою «розчинення» суб'єкта в Єдиному, зливається із цим Єдиним.

За результатами дослідження проведено поглиблений аналіз процесу протидії психічним травмам із позицій 1) формули квантової Свідомості в концепції С. Волінські; 2) його трансперсональної концепції «Свідомість/Підсвідомість»; 3) аналізу травми у світлі трансперсональної підходу до Свідомості; 4) методу космічної трансформації, а також під час виконання вправ «космічної трансформації».

Отримані результати дозволили нам сформулювати такі висновки. Аналіз можливостей теоретичного й практичного вивчення соціально-комунікаційних практик із протидії психічним травмам найбільш ефективний із позицій ключовий методологічної формули моністичного ідеалізму – «Свідомість – Інформація – Енергія – Матерія». Формула квантової Свідомості в концепції С. Волінські не є валідною (відповідною до поставлених завдань) для застосування соціально-комунікаційних практик з метою повної протидії психічним травмам. Аналіз травми у світлі трансперсональної підходу до Свідомості за допомогою методу космічної трансформації збільшує діапазон можливостей ефективних протидій психічним травмам.

Ключові слова: психічні травми, моністичний ідеалізм, соціально-комунікаційні техніки, метод космічної трансформації.

Submitted to the editor – 05.01.2020

Reviewed – 25.02.2020

Accepted for printing – 19.04.2020

Подано до редакції – 05.01.2020

Рецензовано – 25.02.2020

Прийнято до друку – 19.04.2020

УДК 37.01

Communicative Competencies in the Development of Teachers of Professional Education Research Potential: Foreign Experience¹⁷

Dr Kurdyumova I.M.,

leading researcher

Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia)

E-mail: irkur@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0364-7323>

ResearcherID: AAD-6816-2018

st. Zhukovskogo, 16, Moscow

Russia, 105062

Dr Myasnikov V.A.,

Academician of the Russian Academy of Education,

Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia)

E-mail: mjasnikov@inbox.ru

Scopus Author ID 7200560266

<https://orcid.org/0000-0003-2400-1422>

ResearcherID: A-6820-2018

st. Zhukovskogo, 16, Moscow

Russia, 105062

PhD Shaposhnikova T.D.,

senior researcher

Center for Pedagogical Comparative Studies (Moscow, Russia)

E-mail: tatianashap@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2815-0521>

ResearcherID: A-6839-2018

st. Zhukovskogo, 16, Moscow

Russia, 105062

ANNOTATION

Object of the article. The article deals with actuality of the problem of development and use of research potential in the professional activity of teachers of professional education abroad.

Materials and methods. The basis of the research devoted to the use of investigation potential by workers of secondary professional education abroad is made up of the research materials of professional activity of teachers from a number of countries: England, the USA, Australia, Canada. The authors employ traditionally used in comparative pedagogics methods of analysis of concepts to describe the phenomenon of professional education as an institution of socialization, called upon to raise the effectiveness of teachers' activity by means of strengthening social interaction among the learning-teaching process.

¹⁷ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2020 год и на плановый период 2021 года. Проект «Исследование научного потенциала педагогических работников профессиональных образовательных организаций и механизм его повышения».

Results. The basis of the use of the research potential by the workers of secondary professional education is made up of their readiness to constantly intensify perspective investigation project competencies, their mastering of new kinds of activity, usage and creation of modern educational technologies, carrying out various research and making use of its results to improve their professional activity. Under analysis is the model of Joint practice development (JPD) which realizes a collaborative approach to perfection of learning, teaching and evaluation based on communicative competencies.

Conclusions. The foreign experience of developing research potential by the workers of secondary professional education observed above seems effective. The materials studied make it possible a subsequent elaboration and application of the recommendations for pedagogical practice. The most important among those being the use of communicative practices of teaching and formation of teachers' communicative competencies in the course of their research work for effective utilization in their activity.

Key words: the system of further professional education, research potential of the teachers and tutors, joint practice development, professional competencies, collaboration, communication.

Коммуникативные компетенции в развитии научного потенциала педагогов профессионального образования: зарубежный опыт

Ирина Курдюмова,

*доктор педагогических наук,
ведущий научный сотрудник,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

Владимир Мясников,

*доктор педагогических наук,
академик Российской академии образования,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

Татьяна Шапошникова,

*кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

Введение

Проблема развития и эффективного использования научного потенциала работниками средних профессиональных учебных учреждений в своей профессиональной деятельности стоит для всех стран достаточно остро. Обусловлено это требованиями постоянно развивающейся экономики стран, вопросами их конкурентоспособности, инновационным и опережающим характером современного производства. Основой для использования научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования наряду с их знаниями, умениями и навыками, компетенциями в этой области выступает их готовность постоянно наращивать у себя перспективные исследовательские, проектные компетенции, необходимые для организации опережающего образования у студентов, освоение педагогами новых видов деятельности, использование и создание ими современных образовательных технологий, проведение различных исследований и использование их

результатов для улучшения своей профессиональной деятельности. В статье делается попытка рассмотреть имеющийся за рубежом опыт организации повышения квалификации педагогов профессионального образования с этих позиций.

Анализ последних исследований и публикаций. Отмечая актуальность и важность проблемы развития и использования в профессиональной деятельности педагогов профобразования их научного потенциала, учёные многих стран констатируют тот факт, что в реальности системы подготовки педагогов для среднего профессионального образования постепенно утрачивают свою инновационную, исследовательскую компоненту. Так, в России, например, только четверть работающего кадрового состава сотрудников СПО занимается инновационными видами деятельности, саморазвитием (Andryukhina, Dneprov, Sumina, Zimina, Utkina, & Mantulenko, 2016). В Англии и Уэльсе (McLaughlin, Talbert, 2016) установлены возможности для повышения мастерства педагогов профессионального образования, что отражается в требовании 30-часовой подготовки в год для самосовершенствования. Однако на практике только половина педагогов осваивает от силы 15 часов в год (It's about work..., 2013). Аналогичная ситуация отмечается и в США, Канаде, Новой Зеландии. В Норвегии педагоги профессионального образования проявляют интерес к своему профессиональному развитию и несут ответственность за формирование содержания курсов продолженного развития. В Австралии создаются специальные программы для педагогов, которые должны поддерживать и развивать их квалификацию в сфере профессиональных умений (Wheelahan, Moodie, 2010).

Исследования, проводимые в ряде стран, свидетельствуют о том, что специалисты учреждений среднего профобразования мало времени уделяют исследовательской деятельности в своей работе, развитию своих перспективных компетенций, повышению своего профессионального уровня, самоопределению, самореализации (Краснова Г.А. и др., 2017; Маслоу, 2007; Рой, В., и др., 2019; Tomlinson, 2008).

Как российские, так и зарубежные специалисты в области среднего профессионального образования считают, что научный потенциал кадрового состава данной сферы образования должен обеспечиваться опережающим характером их подготовки и переподготовки, способствующим получению и закреплению у педагогов среднего профессионального образования перспективных компетенций, которые часто имеют разные названия: профессиональные и над-профессиональные, форсайт компетенции, «профессиональные навыки будущего» (Future Work Skills), компетенции, соответствующие новому технологическому укладу, компетенции WorldSkills, компетенции, характеризующие ведущие профессиональные качества личности, основные характеристики людей, «причинно-связанные с эффективным или «превосходным» выполнением работы» и проявляющихся в различных ситуациях в течение длительного периода времени (Волченкова, 2019; Жуков, 2018; Урсул, 2016; Hayes, 2017).

Цель статьи – изучить опыт использования коммуникативных компетенций в развитии научного потенциала педагогов профессионального образования за рубежом.

Материалы и методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе использовались традиционные для сравнительной педагогики методы анализа, сравнения, а также методы категориального анализа понятий, используемых для описания феномена профессионального образования как института социализации, призванного повысить эффективность деятельности педагогов посредством усиления социального взаимодействия между участниками процесса учения и обучения. Основой для исследования использования научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования за рубежом выступили материалы исследований профессиональной деятельности педагогов ряда стран: Англии, США, Австралии, Канады. Были рассмотрены как отдельные публикации, так и итоговые обобщающие материалы специальных комиссий и комитетов,

посвящённые развитию профессиональных качеств педагогов систем профобразования в ряде стран (Австралия, Великобритания).

Результаты и дискуссии

Зарубежными учёными и практиками ведётся активный поиск путей и форм совершенствования мастерства педагогов, их профессионализма, коммуникативных компетенций в системе неформального и ин-формального образования. Совокупность перспективных компетенций, обеспечивающих научный потенциал кадрового состава учебных заведений профессионального образования, составляют информационно-коммуникационные, межкультурные коммуникативные компетенции, исследовательские или проектные, самоменеджмент профессионального развития. Содержание перспективных, исследовательских компетентностей, среди которых важная роль отводится именно коммуникационным, характеризуется сложным синтезом когнитивного, предметно-практического и личностного опыта педагогов.

Рассмотрим различные формы повышения профессиональной квалификации педагогов СПО в разных странах. Так, в США и Канаде широкое распространение получил опыт деятельности профессиональных сообществ, а в них – «групп дружественных критиков» – объединений педагогов, которые собираются регулярно для решения важных профессиональных вопросов, где возможна коллективная рефлексия педагогической деятельности, обсуждение важнейших вопросов обучения, принятие коллективных решений. Такая форма общения в профессиональных сообществах способствует, по мнению американских учёных, коллективному анализу ситуаций, совместному поиску решений проблем, способствует устранению исторически сложившейся «профессиональной изолированности» педагогов, ограничивающих возможности улучшения и усовершенствования процесса преподавания.

Коллективные обсуждения в профессиональных сообществах базируются на культуре делового диалога, который содержательно и организационно предполагает не только выстраивание «дружественной критики» в рамках диалогического общения, но также использование и развитие у педагогов исследовательских компетенций в обсуждении и анализе проблемных вопросов: разностороннее освещение всех аспектов проблемы, вынесенной на обсуждение; деликатное обсуждение в принятии решений, аргументированное обоснование выдвинутых предположений, высказывание гипотез, использование технологий ведения научных дискуссий (McLaughlin, Talbert, 2016).

В Англии введено понятие «профессионального учебного сообщества», которое представляет собой группу педагогов, встречающихся на регулярной основе, работающих в режиме коллаборации и делящихся своими знаниями в ходе профессионального диалога с тем, чтобы совершенствовать результаты обучения студентов. Такие группы включают 12–16 членов. Они выбирают тему, которая обещает быть продуктивной и инновационной. Предлагается программа работ следующего вида:

- 1 сессия: предлагаются два направления исследований по теме и обсуждаются в группе;
- 2 сессия: согласовывается идея использования, пути введения, исследовательские сравнения, а также обзор результатов студентов по данной теме;
- 3 сессия: обмен результатами и согласование последующих введений, обзор практики, полученной в классе;
- 4 сессия: представление в визуальной форме результатов года в домашнем Фестивале учения и обучения (Patzner, Rico, 2020).

Предполагается, что форма фестиваля является прекрасной возможностью для каждой группы распространить свои находки, обсудить их друг с другом, достичь согласия между педагогами, которые получают возможность участия в дружеском соревновании между

равными. Введение данного понятия – профессионального учебного сообщества – также ценно тем, что даёт возможность выслушать мнение учащихся о том, что было наиболее интересным, мотивирующим или привлекательным в ходе использования нововведений. Это своего рода сбор свидетельств о проводимых исследованиях (Patzner, Rico, 2020).

В рамках развития научного потенциала педагогов на основе коммуникационных компетенций активно действуют и такие формы педагогической поддержки в профессиональном общении, как вебинары, мастер-классы, он-лайн-программы, мини-исследования, принимая участие в которых преподаватели обогащаются новыми идеями – способ основывать свою профессиональную деятельность на новых идеях – высшая форма продолжающегося профессионального развития.

В Италии профессиональное развитие учителей понимается как продолжающееся профессиональное развитие на протяжении всей карьеры.

Среди возможных способов повышения квалификации выделяют: курсы/рабочие группы; конференции или семинары; визиты в другие школы (или предприятия); программы квалификации; участие в сетях для педагогов, созданных специально для их профессионального развития; *индивидуальные или коллаборативные исследования по темам, представляющим профессиональный интерес*; менторство или работа с равными и тренировки как часть формальной школьной организации (Serafini, 2018: 7).

Особого внимания заслуживает опыт организации работы тьюторов, который обеспечивает постоянное взаимодействие и общение педагогов-профессионалов с обучающимися – важнейшая сфера деятельности современных работников профобразования. Например, тьюторы еженедельно контролируют такие формы развития исследовательского потенциала у студентов, как написание эссе, которые способствуют у последних развитию творческого и критического мышления, учат студентов не зазубривать факты, а творчески подходить к решению нетривиальных задач, помогают обучающимся старших курсов проводить научные исследования в области ранее выбранного ими фундаментального направления. Практика профессионального общения преподавателей, тьюторов и студентов свидетельствует о том, что в процессе их общения происходит формирование культуры диалогового общения профессионалов, как уже состоявшихся, так и будущих (Serbin, Корр, 2017).

Активно разрабатываются и другие модели использования коммуникационных компетенций в развитии научного потенциала работников профессионального образования. Анализ источников по проблеме свидетельствует, что за рубежом предпринимаются многочисленные попытки создания моделей, способных повысить эффективность практической деятельности педагогов профессионального образования, носящей инновационный характер и отвечающей потребностям современной экономики. При создании таких моделей используются разные подходы; среди них можно выделить усиление внимания к коммуникативным умениям педагогов, которые проявляются в ходе целенаправленного профессионального развития педагогов; важным компонентом их профессионального развития исследователи считают овладение ими исследовательскими умениями (Gregson, Spedding, Nixon, 2016: 7–8).

Исследователи выделяют целый спектр моделей продолжающегося профессионального развития, которые варьируют от простой передачи имеющегося опыта к моделям переходного периода и, наконец, к трансформационным моделям как наиболее коллаборативным формам. Автор А.Кеннеди классифицирует модели профессионального развития педагогов в связи с их способностью поддерживать персональное развитие и способность к трансформации, изменениям. Рассматриваются формы знания, которые можно развить с помощью той или иной модели. Выделяются, к примеру, следующие модели: тренировка; основа на стандартах; менторство/тренировка; общины практики; исследование деятельности; трансформативная модель и пр. При этом отмечается, что использование той

или иной модели зависит от тех целей, которые ставят руководящие органы той или иной страны: поддержка учителей в сфере профессионального образования может идти как в русле проводимых реформ, так и преследовать цели трансформации, усиления исследовательского компонента в работе педагога-профессионала. Кеннеди рассматривает три вида целей при создании моделей: передача опыта; переход, основанный на стандартах; трансформация, связанная с профессиональной автономией педагога (Kennedy, 2005: 248).

Можно проследить развитие внимания к коммуникативным аспектам исследовательских умений педагогов-профессионалов в процессе расширения подходов к учебному процессу в средних профессиональных учебных заведениях за рубежом. Так, в профессиональном образовании принято говорить о *дуальном аспекте* подготовки преподавателя: это педагогический аспект, который может включать владение новыми подходами к использованию технологий при обучении; и это владение современными технологиями на рабочем месте (It's about work..., 2013: 9). Работа преподавателей колледжей основана на дуальном профессионализме, и это является важным аспектом в связи с качеством преподавания в секторе профессионального образования. Дуальная компетенция включает две компетенции: обучающую компетенцию и компетенцию, связанную со спецификой профессиональной практики. Для педагогов профессионального образования, как и для других учителей, важно владеть своим предметом – в их случае это специфика профессионального обучения, которая связана с обучением специальным предметам (Parsons, D., a.o., 2009). Один из способов повышения квалификации для таких педагогов – продолжение контактов со своей отраслью. Таким образом, активная партиципация в действиях общин практики в профессиональной сфере является полезным источником профессионального развития. Однако сравнительно недавно в Великобритании заговорили о *«тройном профессионализме»*: выделяется третий набор профессиональной экспертизы, которую требуют от учителей и тренеров, чтобы удостовериться, что умения, которые они дают ученикам, соответствуют потребностям на рабочих местах на местном, локальном и национальном уровнях. А. Ходжсон из Института образования так описывает этот набор качеств и экспертизы:

- соответствовать этическим понятиям для всех учеников и взрослых в округе;
- понимать роль колледжа в общине;
- способность исследовать потребности в общине на местном и региональном уровне с тем, чтобы внести позитивные изменения;
- способность выполнять многосложную работу и сотрудничать с профессионалами;
- понимать политику и то, как она преобразуется в профессиональном обучении;
- иметь высокоразвитые умения коммуникации и общения с людьми (Hodgson, Spours, 2020: 134).

Таким образом, с помощью выделения этого третьего компонента профессионализма педагога профессионального образования, усиливается внимание к коммуникациям с окружающей средой, составной частью которой являются предприятия, те рабочие места, для которых колледжи готовят профессиональные кадры. В этой связи представляется интересным рассмотреть ряд современных подходов к профессиональному развитию, принятых в последние годы в англоязычных странах. Эти подходы также связаны с усилением внимания к коммуникативным аспектам.

Для педагогических работников за рубежом стало уже привычным использование так называемого «продолжающегося профессионального развития (continuing professional development – CPD) для обновления педагогических знаний персонала. Обычно оно заключается в посещении долговременных (и часто дорогих) курсов, конференций или других мероприятий, в ходе которых различные эксперты рассказывают аудитории, что надо делать. Подобные мероприятия вносят свой вклад в обмен идеями и ресурсами, но представляют собой лишь первый шаг в ходе совершенствования практики, который не

может служить её гарантией. Один из авторов отмечает, что абстрактное, теоретическое знание и информация о «хорошей практике» составляет лишь одну восьмую того знания, которое необходимо для воплощения «хорошей идеи» в практику; оставшиеся семь восьмых представляют количество нового знания, которое необходимо для реальных изменений в практике (Billett, 2011: 254).

Сходную позицию занимает Анна Вебстер-Райт (Webster-Wright, 2009). Продолжающееся профессиональное учение (Continuing Professional Learning – CPL) – термин, предложенный автором для описания процесса учения практиков в ходе повышения квалификации, исключая дихотомию между формами повышения квалификации и повседневным профессиональным ростом педагогов. Автор считает, что повышение профессионализма учителя происходит посредством разных видов деятельности, от формирования учебных программ на курсах, до взаимодействия между коллегами на работе, в ходе всевозможных комбинаций видов деятельности и опыта. При этом процесс продолжающегося учения включает широкий набор опыта неформального повседневного учения, от присвоения опыта коллег до развития специфических профессиональных умений. По мнению Вебстер-Райт, при использовании термина CPD – продолженное профессиональное развитие – основное внимание уделяется учебным программам, рассматриваемым в связи с отчётностью о результатах обучения. При этом значительно меньше внимания уделяется текущему опыту обучения профессионалов; учение профессионалов-практиков изменяется в ходе процесса и связано с рефлексией обучающихся, которая проявляется в том или ином учебном контексте. Продолжающееся учение (Learning) реализуется в целостном виде при интеграции теории обучения, социальной практики и повседневного опыта преподавания.

Для Вебстер-Райт принципиально важна не только поддержка профессионалов в их учении, но также поддержание духа критического отношения (рефлексии) к процессу собственного учения и к тем выводам, которые можно сделать по отношению к существующей практике. Так, важным моментом поддержки учения профессионалов являются исследовательские проекты (action research projects), которые способствуют новому пониманию профессионалами своей учебной практики (Webster-Wright, 2009: 736).

Преподаватели и тренеры в колледжах сталкиваются с целым рядом трудностей в процессе своего продолжающегося профессионального развития. Так, в Докладе Комиссии по профессиональному обучению (It's about work..., 2013) отмечалось, что доступ к стандартам, средствам и услугам в промышленности является одним из ключевых путей к более четкому прояснению «способов работы» при развитии и распространении профессиональных курсов обучения. Имеются в виду виды деятельности учителей, которые им менее доступны: следование профессионалам на рабочих местах в промышленности.

Одним из популярных в последние годы подходов является также модель Объединенного развития практики (Joint practice development – JPD). Эта модель представляет собой коллаборативный подход к совершенствованию учения, обучения и оценивания. Полностью она раскрывается в работе М. Грегсон, П. Спеддинг и Л. Никсон: «Помощь хорошими идеями становится хорошей практикой: повышение профессионализма с помощью Объединённого развития практики – JPD» (Gregson, a.o., 2016).

Объединённое развитие практики (JPD) отличается от продолжающегося развития (CPD) тем, что включает взаимодействие и взаимное развитие между индивидами и организациями; при этом признаётся, что каждый партнёр в процессе взаимодействия имеет что предложить. Центральной идеей Объединённого развития практики становится признание того, что изменения и совершенствование практики включают больше, чем просто перенос информации. Объединённое развитие практики (JPD) определяется М. Филдингом и коллегами как «учение новыми путями работы через взаимное вовлечение,

которое открывает и позволяет разделить практику с другими» (Fiekding, et al., 2005: 32). Организованное таким образом учение включает в себя процесс коллаборации.

Традиционные подходы к постоянному развитию основаны на передаче знаний или «лучшей практики» от эксперта к аудитории. Исследования показывают, что этот путь редко бывает эффективен. По контрасту, объединённое развитие практики есть процесс, при котором индивиды и/или организации учатся друг у друга. У него есть три характеристики:

- включение взаимодействия и взаимного развития, связанного с практикой;
- признание того, что каждый партнёр во взаимодействии имеет что-то предложить, и, следовательно, базируется на заключении о взаимовыгодном учении;
- основано на исследованиях, часто включающих коллаборацию (коллаборативную работу) (JPD, 2019: 9).

Например, Колледж Стевенсона (Stephenson College) организовал совместную работу с четырьмя другими колледжами и группой креативных профессионалов, в которую вошли веб-дизайнеры, аниматоры, издатели и пр. (New model..., 2017). Предполагалось, что в процессе совместной работы это сообщество сможет усовершенствовать практику с помощью создания учебных программ и использования ресурсов. Все партнёры встречались в ходе проекта, обменивались идеями; когда идеи были высказаны, все колледжи включили их в обзорный материал, который использовали все колледжи. Колледж Стевенсона собрал все качественные и количественные данные и провел фокус-группы с учениками для оценки проекта. Проведение встреч в ходе исследования, в которых принимали участие как педагоги профессионального образования, так и специалисты-дизайнеры, были весьма продуктивны. В процессе работы равных участников-педагогов с привлечением персонала разных колледжей выяснилось, что можно эффективно работать, вносить различные изменения, поощряя рефлексию и способность к обучению и совместному творчеству (New model..., 2017).

При организации работ по повышению квалификации педагогов- профессионалов выделяют возможности обучения на рабочем месте (Work-based learning..., 2013). При этом разделяют учебные факторы *персонального уровня* (отношение к работе, осуществление обратной связи в ходе обучения, уверенность и чувство прогресса, мотивация к учению), а также контекстуальные факторы *внешнего порядка*; к последним относятся распределение и структурирование процесса учения; совместная работа и взаимодействие с людьми; индивидуальная работа, нацеленная на прогресс, на усовершенствование результатов (Eraut, 2007a: 34).

Обнаружены четыре основных типа рабочей активности, которые способствуют повышению учения:

- партиципация в групповой деятельности, включающая работу в команде для достижения общего результата, и группы, созданные для определённой цели, такой, как аудит, развитие или обзор политики и/или практики, а также ответ на внешние вызовы;
- совместная работа позволяет людям наблюдать, слушать друг друга, участвовать в деятельности, следовательно, узнавать новые практики и новые перспективы, быть осведомлёнными о разных видах знания и экспертизы, а также усваивать наблюдаемые на практике умения других людей;
- усвоение вызванных внешними требованиями умений предполагает учение в ходе работы на местах и в случае умелой поддержки приводит к повышению мотивации и уверенности;
- совместная работа на местах также позволяет узнать больше о новых аспектах работы и о новых идеях, возникающих в процессе взаимной консультации (Eraut, 2004a: 97).

Успех работы по этим направлениям, выделённым М. Эротом (Eraut, 2007; Eraut, 2004), также зависит от качества взаимодействия на рабочем месте.

Выводы

За рубежом уделяется большое внимание повышению квалификации педагогов профессионального образования. В статье показано, как со временем менялся подход к повышению квалификации педагогов в этой области. Изменения шли от простой передачи знаний в той или иной профессиональной сфере к постепенной трансформации как самих форм практики обучения педагогов, так и характеристик педагога, его способностей и умений.

Установлено, что если педагоги среднего профессионального образования не стараются вести исследовательскую деятельность, развивать свой научный потенциал, то знания и навыки, компетенции, полученные ими во время обучения, которые они передают своим студентам, безнадежно устаревают и отстают от потребностей экономики. В целом ряде исследований делается вывод о том, что следует искать пути и способы развития научного потенциала педагогов профессионального образования. Предлагаемые модели профессиональной подготовки разделяются в зависимости от поставленных целей и включают как внешние, контекстуальные факторы, так и внутренние, связанные с персонализацией процесса учения (Work-based..., 2013). Как показывает ряд исследований, в ходе реализации таких моделей происходит процесс трансформации профессиональных умений и компетенций; важным компонентом такой трансформации выступает профессиональное общение педагогов, в котором коммуникативные компетенции играют ведущую роль (Ускова, 2013; Чалая, 2009). Поддержка педагогов в профессиональном общении в отечественной и мировых системах профессионального образования строится на основе потребности профессионалов во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении. Этот опыт коммуникации оказывается эффективным в развитии научного потенциала работников среднего профессионального образования (Андрюхина, Фадеева, 2016).

Рассмотренный зарубежный опыт развития научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования представляется эффективным. Изученные материалы дают возможность для последующей разработки и применения рекомендаций для педагогической практики, важнейшими среди которых выступают использование коммуникативных практик обучения и формирование коммуникативных компетенций преподавателей в ходе их исследовательской работы для эффективного их использования в своей деятельности.

Литература

- Андрюхина, Л.М. Фадеева, Н. Ю. (2016). Креативные практики формирования межкультурной коммуникативной компетентности. *Интеграция образования*, 20(3), 320–330.
- Волченкова, Т.В. (2019). Формирование у педагогов готовности к инновационной педагогической деятельности. *СПО*, 12, 2–4.
- Жуков, Г.Н. (2018). Стратегия опережающего профессионального образования. *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 1, 63–66.
- Краснова, Г. А., Можаяева, Г. В., Полушкина, Е. А. (2017). *Развитие непрерывного профессионального образования за рубежом*. Томск: Издательский Дом Томского госуниверситета, 238.
- Курдюмова, И.М. (2016). Социальное взаимодействие в общинах практики за рубежом как путь к познавательному развитию учащихся. *Социализация личности в условиях глобализации и информатизации общества*. Междунар. научно-практ. конф., г. Тверь 8 февраля, 53–59.
- Маслоу, А. (2007). *Дальние пределы человеческой психики*. Москва: Евразия, 224.

- Рой, В. Х., Поллок, Эндрю Мак К., Джеферсон, Келхун У. Уик (2019). Шесть дисциплин прорывного обучения. Как превратить обучение и развитие в бизнес – результаты. Москва: ЭКСМО, 352.
- Урсул, А.Д. (2016). Модель опережающего образования и переход России к устойчивому развитию. *Проблемы окружающей среды и природ. ресурсов : Обзор. Информ. ВИНТИ*, 8.
- Ускова, Н.Г. (2013). Формирование культуры диалога специалиста социально-культурной сферы в процессе среднего профессионального образования: *автореф... дис. кан. пед. наук*. Москва, 29.
- Чалая, И.Н. (2009). Формирование диалогической культуры будущего учителя в образовательном процессе педагогического колледжа: *автореф. дисс. кан. пед.наук. Калуга*, 25.
- Andryukhina, L. M., Dneprov, S. A., Sumina, T. G., Zimina, E. Yu., Utkina, S. N. & Mantulenko V. V. (2016). Vocational Pedagogical Competencies of a Professor in the Secondary Vocational Education System: Approbation of Monitoring Model. *Internationl Journal of environmental & science education*, 11(14), 7045–7065.
- Andersson, P. and S.Köpsén (2015). Continuing professional development of vocational teachers: participation in a Swedish national initiative. *Empirical Res Voc Ed Train*, 7:7
- Billett, S. (2011). *Vocational education: purposes, traditions and prospects*. Springer, New York.
- Cerbin, W., Kopp, B. (2017). Lesson Study as a Model for Building Pedagogical Knowledge and Improving Teaching. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 3 (18), 250–257
- Eraut, M. (2007a). How professionals learn through work. Guildford: SCEPTRe and University of Surrey.
- Eraut, M. (2004b). Practice based evidence, in: G. Thomas & R. Pring (Eds) *Evidence-based practice in education* (Maidenhead, Open University Press), 91–101.
- Fielding M et al, (2005). Factors Influencing the Transfer of Good Practice, University of Sussex, 117. Retrieved from <https://www.education.gov.uk/publications/>
- Gregson, M., Spedding, P., & Nixon, L. (2016). Helping good ideas to become good practice. Enhancing your professional practice through joint professional development. *Intuition, Research Issue 1*. Society for Education and Training. Retrieved from <https://set.et-foundation.co.uk>
- Joint Practice Development (JPD), a brief introduction. Annex A. Retrieved from <https://studylib.net/doc/6931490/guidance-for-applicants---the-education-and-training-found>
- Hayes, J.L. (2017). A new look at managerial competence: the AMA model of worthy performance // *Managerial Review*, 2–4.
- Hodgson, A. and Spours, K.(2020). Young People and Transitions in Upper Secondary Education in England: The Influence of Policy on the ‘Local Opportunity Landscape’. In K. Brunila and L. Lundahl (eds), *Youth on the Move: Tendencies and Tensions in Youth Policies and Practices* (pp. 127–147). Helsinki: Helsinki University Press. Retrieved from <https://doi.org/10.33134/HUP>
- It’s about work... (2013). Excellent adult vocational teaching and learning. The summary report of the Commission on Adult Vocational Teaching and Learning. Retrieved from www.excellencegateway.org.uk/cavtl
- Kennedy, Aileen. (2005). Models of Continuing Professional Development: a framework for analysis. *Journal of In-service Education*, 31 (2), 235–251.
- McLaughlin, M. W., Talbert, J. E. (2016). *Building School-Based Teacher Learning Communities: Professional Strategies to Improve Student Achievement*. New York: Teachers College Press, 148 p.

- Lloyd, C., Payne, J. (2012). Raising the quality of vocational teachers: continuing professional development in England, Wales and Norway. *Res Pap Educ* 27(1), 1–18. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02671522.2010.483524>
- New model to improve your professional development. Retrieved from <https://www.britishcouncil.kz/programmes/education/vocational/magazine-april-2017/professional-development>
- Parsons, D, Huges, J, Allincon, C, Walsh, K (2009). The training and development of VET teachers and trainers in Europe. In: Cedefop (ed) *Modernising vocational education and training, fourth report on vocational education and training research in Europe: synthesis report*. Publications Office of the European Union, Luxembourg.
- Patzer, R. (2020). Sharing good practice: Strategies to encourage teacher collaboration (IRIS Connect UK) Retrieved from <https://blog.irisconnect.com/uk/sharing-and-collaboration-in-schools>
- Serafini, M. (2018). The professional development of VET teachers in Italy: participation, needs and barriers. Statistical quantifications and benchmarking in an international Perspective. *Empirical Res Voc Ed Train*, 10:3
- Tomlinson, P. (2008). Psychological theory and pedagogical effectiveness: The learning promotion potential framework. *British Journal of Educational Psychology*, 78 (4), 507–526.
- Webster-Wright, Ann. (2009). Reframing Professional Development Through Understanding Authentic Professional Learning. *Review of Educational Research*, 79(2), 702–739.
- Wheelahan, L, Moodie, G (2010). *The quality of teaching in VET: final report and recommendations*. LH Martin Institute, University of Melbourne, Melbourne.
- Work-based learning: benefits and obstacles (2013). *A Literature review for policy makers and social partners in ETF partner countries*. ETF © European Training Foundation, 60 c.

References

- Andryuhina, L.M. Fadeeva, N.Yu. (2016). Kreativny'e praktiki formirovaniya mezhhkulturnoi kommounikativnoi kompetentnosti. *Integratsiya obrazovaniya [Education Integration]*, 20(3), 320–330 [in Russian].
- Volchenkova, T.V.(2019). Formirovanie u pedagogov gotovnosti k innovatsionnoi pedagogicheskoi deyatel'nosti, *SPO*, 12, 2–4 [in Russian].
- Zhukov, G.N. (2018) Strategiya operezhayushhego professionalnogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom. *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]*. 1, 63–66 [in Russian].
- Krasnova, G.A., Mozhaeva, G.V., Polushkina, E.A. (2017). *Razvitie nepreru'vnogo professionalnogo obrazovaniya za rubezhom [Development of continuing professional education abroad]*. Tomsk: Izdatelskii Dom Tomskogo gosuniversiteta, 238 [in Russian].
- Kurdyumova, I.M. (2016). Sotsialnoe vzaimodeistvie v obshhinah praktyki za rubezhom kak put k poznavatel'nomu razvitiyu uchashhihsya. *Sotsializatsiya lichnosti v usloviyah globalizatsii i informatizatsii obshchestva [Personality socialization in conditions of globalization and informatization]*. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konf., Tver, 8 Fevralya, 53–59 [in Russian].
- Maslou, A. (2007). *Dalnie predely' chelovecheskoi psichiki [The Farther Reachers of Human Nature]*. Moskva: Evraziya, 224 [in Russian].
- Roi ,V.X., Pollok, E', Mak, K., Dzhefferson, Kelhun, U. Uik. (2019). *Shest distsiplin prory'vnogo obucheniya. Kak prevratit obuchenie i razvitie v biznes-rezultaty [The Six Disciplines of Breakthrough Learning: How to Turn Training and Development into Business Results]* Moskva: E'KSMO, 352 [in Russian].
- Ursul, A.D. (2016). Model operezhayushhego obrazovaniya i perechod Rossii k ustoichivomu razvitiyu. *Problemy' okruzhayushhei sredy' i prirod. resursov: Obsor. inform VINITI [Problems of environment and nature resources]*, 8 [in Russian].

- Uskova, N.G. (2013). *Formirovanie kultury' dialoga spetsialista sotsialno-kulturnoi sfery' v protsesse srednego professionlnogo obrazovania [The formation of culture dialog of a professional in socio-cultural spere...]: avtoref.diss.kan.ped. nauk. Moscow, 29 [in Russian].*
- Chalaya, I.N.(2009). *Formirovanie dialogicheskoi kultury' budushhego uchitelya v obrazovatelnom protsesse pedagogicheskogo kolledzha [The formation of a future teachers' dialog culture in pedagogical college]: avtoref. diss.kan.ped.nauk. Kaluga, 25 [in Russian].*
- Andryukhina, L. M., Dneprov, S. A., Sumina, T. G., Zimina, E. Yu., Utkina, S. N. and Mantulenko, V. V. (2016) Vocational Pedagogical Competencies of a Professor in the Secondary Vocational Education System: Approbation of Monitoring Model. *International Journal of environmental & science education*, 11(14), 7045–7065 [in English].
- Andersson, Per and Susanne Köpsén (2015). Continuing professional development of vocational teachers: participation in a Swedish national initiative. *Empirical Res Voc Ed Train*, 7:7 [in English].
- Billett, S (2011) *Vocational education: purposes, traditions and prospects*. Springer Dordrecht Heidelberg London New York. [in English].
- Cerbin, W., Kopp, B. (2017). Lesson Study as a Model for Building Pedagogical Knowledge and Improving Teaching. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 3 (18), 250–257 [in English].
- Eraut, M. (2007a). How professionals learn through work. Guildford: SCEPTRe and University of Surrey [in English].
- Eraut, M. (2004b). Practice based evidence, in: G. Thomas, & R. Pring (Eds) Evidence-based practice in education (Maidenhead, Open University Press), 91–101 [in English].
- Fielding, M et al, (2005). 'Factors Influencing the Transfer of Good Practice', University of Sussex, 117. Retrieved from <https://www.education.gov.uk/publications/> [in English].
- Gregson, M., Spedding, P., & Nixon, L. (2016). Helping good ideas to become good practice. Enhancing your professional practice through joint professional development. *Intuition, Research Issue 1*. Society for Education and Training. Retrieved from <https://set.et-foundation.co.uk> [in English].
- Joint Practice Development (JPD), a brief introduction. Annex A. Retrieved from <https://studylib.net/doc/6931490/guidance-for-applicants---the-education-and-training-found> [in English].
- Hayes, J.L.(2017). A new look at managerial competence: the AMA model of worthy performance // *Managerial Review*, 2–4 [in English].
- Hodgson, A. and Spours, K.(2020). Young People and Transitions in Upper Secondary Education in England: The Influence of Policy on the 'Local Opportunity Landscape'. In K. Brunila and L. Lundahl (eds), *Youth on the Move: Tendencies and Tensions in Youth Policies and Practices* (pp. 127–147). Helsinki: Helsinki University Press. Retrieved from <https://doi.org/10.33134/HUP> [in English].
- It's about work... (2013). Excellent adult vocational teaching and learning. The summary report of the Commission on Adult Vocational Teaching and Learning. Retrieved from www.excellencegateway.org.uk/cavtl [in English].
- Kennedy, Aileen. (2005). Models of Continuing Professional Development: a framework for analysis. *Journal of In-service Education*, 31 (2), 235–251 [in English].
- McLaughlin, M. W., Talbert, J. E.(2016) *Building School-Based Teacher Learning Communities: Professional Strategies to Improve Student Achievement*. New York: Teachers College Press, 148 [in English].
- Lloyd, C, Payne, J (2012). Raising the quality of vocational teachers: continuing professional development in England, Wales and Norway. *Res Pap Educ* 27(1), 1–18 [in English].
- New model to improve your professional development. Retrieved from

- <https://www.britishcouncil.kz/programmes/education/vocational/magazine-april-2017/professional-development> [in English].
- Parsons, D., Huges, J., Allinon, C., Walsh, K. (2009). The training and development of VET teachers and trainers in Europe. In: Cedefop (ed). *Modernising vocational education and training, fourth report on vocational education and training research in Europe: synthesis report*. Publications Office of the European Union, Luxembourg [in English].
- Patzer, R. (2020). Sharing good practice: Strategies to encourage teacher collaboration (IRIS Connect UK). Retrieved from <https://blog.irisconnect.com/uk/sharing-and-collaboration-in-schools> [in English].
- Serafini, M. (2018). The professional development of VET teachers in Italy: participation, needs and barriers. Statistical quantifications and benchmarking in an international. Perspective. *Empirical Res Voc Ed Train, 10:3* [in English].
- Tomlinson, P. (2008). Psychological theory and pedagogical effectiveness: The learning promotion potential framework // *British Journal of Educational Psychology, 78 (4), 507–526* [in English].
- Webster-Wright, Ann. (2009). Reframing Professional Development Through Understanding Authentic Professional Learning. *Review of Educational Research, 79(2), 702–739* [in English].
- Wheelahan, L., Moodie, G. (2010). *The quality of teaching in VET: final report and recommendations*. LH Martin Institute, University of Melbourne, Melbourne [in English].
- Work-based learning: benefits and obstacles*. (2013) A Literature review for policy makers and social partners in ETF partner countries. ETF © European Training Foundation, 60 [in English].

Коммуникативные компетенции в развитии научного потенциала педагогов профессионального образования: зарубежный опыт

Ирина Курдюмова,

*доктор педагогических наук,
ведущий научный сотрудник,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

Владимир Мясников,

*доктор педагогических наук,
академик Российской академии образования,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

Татьяна Шапошникова,

*кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,*

Центр сравнительно-педагогических исследований (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Цель статьи. В статье отмечается актуальность проблемы развития и использования научного потенциала в профессиональной деятельности педагогов системы профобразования за рубежом.

Материалы и методы. Основой для исследования использования научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования за рубежом выступили

материалы исследований профессиональной деятельности педагогов ряда стран: Англии, США, Австралии, Канады, Италии. Используются традиционные для сравнительной педагогики методы анализа, сравнения, а также методы категориального анализа понятий, используемых для описания феномена профессионального образования как института социализации, призванного повысить эффективность деятельности педагогов посредством усиления социального взаимодействия между участниками процесса учения и обучения.

Результаты. Основой для использования научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования выступает их готовность постоянно наращивать у себя перспективные исследовательские, проектные компетенции, освоение педагогами новых видов деятельности, использование и создание ими современных образовательных технологий, проведение различных исследований и использование их результатов для улучшения своей профессиональной деятельности. Анализируется модель объединённого развития практики (JPD), в которой реализуется коллаборативный подход к совершенствованию учения, обучения и оценивания, в основе которого лежат коммуникативные компетенции.

Выводы. Рассмотренный зарубежный опыт развития научного потенциала работниками сферы среднего профессионального образования представляется эффективным. Изученные материалы дают возможность для последующей разработки и применения рекомендаций для педагогической практики, важнейшими среди которых выступают использование коммуникативных практик обучения и формирование коммуникативных компетенций преподавателей в ходе их исследовательской работы для эффективного их использования в своей деятельности.

Ключевые слова: система профессионального образования, научный потенциал работников СПО, объединённое развитие практики, профессиональные компетенции, коллаборация, коммуникация.

Submitted to the editor – 07.05.2020

Reviewed – 26.05.2020

Accepted for printing – 06.06.2020

Подано до редакції – 07.05.2020

Рецензовано – 26.05.2020

Прийнято до друку – 06.06.2020

УДК 81'23

Social Media Humor During Critical Situations in the System of Adaptive Responses

Tetyana KHRABAN,

*Candidate of Philological Science,
Assistant Professor of the Department of Foreign Languages
of the Military Institute of Telecommunications and Informatization
ORCID.org/0000-0001-5169-5170
(Ukraine, Kyiv) Xraban.Tatyana@gmail.com*

Yevgeny STEPANENKO,

*Candidate of Technical Sciences
Head of the Military Institute of Telecommunications and Informatization
ORCID.org/0000-0001-8852-5220
(Ukraine, Kyiv) vitiinfo@mil.gov.ua*

ANNOTATION

The aim of the article is to study the specifics of the manifestation of humor in the system of adaptive responses during critical situations. Materials & Methods. To achieve intended objectives we think it is justified to use such psycholinguistic research methods as discourse analysis, the method of contextual and intuitive logical interpretation analysis. The material of the study is humor patterns placed on social network Facebook, created during the epidemic of the coronavirus Covid-19 and relevant to this topic. Results. In this work we combine defense mechanisms and copying mechanisms into an integrated system of adaptive responses. It seems quite justified since the mechanisms of the person's adaptation to stressful life situations are extremely diverse. The analysis of humor patterns revealed the following situationally specific coping strategies (in combination with defense mechanisms), which are considered in decreasing order of their share in the general sample: "search for social support" in correlation with defense mechanisms "projection", "identification"; "positive reevaluation" in correlation with defense mechanism "reframing"; "estrangement" in correlation with the defense mechanism "displacement"; "confrontation" in correlation with the defense mechanism "compensation"; "self-control" in correlation with defense mechanisms "exclusion" and "denial". Conclusion. During critical situations humor included in the system of adaptive responses manifests itself as an intrapsychic form of stress management. Its characteristic feature is focusing not on changing a stressful situation but on reducing emotional stress. It was detected that at the linguistic level various adaptive response modes manifest themselves in the social media humor. But during the Covid-19 coronavirus epidemic the most called-for mode is such one combining copying strategy "search for social support" and defense mechanisms "projection" and "identification".

Keywords: humor, social networks, adaptive response, coping mechanism, defense mechanism.

Юмор социальных сетей во время критических ситуаций в системе адаптивных реакций

Татьяна ХРАБАН,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Военный институт телекоммуникаций и информатизации*

Евгений СТЕПАНЕНКО,

*кандидат технических наук,
начальник Военного института телекоммуникаций и информатизации*

Вступление

Активное использование социальных сетей в качестве инструментов повседневной коммуникации стало маркером XXI столетия. Социальные сети имеют ключевое значение для организации интернет-коммуникации благодаря той роли, которую они играют в организации социального взаимодействия, поддержке, информировании, формировании чувства групповой принадлежности и социальной идентичности. Аудитория социальных сетей активна в формировании новых культурных смыслов, поэтому не случайно юмор, получивший в социальных сетях большую популярность и востребованность, всё чаще становится объектом исследования различных лингвистических направлений (психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, социолингвистики). Исследование юмора в современной научной парадигме позволяет значительно расширить круг лингвистических проблем благодаря вовлечению в изучение языковых феноменов экстралингвистических аспектов (психологических, гендерных, социальных, культурологических и других).

Социальные сети являются благоприятной средой для эволюции юмора, которая «зависит и от биологической эволюции психики, и от логики культуры, вплоть до логики смены парадигмальных научных понятий» (Домбровская, 2014). И если способность субъекта выявлять, фиксировать и осмысливать комическое и эмоционально на него реагировать связана с наличием определённого уровня абстрактно-логического мышления, то необходимость продуцирования шуток обусловлена своими специфическими моментами (Грабарчук, 2018: 73). Так, очередную волну шуток спровоцировала глобальная вспышка Covid-19. На фоне беспокойства и тревоги в отношении разбушевавшегося коронавируса целесообразно провести исследование юмора путём соотнесения его с адаптивными реакциями личности, активизирующимися во время критических ситуаций, понимаемых как трудные, проблемные, стрессовые и т.д. В этом ракурсе юмор можно рассматривать как одно из проявлений адаптивных реакций личности во время критических ситуаций.

Анализ последних исследований и публикаций. И. Домбровская отмечает, что, «несмотря на нетождественность механизмов смыслообразования и юмора, психологический механизм юмора в своих эмпирических проявлениях сливается с феноменологией смысла, определения, творчества, общения» (Домбровская, 2014). Это утверждение акцентирует внимание на том, что юмор представляет собой многогранный феномен, исследование которого необходимо проводить на базе комплексного междисциплинарного подхода. Максимально широкое определение предметной области изучения юмора позволило объединить исследовательские интересы лингвистов, психологов, социологов, философов, физиологов, педагогов и других. Для подготовки этой статьи значимыми стали научные работы Ю. Лавицкой, А. Стреленко (Лавицкая & Стреленко, 2019) (охарактеризован юмор

как одно из направлений совладающего поведения); Е. Исаевой (Исаева, 2009) (проанализированы современные концепции адаптации, раскрыты понятия адаптационных ресурсов личности, совладающего со стрессом поведения (копинга) и психологической защиты); В. Ellis (Ellis, 2003), А. James (James, 2014), А. McGraw, С. Warren, L. Williams (McGraw et al., 2014) (доказано, что юмор выполняет позитивную функцию психологической защиты) и другие. Несмотря на большое количество работ, посвящённых исследованию различных аспектов юмора, в данном исследовании впервые, основываясь на эмпирическом материале, был раскрыт потенциал социальных сетей как среды, используемой интернафтами для совладания со стрессовыми ситуациями в аспекте задействования юмора как ресурса адаптивных реакций личности. Научная ценность исследования состоит в дальнейшем развитии теории, рассматривающей юмор как одно из проявлений копинг-стратегий и механизмов психологической защиты.

Цель статьи – изучить специфику проявления юмора в системе адаптивных реакций во время критических ситуаций.

Методы и методики исследования

Для достижения поставленной цели в работе использовались общенаучные методы исследования: анализ, классификация, наблюдение, описание. Кроме того, считаем оправданным задействование таких психолингвистических методов исследования, как дискурс-анализ, метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа. Дискурс-анализ привлекается не просто как метод, а как подход к изучению природы языка в связи с центральными концептами социальных наук. Поскольку «дискурс – социальная практика» (Dirven et al, 2005), то считаем целесообразным в работе использовать прагматический подход к определению дискурс-анализа. При понимании дискурс-анализа в русле прагматического подхода любое высказывание рассматривается как продукт деятельности социальных агентов, всегда включённых в социальные взаимодействия и структуры, конкретную политическую и культурно-историческую ситуацию, то есть как социальное действие (Огієнко, 2012: 100). Метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа направлен на выявление смыслов в паттернах юмора на основании своего личного опыта и логических размышлений. Материалом исследования послужили паттерны юмора социальной сети Facebook, созданные в период эпидемии коронавируса Covid-19 и актуализирующие эту тему.

Результаты и дискуссии

В лингвистике накоплен большой объём теоретических и эмпирических знаний, касающихся юмора, и сейчас на первый план выходит проблема соотнесения лингвистических результатов исследований с более общими достижениями в познании действительности. Такая задача согласуется с «когнитивной парадигмой, в рамках которой установлено, что аспекты языка регулируются или мотивируются когнитивными параметрами, основанными на человеческом опыте и «вложенными» в реальный контекст» (Кулинич, 2000). Такой подход к исследованию юмора определил интерес в рамках этой работы к транзакциональной теории стресса и копинга, разработанной R. Lazarus. Центральными в подходе R. Lazarus являются два основных конструкта: когнитивная оценка и копинг. При столкновении со стрессовым событием у субъекта происходит процесс когнитивной оценки, переоценки, копинга и эмоциональной переработки (Lazarus, 1993: 143). При этом копинг понимается как динамический процесс и рассматривается как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса (Lazarus, 1993: 142). В своей теории R. Lazarus акцентирует внимание на специфичности копинга в отношении к конкретной ситуации, в которой многое зависит от когнитивной интерпретации стрессора (Lazarus, 1993: 142). Такой подход даёт возможность описать

специфичность продуцирования паттернов юмора в социальных сетях в период эпидемии коронавируса Covid-19.

Следует также отметить, что в данной работе мы основываемся на допущении, что диапазон используемых субъектом копинг-механизмов «зависит от сложившейся в раннем детстве структуры ведущих типов психологической защиты. При этом ведущая в структуре личности психологическая защита будет влиять как на когнитивную оценку стрессового события, так и на выработку соответствующих ей стратегий поведения по преодолению данного события, она как бы «задаёт коридор» для формирования последующего копингповедения» (Исаева, 2009: 39). Это позволяет объединять защитные механизмы и копинг-механизмы в целостную систему адаптивных реакций личности, что «представляется вполне естественным и целесообразным, так как механизмы приспособления личности к стрессовым и другим жизненным ситуациям чрезвычайно многообразны – от активных гибких и конструктивных копинг-стратегий, до пассивных, ригидных и дезадаптивных механизмов психологической защиты» (Исаева, 2009: 41).

Рассматривая юмор в аспекте адаптивных реакций личности, для данной статьи актуальным является определение юмора, предложенное R. Martin: юмор – это, по сути, положительная эмоция, вызываемая в социальных контекстах когнитивным процессом оценки шутливого, несерьёзного высказывания. В социальных взаимодействиях юмор приобретает много различных форм, включая «консервированные шутки», спонтанные шутки и непреднамеренные забавные высказывания и действия (Martin, 2007), а также дефиниция юмора, предложенная W. Chlopicki и D. Brzozowska, в котором юмор трактуется как конструкт, зависящий от социокультурного контекста и имеющий собственную структуру и функциональные особенности (Chlopicki & Brzozowska, 2017).

Анализ паттернов юмора позволил выявить следующие ситуативно-специфические копинг-стратегии (в сочетании с защитными механизмами), которые рассматриваются в порядке убывания их удельного веса в общей выборке:

1. «Поиск социальной поддержки» в корреляции с защитными механизмами «проекция», «идентификация» (рис. 1).

Рис. 1. Манифестация копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» (скриншоты заимствованы из электронного ресурса <https://www.facebook.com>)

Обращение к такому модусу адаптивных реакций продиктовано потребностью в эмоциональной поддержке и проявляется в стремлении быть выслушанным, разделить с кем-либо свои переживания, получить эмпатичный ответ. Количество комментариев на шутки, выложенные на страничках интернафтов, доказывает, что юмор является действенным инструментом не только почувствовать себя членом группы, разделяющей твоё мнение, но получить совет от экспертов и знакомых, владеющих с точки зрения респондента необходимыми знаниями. Положительной стороной обращения к такому типу адаптивных реакций является возможность использования внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации. Можно вспомнить мультфильм про котёнка по имени «Гав», который ходил на чердак бояться грозы вместе со щенком. Разделяя свой страх перед эпидемией и её последствиями с кем-то другим, субъект перестаёт чувствовать себя таким слабым и никчемным, и это позволяет ему смягчить переживания. Такой модус адаптивных реакций проявляется в эмоциональной включённости в ситуацию, сосредоточенности на ней («*Мир*

настолько сильно боится коронавируса, что я сегодня в своём подъезде видел, как люди себе сами прививки делали; Сходил в магазин. Реально все скупили! Нет крупы, макарон, молока, картошки, хлеба. Устроил скандал, меня выгнали. Сказали, что это – мебельный магазин»), проявлением обеспокоенности или угнетённости («... Нас для чего-то откармливают»; «Почув кашель сусідів на балконі. Спочатку злякався, але потім понесло травую і мені стало спокійніше»; «Коронавирус уверенно мутирует в карманоминус...»; «Проснулся ночью от того, что жена чихнула... Вся жизнь пролетела перед глазами»), потребностью в защите и безопасности, сочувствии, принятии («Скажи что-нибудь утешающее.» – «На выходных напьемся»; «Доктор, у меня голова болит, глаза слезятся, слабость и насморк» – «Все ясно. Вы – неженка, плакса, слабак и сопляк»; «Шла вторая неделя карантина. Во вкусе коньяка больше всего люблю нотки дуба, которого я скоро дам, если не перестану так пить»), стремлении преодолеть неопределенность («Профессор, а врачи предупредят, когда снова можно будет руки не мыть?»; «А когда карантин закончится, будет такая же компания по вытягиванию из дома тех, кому зашло?»; «Подскажите, куда сходить в квартире, а то я уже все видел»; «А у Вас в семье тоже в магазин ходит тот, кого не жалко?»; «Как заставить себя сидеть на карантине?» – «Сбрейте брови»), постоянном проговаривании ситуации с другими с целью ослабить эмоциональное напряжение («Чем больше я нахожусь дома, тем бездомнее у меня вид»; «Внимание! Один пёс имеет право выгулять всего одного человека в наморднике, на поводке и с документами!»; «Находясь на карантине, не забывайте время от времени примерять джинсы – пижамы коварны»; «Из карантина выйдет тот, кто в дверь пройдёт»; «Оказывается, в 1 кг риса 389672 крупинок. А про сахар я позже скажу»; «Меняю две пачки гречки на адрес подпольной парикмахерской»; «Фраза «у него не все дома...» сейчас звучит как донос»).

2. «Положительная переоценка» в корреляции с защитным механизмом «рефрейминг» (рис. 2).

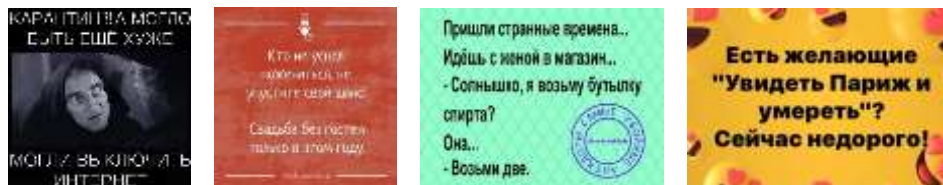

Рис. 2. Манифестация копинг-стратегии «положительная переоценка» (скриншоты заимствованы из электронного ресурса <https://www.facebook.com>)

Предположение об эффекте копинга «положительная переоценка» и защитного механизма «рефрейминг» строится на идеи субъективности отношения человека к событиям окружающего мира. Многоаспектность происходящего события позволяет рассматривать его в разных ракурсах, что дает возможность увидеть преимущества в том, что раньше воспринималось как источник стресса. Такой модус адаптивных реакций проявляется в фокусировании на положительных аспектах («Карантин? А могло быть ещё хуже. Могли выключить интернет»; «Не нойте, что вам тяжело. Представьте, в какой ситуации сейчас воры-домушники»; «Вот и наступил коммунизм – никто не работает и все едят!»; «Но есть и хорошие новости: все эти вечно отдыхающие люди из Инстаграма в этом году никуда не поедут»), переосмыслении себя, своих отношений и жизненных ценностей («Страшные времена! Людям приходится мыть руки, готовить дома еду и общаться со своими детьми... Так может дойти и до чтения книг!»; «Пришли странные времена... Идешь с женой в магазин: «Солнышко, я возьму бутылку спирта?». Она: «Возьми две»»), сосредоточении внимания и направлении мыслей на нахождение «пользы/выгоды» из сложившейся ситуации («Закрывают театры, клубы и магазины. Отменены международные рейсы. Не работают ювелирные магазины. Никогда ухаживать за девушкой не было так

приятно в финансовом плане»; Кто не успел пожениться не упустите свой шанс! Свадьба без гостей только в этом году!»).

3. «Дистанционирование» в корреляции с защитным механизмом «смещение» (рис. 3).

Рис. 3. Манифестация копинг-стратегии «дистанцирование»

(скриншоты заимствованы из электронного ресурса <https://www.facebook.com>)

Этот модус адаптивных реакций реализуется через бессознательное стремление субъекта переключить внимание с объекта действительного интереса на другой, менее релевантный в данное время, объект («В Китае ожил первый человек, умерший от коронавируса... НАЧАЛОСЬ!»); «Всё будет хорошо – на помощь летит астероид!»; «Ко всему этому шухеру не хватает только вторжения инопланетян»; «NASA сообщило, что к Земле приближается гигантский астероид диаметром примерно 990 метров. ТЕБЯ ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЛО!»; «НАМ ТОЛЬКО АНТИХРИСТА ТУТ НЕ ХВАТАЛО! Только сейчас понял, что на Пасху будет закрыт храм Гроба Господня. А это значит, что благодатный огонь не снизойдет. А по преданию – в такой год рождается Антихрист и будет второе пришествие Христа»). Приведённые примеры показывают, что объектами, которые выбирают интернафты для переключения внимания, в основном служат фейковые факты или события, в вероятность осуществления которых субъект или не верит вообще, или сильно сомневается. Также этот модус адаптивных реакций проявляется в попытке сохранения эмоционального равновесия путём отказа размышлять и глубоко задумываться о случившемся («Шел чёрт знает какой день карантина – женщина из Финляндии связала себя и свою собаку крючком»), стремлению к эмоциональному отстранению от ситуации («Каждый вечер после просмотра новостей я обязательно включаю фильм ужасов, чтобы хоть как-то успокоиться»).

4. «Конфронтация» в корреляции с защитным механизмом «компенсация» (рис. 4).

Рис. 4. Манифестация копинг-стратегии «конфронтация»

(скриншоты заимствованы из электронного ресурса <https://www.facebook.com>)

Для этого модуса адаптивных реакций характерна агрессия, направленная на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, отчаянья, страха и т.п., связанных с осознанием опасности (Juni, 1998: 314): «Планета Земля: гречки нет, тушёнки нет, туалетной бумаги нет. Населена долбоёбами»; «Дивлячись як українці притримуються карантинних правил, мушу сказати, що в Україні гуляє вірус страшніше коронавірусу – IDIOT-2020. Вилікувати практично неможливо». Механизм такой адаптивной реакции заключается в трансформации одного психоэмоционального состояния (страха, беспокойства, тревоги) в другое (например, злость). В этом случае агрессию следует рассматривать как потребность субъекта на получение выхода психической энергии и разрядку психического возбуждения. Наиболее часто копинг-стратегия «конфронтация» в корреляции с защитным механизмом «компенсация» манифестируется в чёрном юморе:

«Пробовал работать на дому, но моя семья не очень-то этому рада» (Геннадий, 41 год, патологоанатом); «Подскажите, пожалуйста, как правильно ловить и готовить голубей?»; «Если самоизоляция не поможет, введут самоликвидацию» «350 метрів... червона куртка... без маски» (визуальный компонент – двое снайперов, ведущие наблюдение с крыши).

5. «Самоконтроль» в корреляции с защитными механизмами «вытеснение» и «отрицание» (рис. 5).

Рис. 5. Манифестация копинг-стратегии «самоконтроль»

(скриншоты заимствованы из электронного ресурса <https://www.facebook.com>)

Эффект копинга «самоконтроль» и защитных механизмов «вытеснение» и «отрицание» связан с чувством страха. Страх может давать импульс к вытеснению травмирующей информации. Однако следует отметить, что после вытеснения информации у человека остается чувство неясной, невыраженной тревоги («Один знакомый китаец сказал, что лучше подождать и не заражаться коронавирусом Covid-19, так как в сентябре выйдет новая версия Covid-20. Также в линейке Covid-20 Pro и Covid-20 Pro Plus. Говорят, что ещё будет бюджетная light-версия»). Другим эффектом этого модуса адаптивных реакций является игнорирование страха, что проявляется в отрицании опасности эпидемии. При этом чувство страха редуцируется («В западных СМИ объяснили феномен аномально низкой активности COVID19 В Украине и России: попав в русскоязычную среду, вирус, адаптируясь, начинает лениться, прибухивать, курить и, в конце концов, скатывается по социально-биологической лестнице к обычному ОРВИ»; «Ваше спокойствие оскорбляет чувства паникующих»). Этот модус адаптивных реакций также проявляется как сознательные усилия по сохранению самообладания, уверенности и оптимизма («Третья неделя самоизоляции... Побеседовал с науком. Нормальный мужик! Работает в сети системным администратором»; «Настал момент, когда можно спасти мир, сидя дома в пижаме»), повышение внимания к поступающей информации, стремление сохранять чёткость и последовательность действий («Оказывается, в Италии можно выходить только с собаками. В связи с этим собаки выросли в цене неимоверно. Соседи одалживают собак. Члены семьи гуляют с ними по очереди. Собаки устали»; «С понедельника люди, гуляющие без сопровождения собак, подлежат отлову»; «Знакомьтесь, это – Шарик. Шарик – единственная собака в многоэтажке. Шарик сегодня гулял 60 раз»).

Выводы

Сегодня мы можем говорить о социальных сетях как о своеобразной панацее, к которой прибегают субъекты, когда общение как живой процесс непосредственной коммуникации по какой-либо причине уже не удовлетворяет. Во время критических ситуаций юмор в социальных сетях, включаясь в систему адаптивных реакций личности, проявляет себя как интрапсихическая форма преодоления стресса, характерной особенностью которой является фокусирование не на изменении стрессовой ситуации, а на редукции эмоционального напряжения. Было замечено, что в юморе социальных сетей на языковом уровне манифестируются различные стратегии адаптивных реакций, а именно: копинг-стратегия «поиск социальной поддержки» в корреляции с защитными механизмами «проекция», «идентификация»; копинг-стратегия «положительная переоценка» в корреляции с защитным

механизмом «рефрейминг»; копинг-стратегия «дистанционирование» в корреляции с защитным механизмом «смещение»; копинг-стратегия «конфронтация» в корреляции с защитным механизмом «компенсация»; копинг-стратегия «самоконтроль» в корреляции с защитными механизмами «вытеснение» и «отрицание». Наиболее востребованным во время эпидемии коронавируса Covid-19 стал модус адаптивных реакций, объединяющий в себе копинг-стратегию «поиск социальной поддержки» и защитные механизмы «проекция», «идентификация».

Полученные результаты исследования имеет непосредственное отношение к социальным и социально-психологическим результатам происходящих трансформаций в коммуникации и могут быть использованы для дальнейшего развития теории и практики социальных коммуникаций.

Литература

- Грабарчук, О.Н., Рибачук, Н.В. (2018). Юмор в пространстве современной украинской культуры. *Гуманітарний часопис*, 2, 72–79.
- Домбровская, И.С. (2014). *Юмор в контексте развития*. Т/О «Neformat».
- Исаева, Е.Р. (2009). *Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГМУ.
- Кулинич, М.А. (2000). *Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора*: автореф. дисс. ... докт. культурол. Москва: Моск. пед. гос. ун-т.
- Лавицкая, Ю.А., Стреленко, А.А. (2019). Юмор как копинг-поведение у специалистов помогающих профессий. *Психологический Вадетесит: психологическая феноменология в образовательной среде*, 162–166.
- Огієнко, І. С. (2012). Дискурс та підходи до його аналізу: погляди на проблему сучасних англomовних дослідників. *Наукові записки Національного університету «Острозька академія»*, 23, 98–102.
- Chlopicki, W. & Brzozowska, D. (2017). *Humorous Discourse*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Dirven, R., Polzenhagen, F., Wolf, H.-G. (2005). *Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis*. Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0047
- Ellis, B. (2003). Making a big apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *Of Corpse: Death and Humor in Folklore and Popular Culture*, 35–81.
- James, A.B. (2014). Humour as resistance: Disaster humour in post-9/11 United States. *European Journal of Humour Research*, 2–3, 28–41.
- Juni, S. (1998). The defense mechanisms inventory: Theoretical and psychometric implications. *Curr Psychol*, 17, 313–332. DOI: 10.1007/s12144-998-1014-7
- Lazarus, S. (1993). Coping Theory and Research: Past, Present, and Future. *Psychosomatic Medicine*, 55, 234–247.
- Martin, R. (2007). *The Psychology of Humor. An Integrative Approach*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press.
- McGraw, A.P., Warren, C., Williams, L.E. (2014). The Rise and Fall of Humor: Psychological Distance Modulates Humorous Responses to Tragedy. *Social Psychological and Personality Science*, 5, 566–572.

References

- Grabarchuk, O.N., Ribachuk, N.V. (2018). Yumor v prostranstve sovremennoj ukrainskoj kultury [Humor in the space of modern Ukrainian culture]. *Humanitarnyi chasopys*, 2, 72–79 [In Russian].
- Dombrovskaya, I.S. (2014). *Yumor v kontekste razvitiya [Humor in the context of development]*. Т/О «Neformat» [In Russian].

- Isaeva, E.R. (2009). *Koping-povedenie i psikhologicheskaya zashhita lichnosti v usloviyakh zdorov'ya i bolezni* [Coping behavior and psychological protection of an individual in conditions of health and illness]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGMU [In Russian].
- Kulinich, M. A. (2000). *Semantika, struktura i pragmatika angloyazychnogo yumora* [Semantics, structure and pragmatics of English-language humor]. (Doctor Dissertation). Moskow [In Russian].
- Laviczka, Yu.A., Strelenko, A.A. (2019). Yumor kak koping-povedenie u spetsialistov pomogayushhikh professij [Humor as coping behavior among assisting professions]. *Psikhologicheskij Vademecum: psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noj srede*, 162–166 [In Russian].
- Ogiyenko, I. S. (2012). Dy'skurs ta pidxody` do jogo analizu: poglyady` na problemu suchasny`x anglomovny`x doslidny`kiv [Discourse and approaches to its analysis: views on the problem of contemporary English-speaking researchers]. *Naukovi zapysky` Nacional'nogo universy`tetu «Ostrozka akademiya»*, 23, 98–102 [in Ukrainian].
- Chlopicki, W. & Brzozowska, D. (2017). *Humorous Discourse*. Berlin: Walter de Gruyter [In English].
- Dirven, R., Polzenhagen, F., Wolf, H.-G. (2005). *Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis*. Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0047 [in English].
- Ellis, B. (2003). Making a big apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *Of Corpse: Death and Humor in Folklore and Popular Culture*, 35–81 [In English].
- James, A.B. (2014). Humour as resistance: Disaster humour in post-9/11 United States. *European Journal of Humour Research*, 2–3, 28–41 [In English].
- Juni, S. (1998). The defense mechanisms inventory: Theoretical and psychometric implications. *Curr Psychol*, 17, 313–332. DOI: 10.1007/s12144-998-1014-7 [In English].
- Lazarus, S. (1993). Coping Theory and Research: Past, Present, and Future. *Psychosomatic Medicine*, 55, 234–247 [In English].
- Martin, R. (2007). *The Psychology of Humor. An Integrative Approach*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press [In English].
- McGraw, A.P., Warren, C., Williams, L.E. (2014). The Rise and Fall of Humor: Psychological Distance Modulates Humorous Responses to Tragedy. *Social Psychological and Personality Science*, 5, 566–572 [In English].

Юмор социальных сетей во время критических ситуаций в системе

адаптивных реакций

Татьяна ХРАБАН,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

Военного института телекоммуникаций и информатизации

Евгений СТЕПАНЕНКО,

кандидат технических наук,

начальник Военного института телекоммуникаций и информатизации

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – изучить специфику проявления юмора в системе адаптивных реакций во время критических ситуаций. Материалы и методы. Для достижения поставленной цели считаем оправданным использование таких психолингвистических методов исследования, как дискурс-анализ, метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа. Материалом исследования послужили паттерны юмора

социальной сети Facebook, созданные в период эпидемии коронавируса Covid-19 и актуализирующие эту тему.

Результаты. В данной работе мы объединяем защитные механизмы и копинг-механизмы в целостную систему адаптивных реакций личности, что представляется вполне оправданным, так как механизмы приспособления личности к стрессовым и другим жизненным ситуациям чрезвычайно многообразны. Анализ паттернов юмора позволил выявить следующие ситуативно-специфические копинг-стратегии (в сочетании с защитными механизмами), которые рассматриваются в порядке убывания их удельного веса в общей выборке: «поиск социальной поддержки» в корреляции с защитными механизмами «проекция», «идентификация»; «положительная переоценка» в корреляции с защитным механизмом «рефрейминг»; «дистанционирование» в корреляции с защитным механизмом «смещение»; «конфронтация» в корреляции с защитным механизмом «компенсация»; «самоконтроль» в корреляции с защитными механизмами «вытеснение» и «отрицание».

Выводы. Во время критических ситуаций юмор, включаясь в систему адаптивных реакций личности, проявляет себя как интрапсихическая форма преодоления стресса, характерной особенностью которой является фокусирование не на изменении стрессовой ситуации, а на редукции эмоционального напряжения. Было замечено, что в юморе социальных сетей на языковом уровне манифестируются различные стратегии адаптивных реакций, но наиболее востребованным во время эпидемии коронавируса Covid-19 стал модус адаптивных реакций, объединяющий в себе копинг-стратегию «поиск социальной поддержки» и защитные механизмы «проекция», «идентификация».

Ключевые слова: юмор, социальные сети, адаптивные реакции, копинг-механизмы, защитные механизмы.

Submitted to the editor – 09.04.2020

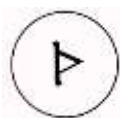
Reviewed – 21.05.2020

Accepted for printing – 23.05.2020

Подано до редакції – 09.04.2020

Рецензовано – 21.05.2020

Прийнято до друку – 23.05.2020

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛІКАЦІЇ В НАУКОВОМУ ЖУРНАЛІ «СОЦІАЛЬНІ КОМУНІКАЦІЇ: ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА»

Обсяг та форматування

Повний обсяг статті разом з анотаціями трьома мовами (англійською, українською та мовою, якою написана стаття), додатками, таблицями, ілюстраціями, списком літератури має становити **25-80 тис. знаків** (символів та пробілів).

Обсяг рецензії на книгу має становити 5–10 тис. знаків.

Файли необхідно називати прізвищем автора статті латиницею, наприклад, Petrenko.doc. Якщо авторів кілька, то прізвищами перших двох авторів, наприклад, Petrenko_Sydorenko.doc.

Рукопис необхідно подавати у форматі, сумісному з Microsoft Word (можливі розширення файлів: .rtf, .doc, .docx). Розмір сторінки А4; книжкова орієнтація; береги по 2 см.; шрифт Times New Roman; розмір шрифту 14; інтервал між рядками 1,5.

Назву статті треба набирати звичайним текстом; не допускається набір із використанням опції Caps Lock.

Необхідно розрізнити символи дефіс і тире (тире відокремлюється з обох боків пропусками й довше за дефіс).

Стиль тексту Звичайний (Normal). Використання інших стилів не допускається.

Схеми, графіки, діаграми (далі – ілюстрації), формули й таблиці нумеруються.

Ілюстрації таблиці не повинні перевищувати розміром зазначених вище розмірів сторінки (А4 мінімум по 2 см береги).

Таблиці формуються в редакторі таблиць (пункт меню "Таблиця"). Формат таблиць тільки книжковий.

Формули в статтях мають бути набрані за допомогою редактора Equation Editor.

Не рекомендується користуватись автоматичною нумерацією.

Ілюстрації. Формат файлів ілюстрацій: jpg. Роздільна здатність ілюстрацій: 300 dpi. Кожну ілюстрацію треба надсилати окремим файлом. Називати файл ілюстрації треба прізвищем автора статті латиницею. Якщо ілюстрацій кілька, то потрібно додавати в назві файлу після прізвища автора порядковий номер ілюстрації. Наприклад, Petrenko1.jpg; Petrenko2.jpg; Petrenko3.jpg.

Перед основним текстом статті потрібно вказати такі дані:

- індекс УДК;
- прізвище, ім'я та по батькові автора/авторів, науковий ступінь, учене звання;
- електронна адреса, ORCID, Scopus Autor ID, Research ID, повна назва організації, у якій працює (навчається) автор, її адресу, поштовий індекс, назва країни;
- назву статті великими літерами;
- **анотацію (детальні вимоги – див. далі);**
- 3–5 ключових слів.

Вимоги до структури основного тексту статті

Основний текст статті повинен мати визначену структуру. Підрозділи статті, які наведено нижче, повинні бути виділені в тексті жирним шрифтом і розташовані на окремому рядку як підзаголовки.

1. Вступ (актуальність теми, огляд літератури й попередніх досліджень із цієї чи суміжної проблематики, мета статті). Обсяг – близько 3000 знаків.

2. Методи дослідження (не загальними фразами, а чітко розписати, які методи і як саме використовувалися для даного дослідження; тобто розкрити механізм проведення дослідження – яким чином було отримано його результати).

3. Результати й обговорення (навести основні результати дослідження).

4. Висновки.

5. Подяки (коротко висловити подяку ВНЗ та дослідникам, які надали допомогу при підготовці публікації).

6. Додатки й Таблиці (якщо є Додатки й Таблиці, то вони обов'язково повинні мати заголовки й порядкові номери; примітки слід розміщувати безпосередньо під таблицями. У тексті статті обов'язково мають бути посилання на ці додатки чи таблиці).

7. Список літератури. Реквізити джерела для журнальних статей – автор, назва статті, назва журналу, номер журналу, рік видання, номери сторінок. Реквізити джерела для книжок – автор, назва книжки, місто видання, назва видавництва, рік видання, кількість сторінок. Приклади оформлення списку літератури див. далі.

Вимоги до анотації

Анотації українською мовою та мовою, якою було написано статтю.

Обсяг анотації: 1800–2000 знаків, урахуваючи пробіли.

Анотація має бути якісною, інформативною та лаконічною. Її мета – стисло відобразити основний зміст проведеного дослідження. **Уникайте повторення в анотації назви статті й загальних фраз.**

Структуру анотацій описано далі.

Анотація англійською мовою (Annotation)

Обсяг анотації англійською: 1800–2000 знаків, урахуваючи артиклі та пробіли).

Анотація має бути написана **правильною англійською мовою**, з урахуванням особливостей орфографії та граматики (британська або американська англійська, але не суміш обох). Неприпустимо подавати анотації, перекладені лише за допомогою комп'ютерних перекладачів.

Структура анотації. В анотації необхідно чітко вказати:

- **мету дослідження** (main **objective(s)** of the study);
- **методи (methodology)** – не загальними фразами, а чітко вказати, як саме було застосовано певні методи; тобто розкрити сам механізм проведеного дослідження – яким чином було отримано його результати (how the study was done);
- **головні результати й висновки** дослідження (**results/findings and conclusions**), із яких має бути зрозумілою їх значимість (**significance**) для науки, суспільства, освіти тощо (здобутий новий цінний фактаж; виявлені нові взаємозв'язки та закономірності; підтверджені чи спростовані певні гіпотези тощо).

Ключові слова (Keywords)

Після анотації потрібно вказати 3–5 ключових слів, розділяючи їх крапкою з комою.

Добираючи ключові слова, урахуйте, що вони мають сприяти пошуку Вашої публікації в електронних каталогах та наукометричних базах. Рекомендуємо проаналізувати, які ключові слова зазвичай використовують у публікаціях за тематикою Вашого дослідження в ключових світових наукометричних базах, наприклад, ScienceDirect видавництва Elsevier (Scopus): <http://www.sciencedirect.com/science/search>. Правильно підібрані ключові слова сприятимуть пошуку Вашої публікації колегами та підвищенню індексу її цитування.

Вимоги до оформлення списку літератури

Шановні автори!

Звертаємо Вашу увагу, що до Журналу приймаються для розгляду й подальшого double-blind (подвійного «сліпого» (анонімного) рецензування) тільки ті статті, що відповідають проблематиці журналу.

За умовами редакційної політики Журналу автор/співавтори можуть опублікувати тільки одну статтю в поточному випуску.

Умови подання й опублікування рукописів

Стаття подається однією з таких мов (українська, російська, білоруська, англійська, польська, сербська, чеська, французька, німецька, китайська) в онлайн-поданні на електронну адресу – akholod@ukr.net.

Разом із статтею подається окремим файлом підписана автором форма про ознайомлення з **Положенням про конфлікт інтересів** <https://comteka.com.ua/положення-про-конфлікт-інтересів/>.

Цитування та внутрішньотекстове посилання на літературні джерела здійснюються за стилем АРА, наприклад (Іванов, 2008; Шульженко & Деревянко, 2000; Dejk, Pristly & Leod, 2018); якщо зазначається сторінка джерела, то вона подається через двокрапку, наприклад (Вірченко, 2010: 55).

У **змісті статті** при перерахуванні прізвищ учених **необхідно обов'язково** вказувати рік (роки) праці (праць), які аналізує автор статті, й “виносити” відповідні джерела в список літератури.

Наприклад:

Розуміння мовлення (тексту) є предметом психолінгвістичних досліджень вітчизняних і зарубіжних учених (Вартанов, 2009, 2019; Різун, 2015; Партико, 1996; Холод, 1999, 2019; Зражевська, 2005; Бойко, 1991, 2010; Wertyl & Polansky, 2019; Lashke, Rizun & Kholod, 2013; Betsy, Koff, Meiri-Leib, Joils & Mountain, 2013; Costle & Wasserman, 2018; Mook, Falconi & Tolff, 2017 та ін.).

ОФОРМЛЕННЯ ЛІТЕРАТУРНИХ ДЖЕРЕЛ

Література і References оформлюються за стилем АРА.

Файли мають бути прикріплені в онлайн-поданні на електронну адресу та названі прізвищем автора:

Бартошек_стаття.

Бартошек_заявка.

Бартошек_форма про конфлікт інтересів.

Умови отримання авторського примірника збірника наукових праць

Пересилання примірників журналу здійснюється ТОВ «Нова пошта» за рахунок автора.

ВАРТІСТЬ ПУБЛІКАЦІЇ вказана на сайті журналу в рубриці «Оплата за публікацію».

Редакція зв'яжеться з авторами, щоб підтвердити інформацію про затвердження статті до друку та її оплати.

Положення про конфіденційність

Імена та електронні адреси, які вказуються користувачами сайту цього Журналу, будуть використовуватись виключно для виконання внутрішніх технічних завдань цього журналу; вони не будуть поширюватись та передаватись стороннім особам.

Якщо оформлення статті не відповідає зазначеним вимогам, редакція повертає статтю автору на доопрацювання.

Електронна версія журналу опублікована на сайті <http://comteka.com.ua> в рубриці «Архів».

Наукове видання

СОЦІАЛЬНІ КОМУНІКАЦІЇ:

ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА

Том 10

Науковий піврічний журнал

Науковий журнал «Соціальні комунікації: теорія і практика»
зареєстрований у Міністерстві юстиції України
як друкований засіб масової інформації
(свідоцтво – серія **КВ № 21875-17775 Р** від **01.02.2016**)

Англійською, російською, німецькою, сербською й українською мовами.

Наукові редактори – Ганна ХОЛОД, Олександр ХОЛОД
Літературний редактор – Ганна ХОЛОД

С 72 Соціальні комунікації: теорія та практика (2020). Науковий піврічний журнал. Том 10. 185.

Том 10 періодичного наукового журналу містить результати досліджень фахівців із соціальних комунікацій, презентовані авторами Данії, Росії, Сербії й України.

Дослідження стосуються теорії та історії соціальних комунікацій, теорії та історії журналістики, бібліотекознавства, прикладних соціально-комунікаційних технологій, соціальних комунікацій в педагогіці й методиці викладання.

Матеріали будуть цікавими для фахівців із соціальних комунікацій, психологів, політологів, філологів, соціологів та філософів.

УДК 316.28 : 316.77(075.8) + 007 : 304 : 001 + 002 + 004 + 01 + 02 + 08 + 070 + 659

К 12

ББК 83.56я73

Видавець:

ГО «НОЦ «УСПІШНИЙ»»
(Громадська організація
«Науково-освітній центр «УСПІШНИЙ»).

Підписано до друку 28.08.2020. Формат 60x84/8.
Папір офс. Гарнітура «Ukrainian TimesET». Друк офс.
Ум. др. арк. 13,4. Наклад прим.: 300. Замовлення № 1509/20

Видавець: ТОВ «НВП «Інтерсервіс»
04209, м. Київ, вул. Бориспільська, 9
Свідоцтво: серія ДК № 3534 від 24.07.2009 р.

Виготовлювач: СПД Андрієвська Л. В.
04209, м. Київ, вул. Бориспільська, 9
Свідоцтво: серія ВОЗ № 919546 від 19.09.2004 р.